

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

О.Б. ШУСТОВА, Г.Н. СИДОРОВ

ЭВОЛЮЦИОНИЗМ И КРЕАЦИОНИЗМ:
НАУКА ИЛИ ФИЛОСОФИЯ?

Монография

Рекомендовано научно-техническим советом ФГОУ ВПО ОмГАУ

Омск
Издательство ФГОУ ВПО ОмГАУ
2009

УДК 001:1
ББК 87
Ш97

Научный редактор – заведующий кафедрой философии
Омского государственного университета,
д-р филос. наук, проф. *В.И. Разумов*

Рецензенты:

д-р филос. наук, проф. *С.В. Костарев*;
д-р биол. наук *В.В. Якименко*;
канд. филос. наук, доц. *Л.А. Сон*

Шустова О.Б.

Ш97 Эволюционизм и креационизм : наука или философия? : монография / О.Б. Шустова, Г.Н. Сидоров ; Ом. гос. аграр. ун-т. – Омск : Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2009. – 200 с. : ил.

Тема монографии диктуется новыми историческими условиями освобождения отечественной науки от идеологических табу. В работе предпринято философское осмысление доказательных баз двух подходов к появлению и развитию жизни, а также возникновению человека – материалистически ориентированного и идеалистического – креационного.

Монография предназначена для философов, биологов, аспирантов, магистрантов и студентов гуманитарного и естественно-научного направлений. Монография может быть полезна учителям школ, педагогам дополнительного образования, духовенству и широким слоям интеллигенции, интересующимся вопросами происхождения и развития жизни и человека.

УДК 001:1
ББК 87

© О.Б. Шустова, Г.Н. Сидоров, 2009
© ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2009
© ГОУ ВПО ОмГПУ, 2009
© Оформление. Издательство ФГОУ
ВПО ОмГАУ, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Философия, биология и апологетика в объяснении происхождения жизни на Земле.....	7
1.1. Философские и богословские идеи в синкретических представлениях о происхождении жизни	7
1.2. Осмысление синтетического подхода: к вопросу о происхождении жизни	11
1.3. Попытка верификации теории самозарождения в экспериментах... 21	
1.4. Положения гипотезы В.И. Вернадского «об условиях проявления жизни на Земле».....	26
1.5. Аргументированность гипотезы самопроизвольного зарождения жизни и пределы самоорганизации в неживой материи.....	30
1.6. Оценка оснований материалистически ориентированной и креационной гипотезы о происхождении жизни	36
Глава 2. Религиозно-идеалистические и материалистические взгляды на развитие жизни на Земле.....	41
2.1. Вера и разум в развитии взглядов на происхождение жизни в додарвиновский период	41
2.2. Дарвинизм о движущих силах эволюции	54
2.3. Неподарвиновские и антидарвиновские эволюционные теории	75
2.4. Идеалистический и теистический эволюционизм концепции П. Тейяра де Шардена	87
2.5. Современный креационизм о появлении и развитии жизни на Земле	90
2.6. Креационно-сальтационный преформизм – версия для объяснения вопроса развития жизни на Земле	99
Глава 3. Материалистический и апологетический подходы к антропосоциогенезу: опыт философского синтеза	105
3.1. Исторические предпосылки симиальной гипотезы происхождения человека	105
3.2. Современная палеонтология о становлении Homo sapiens	112
3.3. Аналитическая характеристика некоторых философских концепций антропосоциогенеза	122
3.4. Альтернативные теории происхождения человека.....	129
3.5. Современная версия креационной гипотезы происхождения человека	139

Глава 4. Философские проблемы биологии в рамках рациональных подходов.....	148
4.1. Диалектика и метафизика: трансформация и роль в биологии	148
4.2. Междисциплинарный подход в вопросах современной биологии ..	156
4.3. Эволюция и систематика: академическая свобода и нравственный выбор.....	161
4.4. Современный подход к проблеме рациональности и его значение в биологии	166
4.5. Научный и философский статус эволюционизма и креационизма..	174
Заключение	180
Библиографический список	182

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с древних времен и до XVIII века наука и философия не рассматривались как разные области знаний, поскольку они соединялись в натурфилософии. Она изучала устройство мира и природу путем гипотез и экспериментов. Однако в XVIII–XIX вв. начался процесс размежевания между учеными и философами, причем роль последних ограничивалась вспомогательными функциями по проверке основополагающих начал, которыми руководствовались в своих изысканиях ученые.

Ф. Бэкон, Дж. Локк и другие ставили цель подвести под научный метод прочную философскую базу. Однако уже в XX столетии П. Фейерабенд выступил против «правила, гласящего, что именно „факты” или „экспериментальные результаты” служат мерилем успеха теорий»¹. Всякая методология, даже наиболее очевидная, по его мнению, имеет свои пределы: «Поэтому ученый, желающий максимально увеличить эмпирическое содержание своих концепций, должен применять плюралистическую методологию»². Полемизируя с Ф. Бэконом в XX столетии, П. Фейерабенд резюмировал, что «человек, который остается с одними чувственными восприятиями, не имея в своем распоряжении ни одной естественной интерпретации, будет полностью дезориентирован и не сможет даже начать построение науки»³. По его утверждению, истолкование является неотъемлемой частью процесса наблюдения: «Факты и теории не только постоянно расходятся между собой, они никогда четко не отделены друг от друга»⁴. Согласно М. Томпсону, «философия науки занимается преимущественно изучением методов и принципов, на основе которых ученые истолковывают факты и выдвигают гипотезы, а также исследует процесс развития самой науки»⁵. Т. Кун подчеркивал: «Философы науки неоднократно показывали, что на одном и том же наборе данных всегда можно возвести более чем один теоретический конструкт»⁶. В данной работе проводится сравнительный анализ двух теоретических воззрений: материалистически ориентированного эволю-

¹ Фейерабенд П. Против методологического принуждения // П. Фейерабенд. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 198.

² Там же. – С. 210.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Томпсон М. Философия науки. – М.: Торговый дом «Гранд», 2003. – С. 7.

⁶ Кун Т.С. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – С. 11.

ционного и креационного, опирающихся на одни и те же эмпирические факты.

К XIX столетию окончательно укрепилось мнение о том, что необходимо не только собирать отдельные факты, но отыскивать причинную связь между явлениями: «Нельзя считать учеными людей, занимающихся только собиранием материала для науки, а не самой наукой»¹. Экспериментально-практическое и теоретическое мышление присутствует в любом научном исследовании на любой стадии. В области биологии ученый никогда не ограничивался простым накоплением фактов, а так или иначе пытался подвести их под теоретическую основу. Установленные внутри научного сообщества определенные законы и теории являются материалом для дальнейших изысканий. Эти законы образуют основы соответствующей парадигмы. «Нормальная наука», по Т. Куну, означает исследование, прочно опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для дальнейшей практической деятельности. Нельзя проводить наблюдения абсолютно независимо от господствующей парадигмы, однако возникновение новой парадигмы порождает научные споры и происходят революционные перемены в науке². В рассматриваемом вопросе происхождения жизни мы сравниваем положения господствующей материалистической парадигмы возникновения живого из неживого в рамках естественных законов и идеалистической, отрицающей возможность происхождения живого из косной материи. В частности, в соответствии с принципом Ф. Реди «все живое из живого», креационизм отрицает самопроизвольность процесса возникновения жизни и делегирует его только Богу как создателю и естественных законов, и жизни вопреки этим верифицированным законам. И поскольку в настоящее время креационизм также претендует на признание научности своих выводов, нам представляется необходимым рассмотреть теоретические разработки данного направления для оценки их состоятельности в сравнении с материалистической гипотезой, которая продолжает оставаться господствующей в современной науке.

¹ Борзенков Я.А. Исторический очерк направлений, существующих в зоологических науках в XIX столетии. – М., 1881. – С. 59–61.

² Кун Т.С. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – С. 128.

ГЛАВА 1. ФИЛОСОФИЯ, БИОЛОГИЯ И АПОЛОГЕТИКА В ОБЪЯСНЕНИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

1.1. Философские и богословские идеи в синкретических представлениях о происхождении жизни

Философское понятие синкретизма представляет собой нерасчлененность, характеризующую неразвитое состояние какого-либо явления, в данном случае науку на первоначальных стадиях ее развития, когда философия, наука и искусство еще не были отделены друг от друга.

Как правило, все, что касается истоков биологии, принято начинать с Аристотеля – «всеобъемлющей головы древности», как сказал о нем К. Маркс. Аристотель считал, что Бог есть первая причина движения, начало всех начал. Животные, растения и элементы, по Аристотелю (384–322 гг. до Р.Х.), существуют от природы; у них есть внутренний принцип движения. Для сравнительно большого числа растений и животных он допускал самозарождение¹. Еще до него Анаксимандр (ок. 610 – после 547 г. до Р.Х.) считал, что мир возник в результате эволюции; живые существа произошли из влажного элемента, когда он подвергался выпариванию солнцем². Платон говорил о самозарождении живых существ из земли в процессе гниения. Аристотель не сомневался в самозарождении лягушек, мышей и других мелких животных. Однако такой взгляд имел под собой более глубокую подоплеку, чем банальный скачкообразный этап самозарождения.

Дело в том, что понятие природа (*natura*) во времена Аристотеля обозначалось словом *фисис* (*physis*). Этот термин, по свидетельству В. Шадевальда (1989), означал не реальные природные объекты, а использовался для характеристики таких направленных событий, как рождение, появление, произрастание, цветение, рост волос, рогов и т. д. в совокупности с определяющими эти явления химическими, физическими и атомными процессами. Весь этот комплекс жизни – *фисис* – являлся, по Аристотелю, «самодвижущимся – или, возмож-

¹ Аристотель. Сочинения: В 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – С. 373.

² Фрагменты ранних греческих философов / сост. А.Н. Чанышев. – М.: Наука, 1989. – Ч. 1. – С. 126.

но, возник из „первого двигателя”, который Аристотель допускал в своей теологии и который для него есть божество»¹.

Таким образом, в античной философии поиски первоосновы жизни осуществлялись в рамках натурфилософского подхода, для которого не только не существовало серьезных различий между философским и научным исследованием природы, но и в представлении о возникновении жизни включались теистические компоненты.

В период Средневековья философия переходит на новый качественный уровень, который принято подразделять на два основных этапа – патристику и схоластику, теоретической основой которых считается античная философия. В заслугу патристики ставят синтез идей Платона (428–348 гг. до Р.Х.) с христианством, что заложило основы символического менталитета Средневековья. Главным устремлением схоластики было показать, что между разумом и откровением нет противоречия. От Платона и Аристотеля христианство унаследовало мировоззренческую ориентацию на соединение иррационально-мистических предпосылок с рассудочностью выводов и методологическую установку на герменевтическую работу с текстом как типовую познавательную процедуру.

Наиболее выдающимся представителем патристики является Аврелий Августин (354–430) (Августин Блаженный) – один из признанных отцов церкви. Он считал, что Бог сотворил мир из ничего по Своей доброй воле, а не по необходимости. Согласно его философии мир неоднороден, он представляет собой непрерывную лестницу существ, восходящую к Создателю. Блаженный Августин видел в самозарождении живых существ проявление божественного произвола, при котором косная материя оживляется «животворящим Духом Божиим, невидимыми духовными семенами»².

С распространением христианства мостик между взглядами Аристотеля и современным для того времени естествознанием перекинули Пьер Абеляр (1079–1142) и особенно Фома Аквинский (1225–1277). Философская позиция П. Абеляра, как представителя схоластики, получила название концептуализма. Им была выдвинута концепция двух истин – веры и разума. Абеляр во многом примыкал к Августину Блаженному, считая, что Бог наградил людей разумом, с

¹ Шадевальд В. Понятие «природа» и «техника» у греков // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс. 1989. – С. 90.

² О Граде Божьем / Августин Аврелий // Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – С. 105.

помощью которого они и познают Его. Он выдвинул принцип «Понимаю, чтобы верить». Абельяр призывал к участию разума в восприятии религии и говорил, что всякое знание есть благо и не может быть враждебно высшему благу. Во взглядах Альберта Великого прослеживается мысль о том, что некоторые догматы веры непостижимы и недоказуемы разумом. Главным методом научного исследования он считал наблюдение. Познание, по его мнению, есть единый процесс взаимодействия чувственного восприятия и мышления¹.

Фома Аквинский (ученик Альберта Великого) разграничивал области философии и теологии: предметом первой являются «истины разума», а второй – «истины откровения». Поскольку конечный объект той и другой истины – Бог, то не может быть принципиального противоречия между откровением и правильно действующим разумом, между теологией и философией. Постигание Бога у Фомы возможно лишь через изучение Его творений. Именно благодаря этому выводу Фомы Аквината христианская церковь обрела в Аристотеле не противника, а союзника.

Средневековые ученые решали вопросы происхождения жизни в рамках одобренного церковью методологического подхода. Так, Ван-Гельмонт (1577–1644) придумал рецепт получения мышей из пшеницы и грязного белья: «Положи в горшок зерна, заткни его грязной рубашкой и жди». Ван-Гельмонт утверждал, что через 21 день он сам наблюдал зарождение вполне взрослых мышей в горшке². Философ и алхимик Роджер Бэкон тоже считал, что гниение – начало новой жизни. Самозарождение живых существ на протяжении нескольких веков поддерживали самые выдающиеся врачи, естествоиспытатели и философы: Парацельс, Галилей, Декарт, Гегель.

В Средние века было распространено учение Парацельса (1493–1541) об «археях» (от греч. «arche» – начало) – высших духовных принципах, регулирующих жизнедеятельность организма, или «духах жизни». Сходное понятие – «монады» находим у Г.В. Лейбница (1646–1716) уже в XVII в. Существует мнение, что данное учение уходит корнями в древний анимизм (от лат. *anima* – душа) – веру в существование сверхчувственных образов, управляющих всеми предметами материального мира. Впоследствии учение Парацельса

¹ Абельяр Пьер. Логика «для начинающих». – М.: Прогресс; Гнозис, 1995. – С. 34.

² Плавильщиков Н.Н. Гомункулус. – М.: Худ. лит-ра, 1961. – С. 3.

послужило основой для появления концепции витализма как учения о жизненной силе¹.

Необходимо отметить, что в философии Средних веков самопроизвольное происхождение жизни считалось хотя и допустимым, но вторичным явлением. Первичным в этом акте было творение по воле Бога: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. I, ст. 1). В начале Бог сотворил жизнь, потом повелел ей производиться на земле: «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя [по роду и подобию ее, и] дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так» (Быт. I, ст. 11). Такое же повеление Богом было дано и воде: «И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. [И стало так.]» (Быт. I, ст. 20). Далее эпистемология креационной науки о происхождении жизни свидетельствует о том, что, хотя животные и производились водной субстанцией, но происходило это по воле Бога: «И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее» (Быт. I, ст. 21)². Следовательно, сотворение жизни Богом, а затем «повеление земле произрастать зелень, а воде – производить душу живую» являются приданием природе как бы самодвижения, а нам очень напоминают природный процесс, называемый во времена Аристотеля фисисом. Эта аналогия очень важна, поскольку Бытие, в котором излагается данный креационный путь происхождения жизни, было написано Моисеем (1574–1454 гг. до Р.Х.)³ более чем за тысячу лет до Аристотеля. Поэтому приоритет представлений о Боге как о первоисточнике жизни и последующем «фисистическом» = природном произрастании и производстве землей и водой растений и животных необходимо признать не за греческой философией, а за Библией, а в плане авторства – не за Аристотелем, а за Моисеем. Данный

¹ Проскуряков В.М. Парацельс. – М.: Просвещение, 1935. – С. 124.

² Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд-во Московской патриархии, 1979. – 1372 с.

³ Даты жизни Моисея приводятся нами по Библейской энциклопедии (1891, с. 480–483). В атеистической литературе время написания Пятикнижья Моисеева указано как IX–VIII вв. до н.э. (Настольная книга атеиста, 1971. с. 321). В мифологическом словаре (1990, с. 364) события времен Моисея обозначены 1305–1196 гг. до Р.Х.

постулат важен не только в хронологическом аспекте, но и в познавательном смысле и должен быть признан в учебном процессе¹.

Развитие античной и средневековой философии явилось важнейшим этапом исторической динамики исследования вопроса происхождения жизни, сыграв принципиальную роль в развертывании проблемных полей в этой области познания. Из синкретического подхода к этой проблеме выделены основные направления, получившие дальнейшее развитие в последующие исторические периоды. Зрелые философские системы античной классики (Платона и Аристотеля) репрезентировали собой основы синтетического знания, которое было развито в Средние века П. Абеляром, Ф. Аквинским, Т. Паррацельсом и др. Уже в рамках натурфилософского подхода было положено начало абстрактной западноевропейской метафизике, задавшей программный образец умозрительного конструирования модели происхождения жизни и заложившей тем самым импульс к тому, чтобы сделать эту область знания специальным предметом философского анализа.

1.2. Осмысление синтетического подхода: к вопросу о происхождении жизни

Концептуальные изменения, произошедшие в западноевропейской философии в конце XVI – начале XVII вв., связаны с рядом глобальных переворотов в политике, экономике, церковной сфере и науке. Великие географические открытия XV–XVII вв. обеспечили нарождавшейся европейской буржуазии новые источники накопления капиталов, расширение товарного производства, рост международных экономических связей. Возникло новое христианское направление – протестантизм, которое явилось одной из исторических форм развития европейской культуры. Между протестантизмом и пантеизмом эпохи Возрождения установилась метафизическая связь, представленная постулатом о единстве бытия и единообразии мира. Начатый Коперником (1473–1543) переворот в науке послужил причиной ликвидации накопившегося груза внутритеоретических проблем – расхождением между теорией и наблюдением в природе. Гуманисти -

¹ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Гносеологический анализ вопроса о происхождении жизни // Естественные науки и экология / ОмГПУ. – Вып. 6. – Омск, 2001. – С. 287.

ческое свободомыслие эпохи Возрождения породило ряд метафизических систем, содержащих в себе элементы различных культур и философских доктрин. Переворот продолжили труды И. Кеплера (1571–1630), Г. Галилея (1564–1642), Р. Декарта (1596–1650), И. Ньютона (1643–1727) и других ученых-мыслителей. Естественно, все эти перемены не могли не коснуться биологических проблем, в частности вопроса о происхождении жизни.

В XVII в. Вильям Гарвей (1578–1657) выдвинул свой знаменитый постулат: «Все из яйца». Примерно в то же время Франческо Реди (1626–1697) доказал невозможность самозарождения мух из гнилого мяса и насекомых – из растений и обосновал положение: «Все живое из живого». Казалось бы, вопрос о самозарождении жизни был отклонен самой передовой наукой XVII в. Однако спустя несколько лет А. ван Левенгук (1632–1723) открыл существование микроорганизмов. Сторонники самозарождения тут же ухватились за этот факт и объяснили возникновение простейших организмов из «живого вещества». Простейшие в то время казались настолько гомогенными и примитивными, что разницы между первичным живым веществом и их организацией никто не подозревал. Эти теоретико-познавательные взгляды на примитивность простейших дожили до середины XX в. и высказывались еще совсем недавно (1951) крупнейшим советским вирусологом В.Л. Рыжковым (1896–1977)¹.

Весь XVIII в. светская теория познания утверждала идею самозарождения жизни. В частности, Поль Гольбах (1723–1789), автор фундаментального анонимного труда «Система природы», объяснял появление живых существ с помощью «самопроизвольного самозарождения»². Несмотря на свою естественно направленную научную деятельность, данное утверждение Гольбах никакими опытами не доказывал. В то же время, с мнением Гольбаха солидаризировался его друг, писатель и философ Дени Дидро (1713–1784), который воспринял эту гипотезу как данность, добытую своими научными сторонниками. Он писал: «Растительное царство, может быть, есть и было источником животного царства, зародившись, само в минеральном царстве, а последнее произошло из всеобщей гетерогенной материи»³. Здесь выражается идея Розенкрейцеров о ряде развития, о чем будет

¹ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Гносеологический анализ вопроса о происхождении жизни // Естественные науки и экология / ОмГПУ. – Вып. 6. – Омск, 2001. – С. 287.

² Гольбах П.А. Система природы. – М.: Соцэгиз, 1924. – С. 41.

³ Дидро Д. Письма о слепых в назидание зрячим. – М.: Просвещение, 1941. – С. 221.

сказано ниже. Одновременно эти утверждения служили и служат базой материалистических идей.

В противовес этим взглядам Ж.Б. Ламарк (1744–1829) считал невозможным самопроизвольный переход от неживого к живому: «Можно положительно утверждать, что между неорганическими и живыми телами лежит огромная пропасть, не позволяющая ни расположить их в один ряд, ни связать переходом, что тщетно пытались сделать»¹.

Основоположник материалистически обоснованной теории видообразования, названной впоследствии дарвинизмом, Ч. Дарвин (1809–1882) практически никогда не касался вопроса о происхождении жизни. В этом плане известна его фраза, заключающая труд «Происхождение видов путем естественного отбора»: «Есть величие в этом воззрении, по которому жизнь с ее различными проявлениями Творец первоначально вдохнул в одну или ограниченное число форм... из такого простого начала возникло и продолжает возникать бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм»². Эта фраза была опубликована в 1859 г. Позднее в своей «Автобиографии» (1876–1881) Ч. Дарвин писал о том, что «стал совершенно неверующим»³. Однако заключительную фразу о «вдохнувшем жизнь Творце» в своем основополагающем труде он редакции не подверг. Тем не менее, двенадцать лет спустя после выхода своей знаменитой книги, Ч. Дарвин в одном из писем рассуждал о том, что «в теплой лужице химических веществ солнечный свет мог вызвать реакции, необходимые для зарождения первого живого существа»⁴. Но это предвосхищение теории А.И. Опарина сам Ч. Дарвин, по всей видимости, позаимствовал у своего родного деда – Э. Дарвина (см. гл. 2.1). В 1882 г. в письме А. Уоллесу Ч. Дарвин высказал следующую мысль: «Я не встречал еще ни одного сколько-нибудь достоверного факта, который бы говорил в пользу так называемого спонтанного возникновения жизни»⁵.

¹ Ламарк Ж.Б. Философия зоологии. – Т. I. – М.: Биомедгиз, 1935. – С. 84.

² Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. – М.: Просвещение. 1987. – С. 362.

³ Там же. – С. 370.

⁴ Брэдли У.Л., Тэкстон Ч.Б. Информация и возникновение жизни // Гипотеза творения / под ред. Дж. П. Морленда. – Симферополь: Крым-Фарм-Трейддинг, 2000. – С. 170.

⁵ Darwin Ch., Wallace A.R., On the tendency of the species to form varieties and on the perpetuation of the species by natural means of selection, J. Linn. Soc. (Zoology), 3, 1958. – P. 45.

С точки зрения онтологии, важно заметить то, что атеистом Дарвин себя никогда не считал, о чем свидетельствовали близкие ему современники, в частности Э. Эвелинг: «он называл себя, на что особенно указывал, агностиком. Ничего не отрицал категорически, а говорил о невозможности доказательств в пользу господствующего учения»¹. От себя заметим, что термин «агностицизм» был введен учеником Дарвина – Т. Гексли (1825–1895) и первоначально означал то, что исследователь мог утверждать только абсолютно установленные факты. В отношении возникновения жизни у Дарвина, по всей видимости, не было даже какой-либо призрачной каймы естественных доказательств, поэтому в этом вопросе он лаконично признал «вдохнувшего жизнь Творца». В отношении же эволюционной теории Дарвин был категорическим противником использования своих работ «против христианства и теизма». Об этом за полтора года до смерти он писал К. Марксу – одному из первых, пытавшемуся использовать учение Дарвина в атеистических целях².

Отвечая голландскому студенту на его вопрос о Боге, Дарвин 2 апреля 1873 г. писал: «Могу лишь сказать, что невозможно представить себе, чтобы эта величественная и чудесная Вселенная вместе с нашим самосознающим «я» возникла случайно, кажется мне главным доводом в пользу существования Бога... Наиболее верным кажется мне заключение, что весь вопрос выходит за пределы, доступные человеческому разуму»³.

Таким образом, в XVII–XIX вв. идея о самозарождении жизни, опираясь на современные для того времени научные представления, претерпевала колебательный процесс от отрицания самозарождения до его признания.

В XIX в., в 1858 г., крупный французский биолог Феликс Пуше, продолжая приращивать знания о самозарождении жизни, опубликовал статью под названием «Заметка о простейших растительного и животного происхождения, самопроизвольно зарождающихся в изолированном воздухе и кислороде». Вывод этой экспериментальной работы гласил: «...мы настаиваем на том, что первичное зарождение не дает никогда законченного организма, но спонтанно зарождаются

¹ Цит. по Дарвинизм. Хрестоматия, 1951. – С. 384–385.

² Письмо Ч. Дарвина К. Марксу 13.10.1880 // Дарвинизм. Хрестоматия / Сост. В.А. Алексеев. – Т. 1. – М., 1951. – С. 385.

³ Письмо Ч. Дарвина голландскому студенту 02.04.1873 // Дарвинизм. Хрестоматия, 1951. – С. 384.

только яйца, под влиянием тех же сил, которые образуют яйцо в яичнике»¹.

С нашей точки зрения, здесь имеет место новый шаг в развитии гипотезы самозарождения, поскольку было соблюдено положение Гарвея «все живое из яйца» и указано на то, что яйца как раз и самозарождаются.

Следующим значимым этапом в изучении происхождения жизни мы считаем взгляды немецкого биолога-эволюциониста Эрнста Геккеля (1834–1919). Он полагал, что в основе жизни лежит простейшее живое вещество – монера, от которой произошли все остальные организмы. При этом реального существования монеры выявлено не было. Тем не менее, Геккель свои субъективные представления о ней выдал за объективную реальность и построил на этом схематичное родословное древо животных. Аналогичную монере субстанцию в XX в. биохимик А.И. Опарин (1894–1980) назвал коацерватом. Именно из него произошли все живые существа (во всяком случае, так утверждается в программах школьного и вузовского курсов биологии до настоящего времени). В отношении Э. Геккеля известно, что он с профессорской кафедры предложил новое учение – «монизм», заменив в нем понятие Бога термином «первооснова субстанции», которая лежит в основе всего². Следовательно, философские взгляды Геккеля на происхождение жизни ни в коей мере не могут быть беспристрастно обоснованы, а вписываются в систему его абстрактных личностно ориентированных метафизических построений.

Крупнейший ботаник XIX в. Карл Негели (1817–1891), не отрицая в целом теорию монер Геккеля, считал, что в основе жизни лежат еще более простые вещества. Но сказать ничего конкретного о них он не мог: «Существ, которые способны к спонтанному происхождению, мы еще не знаем, ...они еще не открыты»³. Негели искренне верил в возможность открытия таких существ, он как серьезный и объективный исследователь полагал, что они будут открыты.

На протяжении всего XX в. неудачные попытки таких открытий предпринимались многими биологами. Так, крупнейший генетик своего времени Н.К. Кольцов (1872–1940) пытался представить праорга-

¹ Лепешинская О.Б. Развитие жизненных процессов в доклеточном периоде. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 18.

² Плавильщиков Н.Н. Гомункулус. – М.: Худ. лит-ра, 1971. – С. 366.

³ Лепешинская О.Б. Развитие жизненных процессов в доклеточном периоде. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 31.

низмы в виде «мицелл гидрофильных коллоидов»¹. Время отвергло его построения.

Однако динамика процесса восприятия биологами некой первоосновы живого вещества как целостного и вместе с тем структурированного образа продолжала набирать обороты в полном соответствии с законом перцепции. Если Геккель, Негели и Кольцов выделяли только одну субстанцию в качестве первоосновы жизни, то К.С. Мережковский (1855–1921) в 1909 г. выдвинул теорию двойственного происхождения органической природы: от микоплазмы (родоначальники грибов и бактерий) и амебоплазмы (предшественники животных). Растения же произошли от симбиоза микоплазмы и амебоплазмы².

Наряду с утверждениями о самозарождении жизни ставились и практические опыты, отвергающие эту возможность. Классическая работа Луи Пастера, описанная в настоящее время во всех школьных и вузовских учебниках (опыт с колбой), гениально и убедительно просто доказывала невозможность самопроизвольного происхождения живого из неживого. Пастер заявил: «Доктрина самозарождения жизни никогда не оправится от смертельного удара, нанесенного этим простым опытом»³. Но его опыты по опровержению теории самозарождения не явились убедительным доказательством для ряда ученых XIX и XX вв. Ф. Энгельс писал: «Опыты Пастера в этом отношении бесполезны: тем, кто верит в возможность самозарождения, он никогда не докажет одними этими опытами невозможность его»⁴. Однако он признавал, что возникновение жизни из неорганической природы нужно еще доказать. В 1886 г. Энгельсу казалось, что «на современной ступени развития науки это означает не что иное, как следующее: изготовить белковые тела из неорганических веществ... Как только будет установлен состав белковых тел, химия сможет приступить к изготовлению живого белка»⁵. Данное предположение не оправдалось. Создать живое из неживого более ста двадцати лет назад казалось так же просто, как до 1775 г. создать вечный двигатель. По нашим представлениям, самопроизвольное возникновение жизни из

¹ Астауров Б.Л., Рокицкий Н.Ф. Николай Константинович Кольцов. – М.: Наука, 1975. – С. 60.

² Лепешинская О.Б. Развитие жизненных процессов в доклеточном периоде. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 31.

³ Морлэнд Дж. Гипотеза творения. – Симферополь, 2000. – С. 175.

⁴ Энгельс Ф. Диалектика природы. – М.: Полит. лит-ра, 1950. – С. 240.

⁵ Там же. – С. 156.

неживой материи или даже из «мертвой органики» так же невозможно, как и создание вечного двигателя в силу противоречия этих явлений законам термодинамики¹.

Аналогичная высказываниям Энгельса точка зрения была характерна и для Тейяра де Шардена: «По поводу опытов Пастера можно, тем не менее, заметить, что стерилизация своей грубостью рискует уничтожить, кроме живых зародышей, которые она стремится устранить, также и «предживые зародыши», из которых только и могла бы возникнуть жизнь»².

В XX в. теория самозарождения простейших организмов получила широкое признание. Высказывались самые различные точки зрения, которые, в сущности, сводились к одному: самозарождение существует, вопрос только где и каким образом это происходит и происходит ли в настоящее время. Ведь еще в 1908 г. Геккелем было сказано: «Отрицать спонтанное зарождение – это, значит, признавать чудо, Божественное творение жизни»³. Поскольку понятие чуда идет вразрез с материалистическими представлениями, на которые продолжает опираться официальная наука, это до сих пор отражается на методологических подходах к вопросу о происхождении жизни.

А.И. Опарин (1924) высказал свои взгляды на происхождение первых органических соединений в «первичном бульоне» мирового океана⁴. Независимо от него сходные взгляды на происхождение живого выдвинул Джон Холдейн (1929), по мнению которого, первые живые вещества были «возможно, огромными молекулами»⁵.

В противовес теории Опарина – Холдейна американский генетик Герман Меллер выдвинул мнение, что жизнь возникла в форме генов – элементарной единицы наследственности – путем сочетания атомных групп и молекул, встречающихся в водах первичного океана. Перепроверяя эту гипотезу, немецкий вирусолог и биохимик Герхард Шрам (1910–1969) подсчитал вероятность случайного сочетания 6000 нуклеотидов, образующих рибонуклеиновую кислоту вируса табачной мозаики, и получил число $\frac{1}{10^{2000}}$. Поскольку во Вселенной число всех нуклонов считается равным 10^{80} , то за несколько милли-

¹ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Гносеологический анализ вопроса о происхождении жизни // Естественные науки и экология / ОмГПУ. – Вып. 6. – Омск, 2001. – С. 286–296.

² Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Айрис Пресс, 2002. – С. 102.

³ Лепешинская О.Б. Развитие жизненных процессов в доклеточном периоде. – М., 1952.

⁴ Опарин А.И. Возникновение жизни на Земле. – М.: Биомедизд, 1936. – 75 с.

⁵ Дубнищева Т.Я. Концепции современного естествознания. – С. 597.

ардов лет, отведенных для синтеза простейших организмов на Земле, практически невозможно получить хотя бы одну такую молекулу. Поэтому гипотеза Меллера о случайном возникновении гена не пользуется признанием. Английский астрофизик Фред Хойл так высказался по этому поводу: «Эта идея столь же нелепа и неправдоподобна, как утверждение, что ураган, пронесшийся над мусорной свалкой, может привести к сборке «Боинга-747»¹. Хойл также отрицательно высказывался по поводу теории Опарина, считая ее «бесмыслицей высшего порядка»².

Как противовес теории самозарождения возникла виталистическая концепция, объясняющая наличие в организмах процессов, управляемых особой нематериальной жизненной силой. Элементы витализма обнаруживаются в представлениях Платона о бессмертной душе (психее) и Аристотеля – об активном начале, заключенном в веществе – «энтелехии», управляющей явлениями живой природы³. Виталистические взгляды Иоганнеса Мюллера, приписывавшего живым существам творческую силу, которая обуславливает их единство и гармонию, В.И. Ленин (1870–1924) относил к физиологическому идеализму⁴. Представитель неовитализма Ханс Дриш, немецкий биолог и философ, считал, что сущность жизненных явлений, или «жизненная энергия», действует вне времени и пространства и непознаваема⁵.

Другим противопоставлением теории самозарождения явилась гипотеза панспермии, выдвинутая в XIX в. врачом Германом Рихтером (1818–1876) и в начале XX в. – физико-химиком Сванте Аррениусом (1859–1927).

Согласно этой гипотезе, зародыши живых существ были перенесены на Землю с метеоритами и космической пылью. Эта точка зрения признавалась многими учеными-материалистами, поскольку позволяла избежать доктрин о Божественном сотворении жизни и в то же время как бы уходила от вопроса возможного превращения нежи-

¹ Hoyle, F., and C. Wickramasinghe. *Evolution from Space. A Theory of Cosmic Creationism*. New-York: Simon and Schuster, 1981. – P. 143.

² Hoyle, F. The big bang in astronomy. *New Scientist* (London) 92, 1981, (19 November), P. 521.

³ Платон. *Сочинения*: В 4 т. – Т. I. – М.: Мысль, 1990. – С. 210; Аристотель. *Сочинения*: В 4 т. – Т. I. – М.: Мысль, 1976. – С. 117.

⁴ Материализм и эмпириокритицизм / В.И. Ленин // *Соч.* – 4-е изд. – М., 1947. – Т. 14. – С. 290.

⁵ Витализм // *Биологический энциклопедический словарь.* – М., 1995. – С. 98.

вого вещества в живое. Наиболее ярко суть этого подхода изложил немецкий физик и физиолог Герман Гельмгольц (1821–1894). Он, отрицая возможность самопроизвольного зарождения жизни, писал: «Если все наши попытки создать организмы из безжизненного вещества терпят неудачу, то мы, кажется мне, поступаем совершенно правильно, задав себе вопрос: возникла ли вообще когда-нибудь жизнь, ... не переносят ли ее зародыши с одного небесного тела на другое, развиваясь повсюду там, где они нашли для себя благоприятную почву»¹. С точки зрения теории познания очень важно утверждение Гельмгольца о том, что «жизнь так же стара, как и материя». Такую единовременность происхождения материи и жизни разделял и биолог А.В. Немилов (1924).

А.Дж. Кернс-Смит из Кембриджа – сторонник гипотезы зарождения жизни в кристаллах глины. Ученый А. Вейсе из Мюнхена и другие исследователи установили, что разнообразие форм глин свидетельствует об их возможной роли в построении примитивных организаций. Дело в том, что в различных видах глин обнаружена некая последовательность, которая напоминает одномерный и двухмерный гены. Происходящие процессы, такие как мутация, будут менять форму образующихся кристаллов и их пористость, влияющих на кислотность и градиенты концентрации отдельных ионов. Таким путем естественного отбора находятся условия, подходящие для синтеза «генетической глины» в данном месте, и наилучшие шансы получит тот «комочек генов», который будет в самых подходящих условиях. Идея образования жизни в кристаллах глины прослеживается в Библии: «Но Ты, Господи, Ты – Отец наш; мы – глина, а Ты – Образователь наш, и все мы – дело руки Твоей» (Ис. 64, ст. 8). Что касается самопроизвольного эволюционирования кристаллов глины, то сам автор гипотезы Кернс-Смит, комментируя ее недостатки, писал: «Никто еще не мог уговорить глину совершить в лабораторных условиях нечто напоминающее эволюцию, и никто пока не обнаружил в природе ничего похожего на организм, имеющий в своей основе глину»².

Другие ученые, например биолог Л. Орджел, убеждены в следующем: «Живые организмы отличает специфическая сложность. Кристаллы... нельзя считать живыми, потому что у них нет сложно-

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы. – М.: Полит. лит-ра, 1950. – С. 240.

² Cairns-Smith, A.G. Genetic Takeover and the Mineral Origins of Life. New York: Cambridge University Press, 1982. (II). – P. 72.

сти; случайные сочетания полимеров тоже нельзя считать живыми, поскольку они не обладают специфичностью»¹. Законом специфичности ученые называют возрастание порядка из хаоса со временем. Применительно к информации этот закон аналогичен переводу стрелки часов назад и возврату системы в начальное, высокоорганизованное состояние. «Специфичность – это мера невероятности того, что действительно происходит, несмотря на наличие альтернативных вариантов»². Иными словами, в кристаллах мы видим признаки упорядоченности, но не сложности. Возникает вопрос: могут ли одни только силы природы привести к появлению специфической сложности?

Л. Пастер обнаружил способность отклонять поляризованный луч только растворами живой материи (асимметрия). У растворов небиологического происхождения это свойство отсутствовало (строение их молекул симметрично). Сто лет спустя американский биохимик, дважды лауреат Нобелевской премии Лайнус Полинг (1901–1994) показал биологический смысл установленной Л. Пастером молекулярной диссимметрии в обеспечении комплементарности при взаимодействии молекул субстрата и фермента в ходе биохимических реакций³. То есть это явление лежит в основе основ самого процесса жизни. Сейчас стало очевидным, что открытая Пастером молекулярная хиральность присуща только живой материи и является ее неотъемлемым свойством. В неживой материи хиральность отсутствует. Сам Л. Пастер пытался выяснить, как «неживая» молекулярная симметрия превращается в «живую» молекулярную диссимметрию. Он полагал, что такими диссимметрирующими силами могли быть мощные электрические разряды, геомагнитные колебания, вращение Земли вокруг Солнца. Пастер пытался реализовать свои гипотезы и экспериментально искал эти «диссимметрические силы». Как и все, что он делал, опытные поиски этого явления были у него разнообразны и качественны, однако все попытки обнаружения данного перехода закончились у этого гения экспериментов безуспешно⁴. Учитывая, что Л. Пастер жил и трудился еще в XIX в., непонятно, каким образом доказанная им молекулярная диссимметрия живого была проигнорирована сторонниками теории самозарождения жизни из неживой материи⁵.

¹ Orgel L., *The Origin of Life* (New York: Wiley, 1973). – P. 189.

² Foster D., *The Philosophical Scientists* (New York: Dorset, 1985). – P. 41.

³ Кузнецов В.И. с соавт. *Естествознание*. – М.: Агар РАН, 1996. – С. 306.

⁴ Там же. – С. 307.

⁵ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. *Философия теорий эволюции*. – СПб.: ЛиСС, 2003. – 63 с.

Подводя под философский фундамент взгляды ученых по вопросу происхождения жизни на Земле, можно сделать вывод, что слабость доказательной базы в данной области породила ряд гипотез как идеалистической, так и материалистической направленности. Начиная с Моисея, Аристотеля, затем Блаженного Августина, Парацельса, а впоследствии Декарта, Ламарка и других, идея о самозарождении жизни интерпретировалась подавляющим большинством как вторичное явление, в основе которого лежит воля Бога. Родственными этому направлению можно назвать взгляды сторонников виталистической концепции XIX–XX вв., вкладывавших в понятие «жизненная сила» духовное первоначало. Иную трактовку понятия самозарождения давали материалисты: Гольбах и Дидро, а затем Геккель, Опарин и другие, отстаивая первичность материи, признавали самозарождение силами естественных причин. «Физиологический идеализм» виталистов и других ученых, признающих духовную сущность в качестве первоосновы, оказывается, в плане сложности верификации, тождественным материализму сторонников зарождения жизни без вмешательства Высшей Силы. В обоих случаях утверждения априорны, однако «физиологический идеализм» считает «жизненную энергию» непознаваемой, а материализм обещает верифицировать причину происхождения жизни в будущем.

1.3. Попытка верификации теории самозарождения в экспериментах

В процессе становления и синтетического развития концепции самозарождения жизни превалировали умозрительные гипотезы, которые, однако, периодически чередовались с экспериментальными попытками доказать либо опровергнуть возможность самозарождения. Помимо классических опытов Реди и Пастера, эксперименты по проверке самозарождения проводились итальянским аббатом Л. Спалланцани (1729–1799) – он первым доказал невозможность самозарождения у микроорганизмов, русским ученым М.М. Тереховским, химиком Гей-Люссаком, биологом Ф. Пуше и рядом других исследователей. Но даже блестящие опыты Пастера не положили конец научным спорам о самопроизвольном возникновении жизни. Камнем преткновения оказалось некое абстрактное понятие «живого веществ-

ва», в которое теоретики вкладывали неоднозначный смысл. Еще Парацельс и Ван Гельмонт упоминали о нем в качестве «духа жизни» в своем учении об «археях». Это же понятие фигурировало у сторонников виталистической концепции в виде «жизненной силы».

К этому понятию в XX в. вернулись и ученые в СССР – сторонники направления «мичуринской биологии», возглавляемого академиком Т.Д. Лысенко (1898–1976). Проблема самозарождения получила здесь дальнейшее развитие в трудах академика АМН СССР О.Б. Лепешинской (1871–1963), опиравшейся на гипотезу А.И. Опарина, рожденную в условиях марксистско-ленинской философии и материалистически ориентированной науки СССР. Она признавалась в стране безусловно, поскольку не только подтверждала, но и сама инициировала существование основополагающей методологической парадигмы, что породила, в частности, невежественно-бредовые идеи О.Б. Лепешинской о «живом веществе». Лепешинская, претендуя на создание «новой клеточной теории», неоднократно призывала «еще и еще раз посмотреть, не гнездится ли идеализм где-нибудь в забытом уголке науки»¹, не осознавая, что сама она проповедовала тот же самый идеализм, но в его атеистической форме.

Лепешинская постоянно указывала на большой пробел в работе Ч. Дарвина, поскольку он не изучал эволюцию клетки. Необходимо заметить, что, по мнению современного американского ученого Майкла Бихи, в середине XIX в. для Дарвина и для любого другого ученого клетка была «черным ящиком»². Другой ученый – Майкл Дентон считал, что «понять клетку можно только, увеличив ее в миллиард раз. Тогда-то нашему взору и предстанет система, сложность и разумное устройство которой ни с чем не сравнимы. Эта реальность – во всех отношениях совершеннее всего, что может создать человеческий разум»³. Дарвин, разумеется, ничего этого видеть не мог, так же как и Р. Вирхов, выдвинувший известное положение «всякая клетка из клетки».

Советские ученые были уверены в том, что «мы стоим очень близко от возможности получения живого из неживого, от постанов-

¹ Лепешинская О.Б. Происхождение клеток из живого вещества. – М.: Правда, 1951. – С. 7.

² Behe M. J. Darwin's Black Box: The Biochemical Challenge to Evolution. New York: Free, 1996.

³ Denton Michael, Evolution: A Theory in Crisis. (Bethesda: Adler& Adler, 1986). – P. 328, 342.

ки проблемы оживления»¹. Поддерживая теорию О.Б. Лепешинской, основоположник «Мичуринской биологии» Т.Д. Лысенко высказался следующим образом: «Теперь накоплен большой фактический материал, говорящий о том, что рожь может порождаться пшеницей... Мы себе представляем это так: в теле пшеничного растительного организма зарождаются крупинки ржаного тела. Эти крупинки вначале также могут не иметь клеточной структуры, из них уже потом формируются клетки и зачатки другого рода»².

Полученные результаты преподносились как торжество советской науки, не взирая на то, что эти «передовые эксперименты» в развитых странах Запада попросту игнорировались как абсолютно необоснованные: «Некоторые лица будут, по всей видимости, удивляться, почему генетики не стремятся повторить эти опыты. Ответ достаточно простой: движению науки вперед сильно мешало бы, если бы все ученые прерывали свою работу каждый раз, как только кто-нибудь опубликовывал свои сомнительные утверждения»³.

В качестве примера слишком поспешной акцепции идеи «живого вещества» показательно мнение специалиста эволюционной школы В.Л. Рыжкова (1896–1976) – крупнейшего вирусолога XX в. Он заявлял: «Искусственную амебу можно получить лабораторным путем, это не вызывает у меня сомнений...». В.Л. Рыжков предложил вирус в качестве первичного материала, считая, что «вирусные белки больше всего подходят под понятие „живое вещество“»⁴.

Говоря о предполагаемой примитивности амебы, сошлемся на высказывание профессора Оксфордского университета Ричарда Докинса: «Ядро каждой клетки содержит цифровую кодированную базу данных, большую, чем все 30 томов Британской энциклопедии. А ДНК некоторых видов амеб, которых мы несправедливо называем „простейшими“, содержат тысячу таких томов»⁵.

Крупнейший патологоанатом и философ И.В. Давыдовский (1887–1968), академик АМН СССР применительно к теории Лепешинской предложил пересмотреть проблему дегенерации клеток:

¹ Крюков В.Г. Выступление на совещании по проблеме живого вещества и развития клеток 22–24 мая 1950 г.: стенографический отчет. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 64.

² Там же. – С. 111.

³ Dobzhansky T. Lysenko's genetics // The Journal of Heredity, 1946. – V. 37. – № 1. – P. 21.

⁴ Рыжков В.Л. Выступление на совещании по проблеме живого вещества и развития клеток 22–24 мая 1950 г.: стенографический отчет. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 112.

⁵ Dawkins R., The Blind Watchmaker (New York: W.W. Norton & Co., 1987). – P. 17–18.

«Нет достаточной уверенности в том, что некробиоз ядер действительно является видом гибели клеток. Возможно, например, что так называемый кариорексис есть процесс размножения клеток, который начинается распылением ядерного вещества... Не решен вопрос и в отношении кариолизиса: в какой мере это некробиоз и почему это нельзя рассматривать как переход клеточно-оформленного вещества в клеточно-неоформленное»¹. Эти философско-биологические рассуждения И.В. Давыдовского, как и академика Н.Н. Аничкова (1885–1964), чуть было не возымели серьезные практические последствия при изучении таких патологических процессов, как регенерация, воспаление, опухоли.

Экспериментальные опыты О.Б. Лепешинской по развитию клетки из «живого вещества», как известно, оказались некорректными и канули в небытие вместе с уходом со сцены «мичуринской биологии». Однако данные вопросы, при учете болезненного нежелания обсуждать их современным сообществом философов и ученых, все-таки требуют ответов, а это значит, что попытки искусственно получить жизнь в лабораторных условиях, то есть *in vitro*, не прекращаются. Сторонники возникновения жизни абиотическим путем опираются на рассуждение: «Если жизнь однажды сама себя создала, то не должно оказаться чересчур трудным создать ее снова»². Это стремление, по мнению ряда ученых, помимо научного интереса имело практическую направленность: расширение ресурсов окружающей среды для обеспечения жизнедеятельности человека³.

За всю многовековую историю изучения вопроса о происхождении жизни четвертой, по счету, серьезной общепризнанной попыткой экспериментально решить эту проблему (после Реди, Спалланцани и Пастера) был опыт С. Миллера. В 1953 г. американский биохимик С. Миллер провел ряд экспериментов по синтезу аминокислот в условиях предполагаемой первичной атмосферы Земли. В этих экспериментах был получен ряд органических соединений, как содержащихся, так и не содержащихся в белках. Однако при этом не упоминается, что Миллер использовал холодильный сепаратор, позволяющий уда-

¹ Давыдовский И.В. Выступление на совещании по проблеме живого вещества и развития клеток 22–24 мая 1950 г.: стенографический отчет. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 137–138.

² Бернал Д.Д. Возникновение жизни. – М.: Наука, 1969. – 391 с.

³ Костарев С.В. Самоорганизация и управление природопользованием: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.08: защищена 25.05.2000 / Костарев Сергей Владимирович. – М., 2000. – С. 34.

лять продукты распада из зоны реакции¹. На первобытной Земле наличие подобного механизма очень сомнительно. Кроме того, акцентируем внимание на исключительно важном гносеологическом аспекте. Полученные Миллером соединения: аденин, глицин, глутаминовая кислота и простые сахара – живыми существами не были. После Миллера Л. Орджел синтезировал простые нуклеиновые кислоты, но они тоже не являлись живыми организмами. Тем не менее, благодаря этим опытам теория «Опарина – Холдейна» о первичных коацерватах, или же «огромных молекулах», как первооснове жизни получила, якобы, экспериментальное подтверждение. Оставалось и до сих пор остается неясным только то, как от сложных органических веществ, хоть в условиях природы, хоть в условиях эксперимента, перейти к простым живым организмам².

За 50 лет, что прошли после эксперимента Миллера, было проведено много схожих и производных опытов, научный смысл которых в конечном итоге выразился в следующем: «Общие усилия ученых скорее привели к ясному пониманию неисчерпаемости вопроса о возникновении жизни на Земле, чем дали ответ на него. В настоящее время любое обсуждение основных теорий или экспериментов в этой области либо заходит в тупик, либо заканчивается признанием ученых в собственном бессилии»³. Отметим, что это высказывание было сделано на фоне того факта, что автор незадолго до этого провел ряд успешных экспериментов по синтезу белка из мономеров. Особо сложную работу проделал М. Эйген, представивший схему развития простой живой системы. Однако сам Эйген признавал, что его «простая» система достаточно сложна и состоит из целого компонента белковых молекул и РНК⁴. Следовательно, все вышеупомянутые опыты, при всей гениальности и кардинальной важности выявления в их рамках законов и свойств окружающего нас материального мира, вопроса о происхождении живого из неживого не решили.

Р. Брукс, ведущий специалист в области создания систем «ИИ» (искусственного интеллекта) и «ИЖ» (искусственной жизни), крити-

¹ Sean Henahan. An interview with Dr. Stanley L. Miller, University of California, 1996. – P. 9.

² Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Философия теорий эволюции. – СПб.: ЛиСС, 2003. – 63 с.

³ Dose K. “The Origin of Life: More Questions Than Answers”, Science Review 13 (1988). – P. 384.

⁴ Эйген М. Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул. – М.: Мир, 1973. – 215 с.

чески оценивая достижения этих программ, пишет: «Считается, что неудача постигла обе области, поскольку они не привели к достижению обещанной грандиозной цели. В рамках этих программ не удалось произвести ни одного механизма, которые были бы неотличимы от живых организмов. ИИ не удалось даже имитировать самое простое животное, а ИЖ не может воспроизвести сложность самых простых форм жизни»¹.

Таким образом, онтологические преимущества гипотезы Опарина состоят в закомуфлированности процесса появления жизни миллионами неконтролируемых наукой лет. Помимо этого гипотеза Опарина застрахована уточнением о том, что в настоящее время процесс купируется занявшими все экологические ниши другими живыми существами².

1.4. Гипотеза В.И. Вернадского «об условиях проявления жизни на Земле»

Отрицание спонтанного самозарождения прослеживается в работах В.И. Вернадского (1864–1945), одного из представителей русского космизма – философского течения, основоположником которого считается Н.Ф. Федоров, а последователями, наряду с В.И. Вернадским – В.С. Соловьев, К.Э. Циолковский и др. Космос рассматривается сторонниками этой идеи как единое структурное образование, живой организм. Истоком этого философского направления считаются идеи Платона о космосе как единой живой системе. Основатель геохимии и автор трудов по философии естествознания В.И. Вернадский тоже был сторонником идеи вечности жизни, объединяя материю и жизнь в единое и неразрывное целое. Утверждая незыблемость «принципа Реди»: «все живое происходит только из живого», Вернадский, опираясь на геохимическую историю Земли, утверждал: «Никогда в течение геологических периодов не было и нет следов абиогенеза», а «жизнь всегда была и не имела начала», поскольку «живой организм – никогда и нигде не происходил из косной материи», в связи с чем в истории Земли не было вообще геологических эпох, лишенных жизни³.

¹ Brooks R., The relationship between matter and life // Nature, (2001). – P. 409–411.

² Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Гносеологический анализ вопроса о происхождении жизни // Естественные науки и экология / ОмГПУ. – Вып. 6. – Омск, 2001. – С. 291.

³ Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. – Т. XVI. – М.: Наука, 1980. – С. 181.

Вернадский вводит понятие живого вещества, подчеркивая свою позицию натуралиста, опирающегося на объективные факты науки. Термин «живое вещество» употреблялся еще Бюффеном в смысле неуничтожимости «атомов жизни, переходящих из организма в организм»¹. У Вернадского живое вещество – это совокупность организмов, участвующих в геохимических процессах и соответственно различающихся массой, химическим составом и энергией. Именно живое вещество, по Вернадскому, является носителем и создателем свободной энергии в таком масштабе, что она охватывает всю биосферу. Биосфера, как земной и космический организм, связывается в единое целое живым². В открытой Пастером диссимметрии Вернадский не видит никакой загадочности. По его мнению, жизнь не переходила однажды на диссимметрический синтез, потому что занималась им всегда, она была, есть и будет диссимметричной. Вернадский подчеркивал, что диссимметрия является оборотной стороной необратимости. Только живому веществу свойственна необратимость и диссимметрия – важнейшие качества пространства и времени³. Эти взгляды совпадают с представлениями Библии о том, что жизнь была создана сразу же в виде жизни.

Вернадский подчеркивает, что в мире много обратимых процессов, например образование одних и тех же полезных ископаемых в различные геологические эпохи. Но животный и растительный мир каждой геологической эпохи неповторим. Биота кембрия отличается от биоты триаса. Палеонтологические биоты никогда не возвращаются в прежнее стояние. Такой же пример можно привести в отношении биоценоза, популяции и даже отдельных особей. Необратимость живого ставит во весь рост вопрос времени⁴. «Ибо нигде в окружающей нас природе время не выдвигается в такой степени и в такой организованности, как в живом веществе»⁵. Таким образом, время, образуясь в живом веществе, становится его свойством, материальным носителем наподобие наследственности и управляет окружающей равновесной средой. По мнению Вернадского, в недрах Земли и биосфере

¹ Аксенов Г.П. О научном одиночестве Вернадского // Вопросы философии. – 1993. – № 6. – С. 58.

² Вернадский В.И. Живое вещество. – М.: Наука, 1987. – С. 95.

³ Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. – С. 181.

⁴ Аксенов Г.П. О научном одиночестве Вернадского // Вопросы философии. – 1993. – № 6. – С. 58.

⁵ Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. – Т. XVI. – М.: Наука, 1980. – С. 85.

происходит образование различных веществ при нормальных условиях. «Возможно, что миллиарды лет отвечают земному планетному времени и составляют лишь малую часть биологического времени»¹.

Раскрывая смысл понятий живого и косного вещества, Вернадский формулирует следующие аксиомы:

1. Организмы берут все химические элементы, строящие их тела, из окружающей среды и возвращают их после смерти или при жизни в ту же среду.

2. Без небесных светил, в частности без Солнца, жизнь на Земле не может существовать².

Биогеохимик Вернадский, видимо, имел все основания утверждать следующее: 1) нигде и ни в каких явлениях в земной коре не было найдено следов самозарождения жизни; 2) жизнь существует непрерывно со времени образования самых древних геологических отложений; 3) нет ни одного организма, генезис которого не отвечал бы принципу Реди³.

Необходимо указать на то, что в том же 1940 г., но уже в другой работе Вернадский признает возможность зарождения жизни вне биосферы Земли или же в биосфере, но при сочетании особых физико-химических явлений⁴.

В теоретико-познавательных взглядах Вернадского на происхождение жизни очень важны следующие выводы: 1. С самого начала биосферы жизнь, в нее входящая, должна уже быть сложным телом, а не однородным веществом, поскольку ее биогеохимические функции не могли быть уделом какой-нибудь одной формы жизни. 2. Организмы должны были появиться не единично, а в массовом эффекте. Должны были сразу появиться биоценозы. Этот взгляд ученого о комплексном появлении жизни тоже солидаризируется с первой главой Библии⁵.

Сам В.И. Вернадский очень хорошо понимал значимость полученных результатов: «Сейчас я как-то ясно чувствую, что то, что я делаю своей геохимией и живым веществом, есть ценное и боль-

¹ Вернадский В.И. О биологическом значении некоторых геохимических проявлений жизни // Природа. – 1988. – № 2. – С. 36.

² Вернадский В.И. Живое вещество. – М.: Наука, 1987. – С. 165, 213.

³ Вернадский В.И. Об условиях появления жизни на Земле. – М.: Наука, 1940. – С. 199.

⁴ Вернадский В.И. Автотрофность человечества. – М.: Наука, 1940. – С. 49.

⁵ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Гносеологический анализ вопроса о происхождении жизни // Естественные науки и экология / ОмГПУ. – Вып. 6. – Омск, 2001. – С. 292.

шее... Сейчас я сознаю, что это учение может оказать такое же влияние, как книга Дарвина»¹.

Длительное время эти взгляды Вернадского замалчивались, поскольку они противоречили господствующей догме А.И. Опарина о постепенном морфо-функциональном усложнении живой материи путем замены одних форм на другие – «более приспособленные»². Многие западные философы считают единомышленником Вернадского теолога и философа Тейяра де Шардена. При всей самобытности творчества каждого из них, очевидны их общие усилия в создании теории ноосферы, в сходстве взглядов на космическое значение и развитие жизни на Земле, роль психогенеза в эволюции и др.³

В.И. Вернадский делает следующее обобщение: «При наличии непрерывного биогенного обмена атомов и энергии между живыми и косными естественными телами биосферы существует целая пропасть в их строении и свойствах. Это различие есть научный факт, вернее научное обобщение. Следствием из него является отрицание возможности существования самопроизвольного зарождения живых организмов из косных естественных тел в условиях современных и существовавших в течение всего геологического времени, то есть в течение 2 млрд лет». Этот факт, по его мнению, не осознается многими учеными, и сотни лет и по сей день осуществляются опыты над абиогенезом. Вывод ученого гласит: «Между живыми и косными естественными телами биосферы нет переходов – граница между ними резкая и ясная»⁴.

Таки образом, В.И. Вернадский решительно отмежевывается от представлений об искусственном создании жизни и еще раз подтверждает мысль о ее уникальности и неповторимости. Следовательно, при анализе этого вопроса ученый вплотную подошел к Библии со стороны науки⁵.

¹ Туровский М.В., Туровская С.В. Концепция Вернадского и перспективы эволюционной теории // Вопросы философии. – 1993. – № 6. – С. 91.

² Кузнецов В.И. с соавт. Естествознание. – М.: Агар РАН, 1996. – С. 372.

³ Контримавичус В.Л. Истоки учения о ноосфере // Человек. – 2002. – № 5. – С. 21.

⁴ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – С. 167.

⁵ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Концепции о происхождении жизни в свете естественно-научной апологетики как урок XX и надежда XXI века // Человек и христианское мировоззрение. – Вып. 9. – 2004. – С. 225.

1.5. Аргументированность гипотезы самопроизвольного зарождения жизни и пределы самоорганизации в неживой материи

Представители научной школы А.И. Опарина (Г.А. Деборин, К.Л. Гладилин), оставаясь в основном на позиции его гипотезы, признают нерешенность главного вопроса всей проблемы – о движущих силах саморазвития химических систем и перехода от химической эволюции к биологической. Иными словами, в рамках гипотезы Опарина не удастся объяснить главную проблему: причину того таинственного скачка от неживой материи к живой, который и знаменует собой начало жизни в том «земном» ее виде, в котором она нам известна¹. Как обобщил американский биохимик Л. Орджел, «получить пребиотический бульон несложно. А вот как объяснить, каким образом эта смесь органических молекул, включающих аминокислоты и органические составляющие нуклеотид, развилась в самовоспроизводящийся организм? Хотя полученные свидетельства и позволяют сделать определенные заключения, я вынужден отметить, что все попытки воссоздать этот эволюционный процесс слишком умозрительны»². Таким образом, воззрения современных ученых как бы возвращаются к представлениям, высказанным Ф. Энгельсом, о неясности взгляда на переход от неживого к живому. Опыты С. Миллера также не дали ответа на этот вопрос. Процессы возникновения сложноорганизованных органических форм из простых неорганических веществ стали теоретически осмысливаться только во второй половине XX в. Этим осмыслением занялась наука синергетика.

Термин «синергетика» был введен в 1969 г. немецким физиком и математиком Германом Хакеном. Помимо этого ученого в разработку данной науки внесли большой вклад И.Р. Пригожин (1917–2003), Г. Николис и другие исследователи. Синергетика сначала называлась термодинамикой открытых систем. В настоящее время считается, что если кибернетика решает проблему рождения разума, то синергетика – проблему рождения материи. Одним из основных вопросов, поставленных синергетикой, был вопрос о существовании общих закономерностей, управляющих возникновением открытых самоорганизующихся систем. Хакен считал, что «мы называем систему самоор-

¹ Кузнецов В.И., Идлис Г.М., Гутина В.Н. Естествознание. – М.: Агар РАН, 1996. – 383 с.

² Orgel L. Darwinism at the very beginning of life. *New Scientist*, 15 April 1982. – P. 150.

ганизирующей, если она без специфического воздействия извне обретает какую-то пространственную, временную или функциональную структуру. Под специфическим внешним воздействием мы понимаем такое, которое навязывает системе структуру или функционирование»¹. Классическая термодинамика изучала закрытые системы, те, которые не обменивались со средой веществом, энергией или информацией. Именно по отношению к таким системам были сформулированы два начала термодинамики. Попытки согласовать второе начало термодинамики с выводами биологических и социальных наук, долгое время были безуспешными. Классическая термодинамика, с точки зрения сторонников синергетики, не могла описывать закономерности открытых систем. И только с переходом естествознания к изучению открытых систем появилась такая возможность.

С точки зрения сторонников синергетики все системы во Вселенной носят открытый характер. В связи с этим они считают, что во Вселенной доминируют не стабильность и равновесие, а неустойчивость и неравновесность. Неравновесные, или нелинейные, системы имеют, по мнению сторонников синергетики, реакции на внешнее воздействие среды. Считается, что эти системы имеют способность воспринимать различия во внешней среде и «учитывать» их в своем функционировании. Так, некоторые более слабые воздействия могут оказывать большее влияние на эволюцию системы, чем воздействия, хотя и более сильные, но неадекватные собственным тенденциям системы. На нелинейные системы не распространяется принцип суперпозиции, когда совместное действие двух факторов вызывает эффекты, отличающиеся от эффектов, вызываемых действием этих факторов по отдельности. Таким образом осуществляются следующие, приписываемые синергетике Г. Хакеном свойства: «Эти системы подвержены внутренним и внешним колебаниям. В этих системах обнаруживаются эмерджентные – новые качества»². Открытые неравновесные системы, активно взаимодействующие с внешней средой за счет притока энергии или информации, могут приобретать особое динамическое состояние – диссипативность. Синергетики определяют ее как качественно своеобразное макроскопическое проявление процессов, протекающих на микроуровне. Благодаря диссипа-

¹ Хакен Г. Информация и самоорганизация // Макроскопический подход к сложным системам. – М.: Мир, 1991. – С. 28–29.

² Хакен Г. Интервью с профессором Г. Хакеном // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 55.

тивности в неравновесных системах могут спонтанно возникать новые типы структур. Таким образом совершаются переходы от хаоса и беспорядка к порядку и организованности, могут возникать новые динамические состояния материи. Разумно предположить, считает И. Пригожин, что некоторые из первых стадий эволюции жизни были связаны с возникновением механизмов, способных поглощать и трансформировать химическую энергию, как бы выталкивая систему в сильно неравновесные условия¹. Таким образом, формирование синергетического мировидения в контексте естествознания рассматривается синергетиками как вызывающее парадигмальные трансформации современной естественно-научной традиции и интерпретируется в качестве новейшей научной революции.

Продолжая обсуждение философских вопросов происхождения жизни, отметим, что в настоящее время известны эксперименты по синтезу всех 20 белковых аминокислот, а также нуклеотидов. Отсюда предметом дискуссии исследователей стали два взаимосвязанных вопроса: 1. Что первично: белки (теория голобиоза) или нуклеиновые кислоты (теория генобиоза)? 2. На каком этапе и как произошло их объединение в единую систему, способную к функциям передачи генетической информации и регуляции биосинтеза белка?²

Лауреат Нобелевской премии Манфред Эйген предложил гипотезу отбора и эволюции макромолекул, основанную на ценности информации. Информация по Эйгену – это молекулярное свойство, которое объясняется динамической теорией материи и оценивается по своей способности к самовоспроизведению. Информация дает возможность отличать друг от друга энергетически вырожденные состояния, характеризуя тем самым «первичную» самоорганизацию³. Ни нуклеиновые кислоты, ни белки, взятые в отдельности, не могут подвергаться отбору и эволюционировать. Считается, что М. Эйген раскрыл физическое содержание процессов редупликации и синтеза биологических информационных молекул. Однако с философской точки зрения гипотеза Эйгена не внесла почти ничего нового в представление о происхождении жизни. Говоря о том, что «процесс возникновения жизни связан с появлением ряда свойств, которые поддаются физическому обоснованию», М. Эйген в то же время призна-

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986. – 420 с.

² Кузнецов В.И. с соавт. Естествознание. – М.: Агар РАН, 1996. – С. 302.

³ Эйген М. Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул. – С. 204.

ет, что предложенная им гипотеза «никогда не даст точного описания исторического пути эволюции». В итоге он цитирует фразу Л. Витгенштейна: «О чем нечего сказать, о том следует молчать»¹.

В поисках образа «доклеточного предка» – некоего первичного субстрата живого вещества, выдвигалась масса гипотез. Но главным аргументом принципиальной невозможности его существования являлось то, что белковые и нуклеиновые макромолекулы структурно и функционально глубоко различны и не могли появиться одновременно в ходе химической эволюции, в связи с чем нереально их сосуществование в протобиологической системе². Именно в этом несоответствии заключается и проблема поиска, по Дарвину, предков различных систематических групп млекопитающих, а также человека. Часто «предки» и «потомки» морфологически и генетически настолько различны, что совершенно немыслимо представить их предполагаемое родство. Поскольку образовавшиеся органические вещества в опытах Миллера были, пользуясь биологическим жаргоном, еще «мертвой органикой», то они должны были подчиняться второму закону термодинамики – закону повышения энтропии, то есть должны были рассеивать энергию. Живые же существа, согласно теореме Пригожина (1947), производят минимальное количество энтропии, а если препятствий для достижения равновесного состояния нет, то энтропия живого достигает своего абсолютного минимума – нуля. Таким образом, живые существа в отличие от неживых веществ стремятся энтропию понизить. То есть препятствуют рассеиванию энергии. Эти представления были подготовлены работами Эрвина Бауэра (1890–1942) и научно обоснованы Ильей Пригожиным. Можно сказать, что существование живой материи как особого неравновесного состояния (открытой системы) проявляет собой законы термодинамики специфическим образом: не подчиняется в полной мере принципам второго начала термодинамики, приложимым к материи неживой (закрытой), однако объясняется положениями того же второго закона термодинамики, но уже для открытых (неравновесных) систем. Жизнь как бы (сопротивляется) нарастанию энтропии. При этом стационарное состояние («проточное равновесие») живого производит минимальную энтропию (Теорема Пригожина). Это стационарное значение энтропии не соответствует ее максимуму, как в изолированной (закрытой,

¹ Эйген М. Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул. – С. 185.

² Кузнецов В.И. с соавт. Естествознание. – М.: Агар РАН, 1996. – С. 305.

неживой) системе¹. По словам Э. Шредингера, «живой организм избегает перехода к равновесию благодаря тому, что он питается, дышит, ассимилирует»². Как бы то ни было, «две стороны» II закона термодинамики, характерные для неживой и живой материи, настолько различны, что, как только, по Опарину, из «мертвой органики» начали бы самопроизвольно возникать живые существа, то в этот момент они должны были бы моментально погибнуть, уничтоженные повышающейся энтропией³.

Австралийский ученый Пол Дэвис пишет о том, что, в то время как некоторые ученые пытаются обойтись без второго закона, большинство подтверждает, что этот закон абсолютен и фундаментален. «Закон постоянного возрастания энтропии – второе начало термодинамики – занимает, на мой взгляд, главенствующее положение по отношению к другим законам Природы. Если ваша теория противоречит второму началу термодинамики, она обречена на крах и глубочайшее унижение»⁴. На фоне этих естественно-научных посылок еще раз отметим, что после первых опытов С. Миллера их повторяли многие ученые, но, несмотря на значительные успехи биохимии, сконструировать из мертвой органики живые существа до настоящего времени не удалось никому. Как не вспомнить здесь слова Авраама, переданные Христом в притче о богаче и Лазаре, о принципиальной невозможности аналогичных явлений⁵: «...между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут» (Лк. 16, 26).

Поскольку многие ученые в настоящее время пытаются объяснить возникновение живой материи с точки зрения синергетики, сам термин «самоорганизация» стал восприниматься почти как синоним самопроизвольного зарождения жизни. Исследование синергетических феноменов самоорганизации макромолекул привело к обоснованию идеи предбиотической эволюции. Однако, с философской точки зрения, сам термин «самоорганизующаяся система» не вполне кор-

¹ Больш. сов. энцикл. – Т. 3. – С. 50; – Т. 5. – С. 495–496; – Т. 18. – С. 619; Т. 25. – С. 481–483.

² Шредингер Э. Что такое жизнь? С точки зрения физика. – М.: Атомиздат, 1972. – С. 73.

³ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Гносеологический анализ вопроса о происхождении жизни // Естественные науки и экология / ОмГПУ. – Вып. 6. – Омск, 2001. – С. 293.

⁴ Davies Paul. The Cosmic Blueprint: New Discoveries in Nature's Creative Ability to Order the Universe. – New York: Simon and Schuster, 1988. – P. 141.

⁵ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Гносеологический анализ вопроса о происхождении жизни // Естественные науки и экология / ОмГПУ. – Вып. 6. – Омск, 2001. – С. 293.

ректен, поскольку бездоказательно заведомо исключается какой-либо внешний источник воздействия на данную систему и не допускается никакой иной источник, выходящий за пределы материального мира. Термин этот с трудом применим к самозарождению жизни, поскольку последняя несет в себе не просто неустойчивость, характерную для неравновесных систем, но также способность к самовоспроизводству, а главное – информацию различных уровней, вероятность рождения из хаоса которой сравнима с известным высказыванием Ф. Хойла о сборке «Боинга» из мусорной свалки при помощи урагана. Ведь цель жизни – это не просто возникновение в определенный момент порядка из хаоса, а постоянное воспроизведение и обмен информацией с окружающей средой.

Некоторые современные философы считают, что нельзя отождествлять понятия «порядок» и «организация». Так, по мнению М.И. Штеренберга, «организация не может существовать в условиях хаоса. Для своего возникновения она требует упорядоченности в определенной мере. Но за пределами этой меры упорядоченность и организация могут выступать как две противоположности... Организация и упорядоченность – разные понятия. Организованными являются системы (организмы, автоматы), способные реагировать на информацию. В противном случае нам пришлось бы считать, что микрокристаллы организованнее амёбы, а памятник человеку организованнее оригинала»¹. Известный биохимик Л. Орджел отметил «неправдоподобность предположения, что возникновение сложных циклов возможно путем самоорганизации»².

В связи с вышесказанным можно допустить, что самоорганизация есть необходимое, но недостаточное условие происхождения жизни. Поэтому, если она имела место в процессе возникновения жизни из неорганического вещества, значит, этому могла способствовать и сила, стоящая вне материальных законов. По этому поводу математик В.В. Налимов пишет следующее: «В моем понимании самоорганизация представляет собой творческий процесс. При таком подходе, естественно, приходится признавать вездесущность того или иного Сознания в различных формах бытия»³. Тем самым Налимов

¹ Штеренберг М.И. Энтропия в теории и в реальности // Вопросы философии. – 2003. – № 10. – С. 103–113.

² Orgel L. Self-organizing biochemical cycles // National Academy of Sciences 97 (2000). – P. 12.

³ Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – М.: Прогресс, 1993. – С. 30.

предлагает раскрыть идеи синергетики как творчество. Иными словами, выдвигается следующая гипотеза: если синергетические процессы и применимы к объяснению вопроса происхождения жизни, то происходят они не иначе, как по воле Высшего Сознания, направляющего и обеспечивающего этот творческий процесс.

1.6. Оценка оснований материалистически ориентированной и креационной гипотез о происхождении жизни

Одним из основных вопросов философии остается вопрос об отношении материи и сознания. По этому вопросу, как известно, сформировались две основополагающие концепции – идеалистическая, ориентированная в интерпретации мироустройства на доминирование духовного, и материалистическая, усматривающая в качестве основания и субстанции всех форм бытия материю. Здесь еще раз упомянем о двух конкурирующих моделях: материалистической (эволюционной) и идеалистической (креационной). Креационизм строится на принципах дуализма законов мироздания, сформулированных Блаженным Августином в своем труде «О граде Божьем». Град Небесный и град Земной управляются разными законами, но закон града Небесного провиденциально определяют особенности законов града Земного. Когда речь заходит об этом, то оказывается, что ученые обращены вовсе не к фундаментальному, а только к прикладному. Наука, во всяком случае опытное естествознание, оказывается «зданием на песке». Блаженный Августин как один из отцов патристики опирался в своем учении на Платона, отличавшего истинный мир – царство идей – от кажущегося и нереального – чувственного, или телесного, мира. Еще в древности элеаты – Парменид и Зенон, а за ними Платон отделяли понятия «знание» и «мнение». Знание, по его словам, определено и безошибочно, поскольку подлинное знание возможно только относительно царства идей. Мнение же подвержено ошибкам, поскольку оно допускает реальность того, что представляет собой лишь видимость и касается чувственного мира¹. Поскольку креационная гипотеза в своей основе опирается на объективный идеализм Платона, то, согласно ей, истинной полноты знания в нашем мире, в данном случае по вопросу происхождения жизни, мы

¹ Платон // Соч.: в 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 135.

сами достичь не в состоянии. Источником основополагающих знаний для сторонников креационного направления является Библия, поэтому мнение, не опирающееся на данный источник, для них является заведомо ошибочным.

Атеистическая концепция основана на материалистическом мировоззрении, отрицающем наличие трансцендентного миру начала бытия и рассматривающем материю как субстанцию любой формы бытия, обладающую способностью к самоорганизации и самовоспроизведению. Следовательно, все «мнения» материалистов сводятся к этой парадигме.

И материалистическая, и креационная гипотезы представляют собой две конкурирующие исследовательские программы, в споре которых важное место занимает проверка фактами. Постпозитивист Карл Поппер (1902–1994) писал, что научные гипотезы всегда остаются гипотезами, ибо их истинность нельзя доказать; из гипотез выводят предположения, которые можно сопоставить с фактами. Факты экзаменуют теорию на прочность (годится – не годится). Поппер как специалист в области методологии науки писал, к примеру, что теория Дарвина не более чем гипотеза¹.

И материалисты, и креационисты свои «мнения» пытаются верифицировать в экспериментах, и полученные результаты воспринимаются как «знания». Это опыты Реди, Пастера, Миллера, Орджела, постулаты Гарвея и Вирхова, теорема Пригожина и др. Однако интерпретация этих знаний производится теми и другими в контексте основного вопроса философии. Суммарное мнение креационистов на основе всех приведенных выше «знаний»: живое все же появилось из неживого (Быт. 1 ст. 11–12, 20–21, 24), но самопроизвольность здесь недоказуема, поэтому причину возникновения жизни нужно искать за пределами законов материального мира. Это постулат креационной гипотезы. Сторонники материалистического подхода выражают иное мнение по поводу аналогичных «знаний»: хотя самопроизвольное возникновение жизни доказать экспериментальным путем пока не удастся, живое в какой-то момент появилось из неживого самопроизвольно, под влиянием факторов внешней материальной среды. Это материалистически ориентированная гипотеза происхождения жизни.

По словам некоторых ученых, сугубо материалистическая модель происхождения жизни – все равно, что «попытка объяснить

¹ Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Мысль, 1983. – С. 125.

формирование генетического кода из элементов ДНК без помощи теории генетики. Это сравнимо с предположением, что текст книги произошел из молекул бумаги, на которой он напечатан, а не из внешнего источника информации. Однако существует мнение, что «Книга жизни», генетическая информация, якобы произошла из бумаги, на которой она написана, из нуклеотидов, азотистых оснований и аминокислот, составляющих ДНК. Согласно этому мнению, генетическая информация синтезировалась в материи случайным образом»¹. Дэвид Юм (1711–1776) писал: «Всеобщий опыт составляет доказательство природы факта»². По Юму, все факты основаны на отношении причинности. Юм не отрицал причинно-следственных связей, но настаивал на уязвимости выводов об этих связях. Причинно-следственная связь между существованием жизни и ее возникновением как раз является таким уязвимым звеном.

Современный философ Норман Гайслер выдвигает принцип единообразия для решения вопроса о происхождении жизни, говорящий о том, что настоящее – это ключ к прошлому. Этот принцип действителен для всех отраслей науки: математики, археологии, генетики. Наш опыт однозначно подтверждает необходимость разума для создания высокоспециализированных носителей информации (подразумевая ДНК). Поэтому гипотеза о неразумных силах природы, создавших все живое, противоречит принципу однородности, от которого зависит научное понимание прошлого»³. Дэвид Фостер проводит в вопросе о возникновении ДНК аналогию с компьютером. «Хард» – материальные части компьютера, «софт» – это разум, который дает компьютеру команды и инструкции. И если ДНК – это вещь или «хард» компьютера природы, то логику системы можно обозначить как Логос. «То, что кроется за ДНК» на самом деле находится в разуме «того, кто кроется за информационной системой ДНК» – в Логосе. Этот Сверхразум запрограммировал и генетическую логическую систему, и физическую реальность. Но наука ограничена в своем познании Логоса. Наука не может пойти дальше «харда», чтобы узнать что-

¹ Wilder-Smith, A.E. *The Natural Sciences Know Nothing of Evolution*. (Costa Mesa, Calif, World for Today, 1981). – P. 4–5.

² Hume D., *An Inquiry Concerning Human Understanding*, ed Charles W. Hendel. 1995. – P. 123.

³ Geisler N.L., Anderson K., *Origin Science: A Proposal for the Creation-Evolution Controversy* (Grand Rapids, Mich.: Baker, 1987). – P. 164.

то еще о «софте» и о его Создателе. Связь с программистом – Логосом должны обеспечить другие дисциплины¹.

Таким образом, есть основания для серьезного научного обсуждения креационного подхода к происхождению жизни, хорошо сформулированного Тимофеем Алферовым: «Самопроизвольное возникновение жизни настолько невероятно, настолько противоречит законам природы, что многие ученые давно уже в это не верят. Но и признать сотворение жизни Единым Всесильным Творцом решаются немногие. Большинство же или вовсе не говорят на эту тему, как Дарвин в свое время, или сочиняют новые басни о наличии в космосе неких семян жизни, или о принесении жизни на Землю какими-то пришельцами из космоса»².

Многие исследователи могут еще достаточно долго продолжать поиски причин и путей только естественного происхождения жизни, надеясь их обнаружить. Однако наша позиция базируется на том, что в этом вопросе следует учитывать баланс и материалистически ориентированной, и креационной установки. Известный западный богослов, автор знаменитого произведения «Хроники Нарнии» К.С. Льюис писал: «Если и была когда-то жизнь, которая возникла сама по себе из неживого, или цивилизация, которая сама себя вытасила за волосы из полного варварства, – значит, это было уникальное событие, не имевшее себе подобных. Так или иначе, Начало – обязано быть вне обычных природных процессов. Яйцо, появившееся не от птицы, ничем не естественнее птицы, существовавшей вечно. Раз последовательность «яйцо – птица – яйцо» не приводит нас к достоверному началу, не разумнее ли будет искать подлинное начало за ее пределами? Не разумно ли искать истинную Причину появления природы за пределами природы?»³. Таким образом, речь идет, с одной стороны, о продолжении изучения естественных природных механизмов, с другой – каким образом это может согласовываться с действием творческого начала и тем, как оно проявляет себя на разных этапах естественной истории.

¹ Foster David, *The Philosophical Scientists* (New York: Dorset, 1985). – P. 41.

² Алферов Т. (Священник Тимофей). *Православное мировоззрение и современное естествознание*. – М.: Паломник, 2004. – С. 165.

³ Lewis, C.S. *God in the Dock*. (Grand Rapids, Mich.: Erdmann's, 1970). – P. 253.

* * *

В настоящей главе нами рассмотрены две философские позиции по вопросу возникновения жизни на Земле: материалистическая – эволюционная и идеалистическая – креационная. Представленные основания исследовательских программ равновеликим образом основываются на метафизике: первая – на вере в естественные природные механизмы, вторая – на вере в разумное начало. Анализ эволюционных и креационных представлений в отношении вопроса происхождения жизни на Земле свидетельствует о недостаточности эмпирической базы и теоретической недоработанности учения о самопроизвольном развитии живого из неживого. Подтверждением этому служит отсутствие экспериментальных доказательств получения живых организмов из неживого вещества. Для более полного сравнительного анализа этих философских позиций необходимо рассмотреть вопросы развития жизни на Земле во всем ее многообразии, опираясь на значительно больший объем накопленных эмпирических данных, что и попытаемся сделать в следующей главе.

ГЛАВА 2. РЕЛИГИОЗНО-ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЕ И МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА РАЗВИТИЕ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

2.1. Вера и разум в развитии взглядов на происхождение жизни в додарвиновский период

История познания свидетельствует о том, что зачастую одни представления приходят на смену другим, но спустя какое-то время сами отвергаются новыми. Причем часто они содержат либо элементы старых воззрений, либо и вовсе возвращаются к ним на качественно новом уровне обобщения. Нам представляется, что развитие взглядов на возникновение и эволюцию жизни имеют подобный характер. Учитывая этот фактор, в соответствии с целью нашей работы проведем сравнительный анализ и сопоставим различные положения додарвиновских, дарвиновских, неodarвиновских и креационных воззрений на проблему развития жизни.

Опишем кратко воззрения древних философов на данную проблему. Необходимость этого обусловлена тем, что античная философия, являясь результатом рационального переосмысления универсальных мировоззренческих оснований мифологической культуры, послужила базисом для всех типов европейской рациональности. Центральный вопрос античной философской онтологии об устройстве мира конкретизируется в положениях о происхождении различных его элементов: космоса, природы, неба, животных, человека и др.

Пифагор верил в бессмертие души и считал, что все происходящее в мире снова и снова повторяется через определенные периоды времени. Он считал, что все живые существа, обладающие душой, родственны друг другу¹.

Согласно философии Анаксимандра, существует вечное движение. Миры возникли не в результате творения, а в результате развития. По его мнению, первые животные были рождены во влаге, заключенные внутри иглистой скорлупы; со временем они стали выходить на сушу².

¹ Фрагменты ранних греческих философов / сост. А.Н. Чанышев. – М.: Наука, 1989. – Ч. 1. – С. 143.

² Там же. – С. 126.

Гераклит, как известно, придерживался диалектических взглядов на развитие мира. Однако он верил в вечность и неизменяемость жизни после смерти и в вечность и неизменяемость Бога. Неуничтожимость живого с точки зрения этого мыслителя предвосхищает круговорот живого вещества в природе: «Бессмертные смертны, смертные бессмертны, жизнь одних есть смерть других, и смерть одних есть жизнь других»¹.

Учение Эмпедокла об эволюции живых существ носило несколько фантастический характер. По его словам, в эпоху господства Любви родились, как попало, части первых животных, как-то: головы, руки, ноги, которые потом срослись: «Много выросло двулицых и двугрудых, быкородных человеколицых и наоборот, возникали человекоподобные быкоголовые, смешанные существа...». И, в конечном итоге, выжили лишь самые приспособленные, а «все части, которые соединились ненадлежащим образом, погибли»². Эмпедокл утверждал, что волосы зверей, перья птиц и чешуя рыб – схожие образования. Таким образом, в учении Эмпедокла уже содержатся предположения, отдаленно напоминающие дарвиновское учение о естественном отборе в происхождении видов.

Платона можно считать одним из основоположников монистического подхода к происхождению жизни. По теории Платона, идея – это то самое единое, которое составляет суть многообразия. Идеи Платона – это проекты тех конкретных форм, которые нас окружают³. В области биологии он выделил четыре рода животных: боги, птицы, рыбы и наземные животные. Создатель (Бог) предоставил богам (младшим) сделать смертную часть всех других животных после того, как он сделал бессмертную и божественную часть⁴. В текстах Платона говорится о важной роли катаклизмов в периодических перерывах в течение истории, вызываемых происходящими землетрясениями, морями, потопами. В результате таких катастроф история как бы начинается заново и чаще всего в новых регионах⁵. Именно эта идея Платона получила дальнейшее развитие в первой половине XIX в. в теории катастроф Ж. Кювье. Циклы, по Платону, определя-

¹ Фрагменты ранних греческих философов / сост. А.Н. Чанышев. – М.: Наука, 1989. – Ч. 1. – С. 177.

² Там же. – С. 384, 382.

³ Никаноров С.П. Социальные формы постижения бытия // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 23.

⁴ Платон // Соч.: в 4 т. – Т. I. – С. 284.

⁵ Барг М.А. Эпохи и идеи. – М.: Мысль, 1987. – С. 51.

ются не изнутри, а извне – состоянием космоса. Платон в своей программе космогенеза показывал проективность идей. В «Тимее» он демонстрирует, каким образом идеи космогенеза воплощаются в пяти правильных многогранниках, а они в свою очередь соотносятся с пятью первоэлементами: земля, металл, вода, дерево, огонь¹. Как оригинальный мыслитель, Платон заложил базу основных философских направлений европейской культуры.

Аристотель, как и Платон, оказал огромное воздействие на философию запада. Три закона логики Аристотеля: закон тождества, закон исключения третьего и закон недопущения противоречия – до сих пор лежат в основе рационального познания. Аристотель является дуалистом: он признает существование двух самостоятельных первоначал – материи и формы. Он выдвинул доктрину универсалий, созвучных идеям Платона. Учение Аристотеля – телеология. Бог – источник вечного движения, перводвигатель. По его мнению, постепенное развитие живых существ мы можем наблюдать лишь в зародыше, «завершение возникает напоследок, и то, что составляет особенность каждой особи, является завершением развития»². Таким образом, Аристотель более чем за две тысячи лет размышлял над тем, что сейчас называется биогенетическим законом Мюллера – Геккеля.

Как известно, наиболее ранние высказывания о сотворении мира, в том числе растений и животных, выражены в Библии (Быт. 1, 27). Традиционно считалось, что Библия не подтверждает идею поэтапного развития органического мира и всегда подразумевает единовременное сотворение земли, неба, растений и животных. Однако в книге «Премудрость Соломона» (неканоническая книга Библии) совершенно четко прослеживается идея трансформизма: «Самые стихии изменились, как в арфе звуки изменяют свой характер, всегда оставаясь теми же звуками, это можно усмотреть через тщательное наблюдение бывшего. Ибо земные животные переменялись в водяные, а плавающие в водах перешли на землю» (Прем. 19, ст. 17–18). В этом высказывании прослеживается как бы новый этап теории познания – «через тщательное наблюдение бывшего». Подобно Платону, полагавшему, что в результате землетрясений, потопов и других катаклизмов начинается новая история земли, Соломон также видел, что мир, созданный Богом, может по воле Бога и изменяться. Следова-

¹ Тимей Платон // Соч.: в 3 т. – М., 1971. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 455–541.

² Аристотель. Сочинения: в 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – С. 230.

тельно, Библия содержит диалектические идеи о развитии жизни на земле¹.

Таким образом, начиная с древности, мы наблюдаем формирование трех основных философских направлений, связанных с решением вопроса о происхождении и развитии жизни: идеализма (Пифагор, Платон), материализма (Гераклит, Эмпедокл, Анаксимандр) и дуализма (Аристотель). Элементы дуализма встречаются также в философии Платона, поскольку он считал материю мертвой, бесформенной и непознаваемой в противоположность миру идей. В основном же для греческой философии древности характерен монизм – мировоззрение, рассматривающее разнообразные явления в свете какого-либо единого начала. Мы можем наблюдать трансформацию монизма от его примитивной формы (у Фалеса первооснова – вода, у Гераклита – огонь), до более зрелой у Платона, получившей дальнейшее развитие и обоснование у основоположников патристики – Августина Блаженного, Климента Александрийского и др.

В эпоху Средневековья, когда теология имела приоритетный статус, наблюдался синтез учения Аристотеля и Платона с христианским мировоззрением в трудах Августина Блаженного, Фомы Аквинского, Пьера Абеляра. Уже у Августина Блаженного прослеживаются взгляды, впоследствии названные преформизмом: «Я думаю, что Бог вначале сотворил сразу все существа, одних действительно, других в их первоосновах...»².

Особой оригинальностью в этот период отличались взгляды Альберта Великого (1206–1280), в научных трудах которого представлены все возможные в то время области естествознания: зоология, ботаника, минералогия. Он прославился как натуралист, проводивший исследования в области эмбриологии и других наук.³

Следующий всплеск философских идей в биологии определился в период, последовавший за эпохой Возрождения: в XVII и XVIII вв. На смену созерцательного подхода к познанию природы пришел подход наблюдательный. Вместо суверенитета веры, основанной на разуме, признается суверенитет разума, основанного на вере. Ф. Бэкон (1561–1626) и Р. Декарт (1596–1650) разработали учение о методе как основе научного познания. Кроме того, Ф. Бэкон в своем произ-

¹ Сидоров Г.Н., Еремеева В.Г., Шустова О.Б. Растительный и животный мир в Библии. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – С. 4.

² Леллот Ф. Решение проблемы жизни. – Брюссель, 1959. – С. 91.

³ Греб Кажемиж. Шеренга великих биологов. – Торунь, 1971. – С. 22.

ведении «Новый Органон» особо выделил роль философии применительно к естественным наукам: «После слова Бога естественная философия есть вернейшее лекарство против суеверия и тем самым достойнейшая пища для веры. Если одно являет волю Бога, то другое – его могущество»¹. По нашему мнению, такая установка дала толчок развитию научного креационизма – направления, считавшего Бога первопричиной всего существующего, но, в то же время, не отрицавшего возможности человеческого познания в рамках отведенных ему Богом способностей. В этот период были предприняты первые попытки создания научной системы растений до Линнея А. Цезальпином (1519–1603) и Ж. Турнефором (1656–1708), сделаны новейшие открытия в области системы кровообращения – вначале У. Гарвеем (1578–1657), а затем М. Мальпиги (1628–1694), выдвинут знаменитый постулат Ф. Реди: «Все живое из живого». В тот же период весьма острожно стал обсуждаться вопрос об изменяемости либо неизменности видов живых существ.

Английский биолог Джон Рей (1623–1705) – автор определения понятия «вид». Данное им определение вида хотя и было сформулировано триста лет назад, но, на наш взгляд, до сих пор является, пожалуй, самым емким и не менее точным, чем современные определения. Вид, по Д. Рею, – это совокупность тождественных друг другу организмов, способных давать подобное себе потомство². Д. Рей указывал на постоянство видов растений, считая, что «один вид не может произойти из семян другого и наоборот». Однако он отмечал, что, хотя видовые признаки «довольно постоянны, но... некоторые семена вырождаются и хотя редко, но производят растения, отличающиеся от материнской формы, что, следовательно, у растений совершается превращение видов»³. Мы не согласны с такой интерпретацией слов Д. Рея И.И. Мечниковым и полагаем, что Джон Рей в данном случае первым высказал предположение о модификационной изменчивости, которая происходит в рамках одного вида.

Одним из основоположников научного креационизма можно считать К. Линнея (1707–1778). По его представлению, Бог создал животных и растения на острове, среди которого возвышалась высокая гора; на ее склонах можно было найти климатические зоны – от

¹ Бэкон Ф. Новый Органон // Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1972. – Т. 2. – С. 112.

² Завадский К.М. Учение о виде. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1961. – С. 11; Завадский К.М. Вид и видообразование. – Л.: Наука, 1968. – С. 28.

³ Мечников И.И. Очерк вопроса о происхождении видов. – М.: Биомедгиз, 1950. – С. 10.

полярной до тропической. Животные и растения были созданы в соответствующих их организации высотных зонах, где и жили до того момента, когда море начало отступать и остров соединился с сушей, после чего животные стали расселяться по лицу Земли¹. Аналогичная теория образования современной флоры и фауны под названием «теории постоянства материков и океанов» (теория перманентности) существует до настоящего времени и постоянно упоминается специалистами-зоогеографами². Карл Линней считал, что видов столько, сколько различных форм произвел в начале мира Всемогуший; эти формы согласно законам размножения произвели множество других, но всегда подобных себе³. Однако, как и Д. Рей, он отмечал, что у растений могут быть вариации «по величине, махровости, опушению, цвету и запаху. Величина растений изменяется в зависимости от места, почвы, климата, а также избытка питания»⁴. Эти взгляды также укладывались в современные представления о модификационной изменчивости и к идеям дарвиновской эволюции отношения не имеют.

Русский академик П.С. Паллас считал, что вид есть единица постоянная и виды следует считать «проектированными в первом плане творения и назначенными для образования той цепи существ, которой мы восхищаемся, не имея возможности объяснить ее, так же как и выбор цветов и украшений, которые тоже творческая сила употребила для украшения своих произведений»⁵. Не имея представления о законах генетики, Паллас гениально предугадал ведущую роль «влияния воспроизводительных сил» и считал, что оно пересиливает и уравнивает все другие причины, могущие изменить наружность животного, в том числе и условия внешней среды.

Альбрехт фон Галлер (1708–1777), швейцарский физиолог и эмбриолог, возглавлял школу преформистов. По его утверждению, ничто в теле животных не возникает заново, но все развивается из первоначальных зачаточных структур по их подобию. Зародыши всех будущих форм вложены в зародыши современных; они не могут быть обнаружены с помощью микроскопа, так как чрезвычайно мелки и прозрачны. По подсчетам Галлера, от сотворения мира до наших дней

¹ Пузанов И.И. Зоогеография. – М.: Биомедгиз, 1938. – С. 11.

² Бобринский Н.А., Гладков Н.А. География животных. – М., 1961. – 287 с.; Литвинов Н.И. Зоогеография. – Иркутск: Изд-во ИСХИ, 1992. – 130 с.

³ Комаров В.Л. Жизнь и труды Карла Линнея // Избр. соч. – М., 1945. – Т. 1. – С. 414.

⁴ Дарвинизм. Хрестоматия / Сост. В.А. Алексеев. – Т. 1. – М.: Изд-во МГУ, 1951. – С. 71.

⁵ Там же. – С. 88.

смогло развернуться около 200 млрд зародышей, которые все сразу были созданы в дни творения¹. По нашим представлениям, взгляды Галлера очень удачно вписываются в современную теорию чистоты гамет У. Бэтсона (1902) и закон независимого комбинирования признаков (третий закон Менделя). Сходные идеи прослеживаются в античном плюрализме у Эмпедокла и Анаксагора.

По мнению Шарля Боннэ (1720–1793), швейцарского естествоиспытателя и философа, все существа образуют непрерывную цепь, вне которой стоит только Бог. Минералы постепенно переходят в организованные существа, а те в свою очередь связаны между собой цепью едва заметных переходов. Продолжая мысль Боннэ, земной шар был театром катастроф, числа которых мы не знаем и которые могут быть впоследствии. В конце каждого периода жившие формы вымирают, на их место заступают другие, резко от них отличающиеся; новые животные происходят из зародышей прежних и посредством этих зародышей устанавливается связь между фауной и флорой двух смежных периодов. Благодаря гармонии, установленной между развитием органических зародышей и катастрофами, происходящими на нашей планете, флора и фауна новых периодов появляются сами собой, не требуя нового акта творения². С возникновением и развитием генетики гипотеза преформизма получила серьезное научное обоснование.

Поскольку взгляды преформистов согласуются с данными современной генетики, целесообразно эти взгляды обобщить. Они сводятся к следующему: «Природа едина и целостна, поэтому в ней нет места для возникновения нового, все, что мы ошибочно воспринимаем как новое, есть только результат иной комбинации элементов уже существующего, а следовательно, является лишь видимостью нового»³. Эта мысль подтверждается цитатой из Библии: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1 ст. 9).

Таким образом, взгляды преформистов, подсчитывающих в своих работах комбинации (как теперь можно говорить) независимых гамет, очень хорошо объясняют так называемую эволюцию живых существ актом первоначального Божественного замысла.

¹ Дворянкин Ф.А. Дарвинизм. – М.: Изд-во МГУ, 1964. – С. 53.

² Перье Э. Основные идеи зоологии в их историческом развитии. – СПб.: Тип. товарищества «Просвещение», 1896. – С. 50.

³ Дворянкин Ф.А. Дарвинизм. – М.: Изд-во МГУ, 1964. – С. 42.

В XVII–XIX вв. продолжились разработки учения об историческом превращении одних органических форм в другие – трансформизма, уходящего своими корнями в эпоху древности к философам-материалистам: Демокриту, Гераклиту, Эмпедоклу, Анаксимандру. Известные философы-материалисты XVIII в. Д. Дидро (1713–1784) и П. Гольбах (1723–1789) высказывали идеи трансформизма в происхождении видов. Так, Гольбах подходил к пониманию природы с точки зрения детерминизма, считая, что природа – это необъятная цепь причин и следствий. Что же касается гуманистичности Дидро, то он в своих представлениях во многом повторял взгляды древнего Эмпедокла о выживании наиболее приспособленных конгломератов живых существ: «Я могу утверждать, что некоторые из них не имели желудка, а другие не имели кишок... что постепенно вывелись чудовища, что исчезли все неудачные комбинации материи»¹. Следовательно, взгляды Дидро, как и Эмпедокла, предвосхищают гипотезу дарвиновского естественного отбора. Эти идеи, однако, не обосновывались доказательствами и не сопровождались ссылками на движущие силы изменений. Представителем раннего трансформизма был Ж. Бюффон, высказывавший некоторые элементы эволюционизма. Бюффон выдвинул учение о геологической эволюции Земли продолжительностью 65000 лет с шестью периодами. Он отрицательно относился к работам Линнея и считал, что в природе нет тех групп, на какие мы делим животных и растения: нет ни видов, ни родов, ни порядков, ни классов. Есть лишь особи и индивидуумы. Он полагал, что виды животных могут изменяться под влиянием климата. Ему принадлежит знаменитая формула: «Природа не делает ни одного шага, который не был бы направлен во все стороны»², получившая свое дальнейшее развитие в теории корреляций, разработанной Ж. Кювье.

Натурфилософские воззрения Эразма Дарвина (1731–1802) – деда Чарльза Дарвина – о происхождении жизни почти дословно являются собой поэтическое оформление теории А.И. Опарина, выдвинутой в XX в.³ Опарин, как известно, предложил теорию самопроизвольного самозарождения коацерватов в водной среде. Э. Дарвин за два века

¹ Дидро Д. Письма о слепых в назидание зрячим // Избранные произведения. – М.: Просвещение, 1941. – С. 57.

² Таранов П.С. Золотая философия. – М.: Изд-во Аст, 1999. – С. 383.

³ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Философия теорий эволюции. – СПб.: ЛиСС, 2003. – С. 11–12.

до него писал о том, что жизнь возникла произвольно в море под действием солнечных лучей, в виде тягучих клейких нитей:

Согрета солнцем, в гротах, на просторе
Жизнь организмов зародилась в море.
Тягучей клейковиною вясь,
Нить с нитью, с тканью ткань вступила в связь,
И быстрой Сократительности сила
В волокнах тонких жизнь воспламенила.
Так без отца, без матери, одни
Возникли произвольно в эти дни
Живого праха первые комочки...

.....
Земная жизнь в безбрежном лоне вод,
Среди пещер жемчужных океана
Возникла, получила свой исход,
Росла и стала развиваться рано...¹.

Э. Дарвин признавал единство происхождения всех видов растений и животных, не исключая при этом и человека:

Так Дуб, лесной могучий исполин,
Громов британских по морям носитель,
И чудо-Кит, морской пучины житель,
И Лев, владыка царственных равнин,
Орел, что в высь парит под небесами
И солнце зрит открытыми глазами,
И Человек, владыка всех зверей,
Умом и речью павною своей
Кичащийся, прах гордо отмета
И образом Творца себя считая,—
От первых тех начал исходя,
Возникли все они, без исключений,
От тех зачатков форм и ощущений,
Эмбриональных точек бытия².

К идее трансформизма склонялся немецкий естествоиспытатель И.В. Гете, основоположник учения о метаморфозе растений. Он считал, что виды могут изменяться, но происходить это может лишь в определенных границах под руководством Творца. Он писал: «Все

¹ Дарвин Эразм. Храм природы. 1911. – Ч. 32. – С. 18.

² Там же. – С. 19.

члены образуются по вечным законам, и самая редкостная форма втайне верна первообразу»¹. Ему принадлежат следующие строки:

Всюду меняются способы жизни согласно устройству,
Всюду устройство меняется способу жизни согласно;
Вечный порядок божественный правит созданными всеми,
Вечно они изменяются внешним покорны влияньям.
Но и среди совершеннейших между созданными мира
Грани известного круга никто разрушить не может:
Эти границы никто не раздвинет, чтит их природа;
Только от этих границ совершенство в мире возможно².

И.В. Гете считал, что большое влияние на организм оказывает внешняя среда и признавал принцип корреляции органов. Необходимо отметить, что в XVIII – начале XIX вв. под термином «эволюция» понималось развертывание, обнаружение предсуществующих свойств, а не их новообразование³. Лично мы не можем удержаться здесь от сентенции: чем дальше развивается генетика, тем больше подтверждается это определение.

В первой половине XIX в. среди ученых-биологов выделяются две особенно яркие фигуры: Жан Батист Ламарк и Жорж Кювье. Как известно, первый из них был эволюционистом, считавшим понятие «вид» условным, а второй – сторонником неизменности и постоянства видов. Каждый из них выдвигал свои аргументы.

Ламарк писал: «Природа, произведя последовательно все виды животных (начиная с самых несовершенных и простых и кончая самыми совершенными), усложняла их организацию постепенно, и, когда животные распространились по всем обитаемым странам земного шара, каждый вид под влиянием окружающих его внешних условий приобрел те привычки, которые мы замечаем у него и те изменения своих частей, которые мы наблюдаем в нем»⁴. Таким образом, мировоззрение Ламарка можно назвать процессным.

Ж. Кювье был убежден в неизменности видов на основе многолетнего опыта работы в области сравнительной анатомии: «Я верю, я вижу, что водные животные созданы для воды, а прочие – для воздуха. Но чтобы они были ветвями или корнями, или, по крайней мере,

¹ Дарвинизм. Хрестоматия / Сост. В.А. Алексеев. – Т. 1. – М.: Изд-во МГУ, 1951. – С. 178.

² Там же. – С. 184.

³ Там же. – С. 144.

⁴ Ламарк Ж.Б. Философия зоологии. – М.: Биомедгиз, 1935. – Т. 1. – С. 209.

частями одного ствола – повторяю, это то, что я не могу понять»¹. В этих взглядах прослеживается идея изначальной целесообразности.

Оба ученых единодушно отводили ведущую роль Богу. Ламарк писал: «Высший Творец всего существующего есть непосредственный творец материи и природы и лишь косвенным образом творец всех продуктов этой последней». Далее, развивая идею эволюции, он писал: «Творить может лишь Бог, природа же только производит. Притом Бог в своих творениях не имеет нужды во времени, а в деятельности природы время является совершенно необходимым условием»². В настоящее время с этими взглядами причудливо переплетаются идеи синергетики, которые повторяют воззрения Ламарка, утверждавшего, что имеется постоянное совершенствование организмов, движущей силой которого является изначально заложенное Творцом стремление к прогрессу: «Все имеет бытие только по воле Великого Творца. Но можем ли мы предписывать Ему правила для выполнения Его воли и определить путь, по которому Он должен был следовать в этом отношении. Разве не могло Его бесконечное могущество создать неизвестный нам порядок вещей, который последовательно дал бытие всему видимому и существующему? Каким бы образом не выполнялась эта высшая воля, ничто не в силах умалить ее величия»³. Таким образом, несмотря на свою приверженность эволюционной гипотезе, взгляды Ламарка разворачивались в пределах научного креационизма.

Ж. Кювье, отвергавший теорию эволюции Ламарка, писал: «Творец всех существ в создании их мог руководствоваться только одним законом – необходимостью дать каждому из своих творений, которое должно продолжать жизнь, средства для поддержания существования»⁴. Кювье постоянно указывал на существенное различие между настоящим знанием, основанным на наблюдениях действительности, и мнимым знанием, вытекающим из абстрактных рассуждений. Ко второй группе беспочвенных фантазеров Кювье, очевидно, относил и Ламарка. Он отвергал его эволюционную теорию, как не доказанную фактами: «Если виды менялись постепенно, то мы должны были бы находить следы этих постепенных изменений... Почему недра земли не сохранили памятников такой любопытной генеалогии, как не от

¹ Канаев И.И. Жорж Кювье – Л.: Наука, 1976. – С. 24.

² Дарвинизм. Хрестоматия. – Т. 1. – М.: Изд-во МГУ, 1951. – С. 197.

³ Ламарк Ж.Б. Философия зоологии. – Т. 1. – М.: Биомедгиз, 1935. – С. 58.

⁴ Дарвинизм. Хрестоматия. – Т. 1. – М.: Изд-во МГУ, 1951. – С. 150.

того, что прежние виды были столь же постоянны, как наши, или, по крайней мере, от того, что катастрофа, их погубившая, не оставила им времени для изменения?»¹. Кювье выдвинул свою знаменитую теорию катастроф, которую изложил в книге «Рассуждения о переворотах на поверхности земного шара и об изменениях, какие они произвели в животном царстве». Приведем одну из цитат этой книги: «Итак, жизнь не раз потрясалась на нашей Земле страшными событиями. Бесчисленные живые существа становились жертвой катастроф: одни обитатели суши были поглощаемы потопами, другие, населявшие недра вод, оказывались на суше вместе с внезапно поднятым дном моря. Эти великие и грозные события ярко запечатлены повсюду для глаза, который умеет читать историю по ее памятникам»². В этих словах явно прослеживается аналогия с вышеприведенной цитатой из книги Премудрости Соломона (Прем. 17 ст. 19). Последней такой катастрофой Кювье считал Всемирный потоп, описанный Моисеем в Книге Бытия. На основании геологических раскопок в земле животной жизни, был обнаружен слой, резко отделявший слои каменного века (палеолита) от неолита и последующих веков. Французский археолог Габриэль Мортилье назвал этот слой *hiatus*, то есть перерыв. Илистые наслоения покрыли мощным слоем всю Европу, Северную Африку и Западную Азию, и образовались они под действием мирового катаклизма, когда суша опустилась ниже уровня океана. Как пишет Моисей: «И разверзлись все источники великой бездны» (Быт. 7, 11), а затем уже упоминает о дожде. Жорж Кювье назвал эти отложения *Deluge* (Делюж) – потоп³.

Кювье дал практическое обоснование «театру катастроф» Ш. Боннэ, опираясь на данные геологии, археологии и сравнительной анатомии. Хотя эту гипотезу в течение продолжительного времени принято было считать ошибочной, история развития естествознания показывает, что далеко не все ученые, как прошлого, так и современности, поспешили от нее отказаться. Она дала толчок для создания многочисленных теорий, на которых мы остановимся ниже. Из-за своих «антиэволюционных взглядов» Ж. Кювье до сего дня совершенно незаслуженно отодвинут на второй план в сравнении с Ч. Дарвином, Ж.Б. Ламарком, Э. Геккелем и другими учеными, отличавши-

¹ Кювье Ж. Рассуждения о переворотах на поверхности земного шара. – М.: Л., 1937. – С. 143.

² Там же. – С. 157.

³ Слободский Серафим. Закон Божий. – М.: Изд-во Моск. патриархии. 4-е изд., 1987. – С. 143.

мися «более прогрессивными взглядами» на происхождение видов. Между тем Ж. Кювье – гений мирового масштаба, звезда первой величины в области ряда естественных наук, просветитель, теолог и государственный деятель. Он был членом Государственного совета, кавалером ордена Почетного легиона, пэром Франции, деканом факультета протестантской теологии в Парижском университете. Его вклад в область зоологии, сравнительной анатомии, палеонтологии и геологии невозможно переоценить. Кювье основал палеонтологический музей в Париже, насчитывавший около 13000 экспонатов, описал огромное число ископаемых форм. Он предложил и обосновал принцип корреляции органов, создал «теорию типов», которая легла в основу «Царства животных» и девятитомника «Естественная история рыб». Ему принадлежат фундаментальные труды по истории науки. Установив определенную связь между слоями земной коры и находимыми в них останками позвоночных, Кювье заложил основу исторической геологии. Заслуга Кювье очень хорошо отражена в словах академика В.Н. Беклемишева: «Историческая точка зрения вошла в биологию с того времени, когда великий Кювье неопровержимыми фактами созданной им палеонтологии доказал повторную, радикальную смену животного населения земного шара на протяжении прошлых веков»¹.

Необходимо особенно подчеркнуть, что подавляющее большинство ученых-естествоиспытателей и философов, живших вплоть до середины XIX в., независимо от их взглядов на происхождение видов, единодушно признавали Всемогущего Творца в лице Господа Бога². И Кювье, и Ламарк принадлежат к лагерю креационистов, поэтому полемика между ними не затрагивала ни философского, ни мировоззренческого основания в их учениях. В связи с вышесказанным добавим, что англо-американский философ А.Н. Уайтхед, развивая установку на процессное миропонимание, предлагает различать метафизику «субстанции» и метафизику «становления»³. Бог в его трудах выступает главным гарантом рациональности, знания и истины.

Заканчивая обзор додарвиновских взглядов на происхождение видов от древних натурфилософских до эпохи Просвещения, мы можем проследить, как менялся ход человеческой мысли в данном вопросе. На смену созерцательной науке пришла наука эксперимен-

¹ Канаев И.И. Жорж Кювье – Л.: Наука, 1976. – С. 108.

² Сидоров Г.Н., Шустова О.Б., Разумов В.И. Сравнительный анализ теорий эволюции // Естественные науки и экология. Ежегодник. – Вып. 8. – Кн. 2. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. – С. 186.

³ Уайтхед А. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С. 543.

тальная, а на смену априорным умозаключениям – научно обоснованные теории, опирающиеся на данные естественных наук. С этого периода эволюционизм и креационизм начинают оформляться в исследовательские программы¹.

2.2. Дарвинизм о движущих силах эволюции

Перейдем непосредственно к дарвиновской гипотезе, названной так по имени ее основоположника – Чарльза Дарвина. Именно ее принято считать целиком научно обоснованной. В основе гипотезы Дарвина лежат три основных фактора: изменчивость, наследственность и естественный отбор. Изменчивость служит основой образования новых признаков и особенностей структуры и функций организмов. Наследственность закрепляет эти признаки. Под действием естественного отбора устраняются организмы, не приспособленные к данным условиям существования. Благодаря наследственности, изменчивости и непрерывному действию естественного отбора, организмы в процессе эволюции накапливают все новые приспособительные признаки, что в конечном итоге ведет к образованию новых видов. Дарвинизм во всех изданиях последних десятилетий назван материалистической теорией эволюции органического мира.

Утверждается, что Дарвин доказал реальность эволюции, убедительно объяснил механизмы эволюционного процесса и подорвал позиции метафизических и идеалистических представлений в биологии, таких как креационизм, витализм и др². Это настолько прочно вошло в учебный процесс, что все основные положения дарвиновской гипотезы содержатся в вузовских учебниках биологии, философии, а также в учебном материале по новой дисциплине «Концепции современного естествознания». В вышеуказанной литературе доказательства гипотезы Дарвина сводятся к следующим положениям:

1. Единство происхождения органического мира. Близость химического состава биологических молекул и способ их функционирования, сходство в строении и функции клеток.

¹ Шустова О.Б. Сравнительный анализ эволюционного и креационного подходов к происхождению и развитию жизни: дис. ... канд. филос. наук. – Новосибирск: Ин-т философии и права СО РАН, 2006. – 172 с.

² Советский энциклопедический словарь, 1980. – С. 364; Биологический энциклопедический словарь, 1995. – С. 166.

2. Данные эмбриологии. Сходные образования, встречающиеся в начальных стадиях развития животных в пределах типов и классов.

3. Особенности морфологии животных и человека: скелет позвоночных, в особенности млекопитающих, имеет множество гомологичных черт; наличие рудиментарных органов (глаза у крота, задние конечности у кита). Существование в настоящее время отдельных видов животных, имеющих черты строения, характерные для различных классов позвоночных (латимерия, утконос).

4. Данные палеонтологии. Они указывают на смену форм животных и растений во времени. В определенные геологические эпохи преобладали те или иные классы: палеозой – амфибии, мезозой – рептилии, кайнозой – млекопитающие и птицы. Как в настоящем, так и в прошлом встречались формы, объединяющие в себе морфологические особенности нескольких классов позвоночных (ихтиостегиды, стегоцефалы, археоптерикс, цинодонты).

5. Данные биогеографии. В различных биогеографических зонах на отдаленных друг от друга территориях распространены виды растений и животных, иногда сходные между собой (Африканская и Индийская фауны), а иногда относительно эндемичные (Мадагаскарская или Австралийская фауна и флора).

Перейдем к взглядам сторонников Ч. Дарвина. Именно благодаря им современники и утвердились в своем мнении о том, что гипотеза Дарвина является теорией, то есть подтверждается фактами.

В ряду последователей учения Дарвина первое место по праву принадлежит Томасу Гексли (1825–1895), которого называли «бульдогом Дарвина», и он гордился этим прозвищем. Именно Гексли впервые ввел понятие «агностицизм». В первоначальном своем значении этот термин означал неверие ученого, опирающегося не на опытные знания. Известно выступление Гексли на Оксфордском диспуте, где в довольно некорректной форме он дал отповедь епископу Вильберфорсу. Необходимо отметить, что незадолго до этого Вильберфорс написал рецензию на дарвиновское «Происхождение видов». Она содержала тщательно аргументированное мнение, что перед лицом факта стабильности видов предположение Дарвина о том, что один вид может переходить в другой, выглядит необоснованным. Дарвин признал убедительность этой критики и назвал ее «необычайно умной: она искусно выявляет наиболее сомнительные предпо-

ложения и недостатки»¹. Гексли сразу же принял дарвинизм как рабочую гипотезу и сравнивал ее с впечатлением от «вспышки молнии, которая человеку, заблудившемуся темной ночью, внезапно освещает дорогу, ведущую... несомненно, туда, куда ему нужно»². Сам Гексли, занимаясь сравнительно-анатомическими исследованиями, доказывал морфологическую близость человека и высших обезьян; птиц и пресмыкающихся; медуз и полипов. Он также обосновал положение о единстве строения черепа позвоночных животных. Как личность, Гексли был человеком незаурядным: в 1864 г. его избрали членом-корреспондентом Петербургской академии наук, а с 1883 по 1885 г. он был президентом Лондонского королевского общества³. Его воинствующая поддержка теории Дарвина, несомненно, оказала на современников большое влияние. Нам кажется, что гипотеза Дарвина смогла утвердиться в умах и сердцах современников только благодаря колоссальной энергии таких ее пропагандистов, как Гексли. Таким образом, начинается активная погоня за фактами, способными превратить гипотезу Дарвина в теорию.

Если Гексли преследовал единственную цель – распространение и популяризацию теории Дарвина, то его современник – немецкий зоолог Эрнст Геккель (1834–1919) – безумно желал прославить свое имя, пытаясь создать на основе этой теории собственное учение. Геккель достиг больших успехов в области изучения радиолярий, губок и кишечнополостных, изучал развитие зародышевого яйца, а также ввел новый термин – «экология», обозначающий в настоящее время отношения организмов между собой и с окружающей средой. Но, перевозя гипотезу Дарвина в теорию, Геккель часто пользовался подтасовкой и выдумыванием несуществующих фактов. Дарвин это понимал. В своем письме Геккелю Дарвин как-то признался: «Ваша смелость иногда возбуждает во мне страх... Хотя я вполне допускаю несовершенство геологической летописи, однако... вы действуете уже слишком смело, когда беретесь утверждать, в какие периоды впервые появились известные группы»⁴.

На основе якобы учения Дарвина Геккель «отыскал» исходную форму многоклеточных – гастрею и одноклеточных – монеру, существование которых впоследствии не подтвердилось. От этого «предка»

¹ Lucas, J.R. Wilberforce and Huxley: Legendary encounter. (Cambridge, U.K.), 1979, 22: – P. 313.

² Некрасов А.Д. Борьба за дарвинизм. – М.: Политиздат, 1937. – С. 39.

³ Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – С. 287.

⁴ Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. – М.: Мысль, 1974. – С. 81.

Геккель и построил свое знаменитое «древо животных». По мнению современников, Геккель доказывал, не очень стесняясь в средствах; он даже сделал несколько абсолютно одинаковых гравюр по дереву, а затем объявил, что это – эмбрионы различных видов¹. В конечном итоге «Схематическое родословное древо животных», по меткому выражению знаменитого французского физиолога Эмиля Дюбуа-Реймона, стоило «не дороже родословной героев Гомера»². Знаменитый русский ученый И.И. Мечников писал, что Геккель, «не углубляясь в истинную сущность фактов, а порхая по вершинам, легко мог обходить и даже игнорировать препятствия, которые останавливали более осторожных ученых»³. Смелые идеи плюс научный и социальный авторитет Геккеля обеспечили продвижение эволюционной гипотезы. Что касается его теории «коллективной души», которая якобы состоит из отдельных душ каждой клетки, то один из авторов клеточной теории Рудольф Вирхов назвал это «пустой игрой словами»⁴.

Кстати, в настоящее время точки зрения Геккеля на «клеточную душу» придерживается академик В.П. Казначеев. На вопрос: «Вы считаете, что у клетки есть душа?» – В.П. Казначеев отвечает: «И душа, и разум. Видимо, можно говорить даже о клеточных цивилизациях, каждый организм (в том числе и человеческий) состоит из множества таких цивилизаций»⁵. Как мы видим, эстафета погони за неопровержимыми сенсационными данными продолжается и в XXI в. И если уместны понятия: «философская литература», «философское литературство»⁶, то понятие «естественно-научное литературство» уместно отнести, в лучшем случае, к области научно-популярной литературы. В подобную романтическую абстракцию удачнее всех углублялся в начале XX в. поэт В. Брюсов:

Быть может эти электроны –
Миры, где пять материков,
Искусства, знания, войны, троны
И память сорока веков!
Еще быть может каждый атом –

¹ Grigg, R. Ernst Haeckel: evangelist for evolution and apostle of deceit. *Creation* 18(2). – P. 33–36.

² Плавильщиков Н.Н. Гомункулус. – М.: Худ. лит-ра, 1971. – С. 353–356.

³ Дарвинизм. Хрестоматия. – Т. 1. – М.: Изд-во МГУ, 1951. – С. 680.

⁴ Плавильщиков Н.Н. Гомункулус. – М.: Худ. лит-ра, 1971. – С. 359.

⁵ Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С. Жизнь напрокат. – СПб.: Весь, 2003. – С. 212.

⁶ Теслинов А.С., Разумов В.И. Философское литературство и его воздействие на новые направления философии. – Вып. 3. – Новосибирск: ИФиПр СО РАН, 1994. – С. 69–77.

Вселенная, где сто планет;
Там все, что есть в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.
Их мудрецы, свой мир бескрайний
Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как нынче я...¹

Таким образом, мы имеем дело с двойкой природой Геккеля: с одной стороны – ученого, с другой – прожектера-фокусника. В этом противоречии проявляется философская концепция индивидуализма. По определению Э. Фромма (1900–1980), «индивидуализм есть право и обязанность посвятить всю свою энергию достижению собственных успехов»². И хотя относительная обособленность индивида есть необходимая предпосылка любой творческой деятельности, индивидуализм сам по себе не отстаивает уникальность личности, а лишь защищает ее право на самостоятельность. Геккель же настолько абсолютизировал свои теории, что «даже не допускал мысли о том, что против них можно возражать»³. Следовательно, Геккеля с философской интерпретацией «жизненного мира личности», по Э. Гуссерлю, можно трактовать как человека, оказавшегося абсолютным источником целеполагания – автором собственных целей⁴. Человеку, вставшему на этот путь, остаются два способа самооправдания: либо придать фактам скрытый смысл (отсюда – «монизм» – новая религия, предложенная Геккелем), либо тщательно отделять «свое» от «чужого» (отсюда – попытка принизить в некотором роде теорию Дарвина и выставить на передний план собственные соображения).

Геккель еще при жизни Дарвина заявлял: «Я не решаюсь разделить во всех направлениях дарвиновские воззрения и гипотезы и счесть приведенный им способ доказательства за правильный». Он полагал, что «может быть в дарвиновской теории... более ошибок, чем истины». Новая религия Геккеля – «монизм» – подменяла Бога термином «первооснова субстанции». Он призывал строить храмы в честь новой религии, основал «союз монахов», разрабатывал правила поведения монахов в жизни, навязывал свою новую религию ок-

¹ В. Брюсов. Мир электрона // Избранные сочинения. – М.: Худ. лит-ра, 1955. – Т. 1. – С. 499.

² Фромм Э., Хирау Р. Предисловие к антологии «Природа человека». – М., 1990. – С. 146.

³ Плавильщиков Н.Н. Гомункулус. – М.: Худ. лит-ра, 1971. – С. 358.

⁴ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – М.: Логос, 1994. – С. 345.

ружающим¹. С точки зрения материализма, такая позиция Геккеля не могла заслужить ничего, кроме осуждения. С позиции религии, такая крайняя форма еретичества могла заслужить только анафему. На фоне негативного психолого-гносеологического обрамления защита Геккелем теории Дарвина кажется нам медвежьей услугой. Создатель новой религии, пропагандирующий дарвинизм, не мог быть близок по духу ни к ортодоксальным материалистически ориентированным эволюционистам, ни к креационистам².

В начале XX в. философ и марксист А.А. Богданов выступил с философией эмпириомонизма, в рамках которой пытался обосновать необходимость «снятия» дуальности физического и психического миров, за что был подвергнут резкой критике со стороны В.И. Ленина в работе «Материализм и эмпириокритицизм»³. В то же время В.И. Ленин высоко оценил работы Геккеля, назвав его «выразителем самых прочных, хотя и неоформленных мнений, настроений и тенденций подавляющего большинства естествоиспытателей конца XIX и начала XX в., устоем естественно-исторического материализма»⁴.

В свое время Р. Вирхов предостерегал об «ужасных последствиях в случае усвоения эволюционных идей социалистами. Эта попытка должна кончиться неудачей, – говорил он, – но и в своем крушении она принесет с собой величайшую опасность для науки»⁵. Это пророческое высказывание Вирхова как нельзя более полно реализовалось в СССР. Очень многие бездоказательные утверждения Геккеля в дальнейшем легли в основу материалистической гносеологии в биологии. Идеи Геккеля позднее подхватили и стали упорно развивать в СССР сторонники теории самозарождения. Только вместо «монер» там присутствовали «протоплазматические коацерваты» О.Б. Лепешинской, полученные при растирании гидры и желтков рыб и птиц, а также «пшеничный ячмень» и «ржаная пшеница» Т.Д. Лысенко. Экспериментаторов с «живым веществом» постигла та же участь, что и Геккеля в поисках мифических «монер» и «батибия»: наука в СССР была отброшена на несколько десятков лет назад. И.Т. Фролов в своей книге «Генетика и диалектика» писал: «Немало вреда принесла

¹ Плавильщиков Н.Н. Гомункулус. – М.: Худ. лит-ра, 1971. – С. 366.

² Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Философия теорий эволюции. – СПб., 2003. – С. 23.

³ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Соч. – 4-е изд. – Т. 14. – М.: ОГИЗ, 1947. – С. 213–219.

⁴ Там же. – С. 335–336.

⁵ Некрасов А.Д. Борьба за дарвинизм. – М.: Политиздат, 1937. – С. 83–111.

нам поспешность и поверхностность многих философских оценок теории генетики и мировоззрения отдельных ученых»¹. В то время как в 60-х гг. XX столетия в нашей стране генетика начинала делать первые робкие шаги, на западе уже в начале 50-х гг. была создана модель структуры ДНК – носителя генетической информации, а авторы этой модели – Дж. Уотсон, Ф. Крик и М. Уилкинс были удостоены Нобелевской премии.

В России одним из первых популяризаторов гипотезы Дарвина, переводящим ее в теорию, был К.А. Тимирязев (1843–1920). Он подчеркивал ведущую роль в видообразовании изменений условий внешней среды и пытался объяснить прерывистость между видами. В его работе «Исторический метод в биологии» встречается следующее философское рассуждение: «Палеонтология свидетельствует, как много исчезло с лица Земли органических форм. Но вопрос в том, почему этот процесс исчезновения шел таким путем, что выхватывал не целые сплошные группы существ, оставляя нетронутыми другие, такие же сплошные группы, а вырывал из рядов, прорежая их, сохраняя только общую картину цепи или сети, но порывая везде непосредственные связи? Никто из предшественников Дарвина не только не дал ответа на этот вопрос, но даже и не пытался искать его... Бесследное исчезновение организмов на поверхности нашей планеты, бесспорно, следует считать за правило, а сохранение скудных их остатков – за исключение и, притом, очень редкое исключение. Основная масса остатков разлагалась под действием факторов окружающей среды. Твердые же остатки, по его мнению, сохранились лишь благодаря «стечению совершенно исключительных условий»². Аналогичная мысль высказывается гораздо позже М. Рьюзом в его работе «Философия биологии»: «Шансы на сохранение чего-то в виде окаменевшего остатка, даже при постепенных эволюционных изменениях, фантастически малы. ...Мы не можем ожидать от ископаемых остатков больше того, что реально находим»³. Таким образом, М. Рьюз, равно как и К.А. Тимирязев, обращается к философским категориям случайности и необходимости. Но в рамках этих категорий невозможно объяснить, почему все ископаемые останки представляют собой вполне закончен-

¹ Фролов И.Т. Генетика и диалектика. – М.: Наука, 1968. – 360 с.

² Тимирязев К.А. Исторический метод в биологии. – М.: Сельхозгиз, 1949. – Т. 3. – С. 355–600.

³ Рьюз М. Философия биологии. – М.: Прогресс, 1977. – С. 172.

ные жизнеспособные формы: недоразвитых «переходных» форм не существовало в прошлом, не существует и в настоящее время.

Тимирязев пытается защитить теорию последовательной эволюции, приводя примеры переходов разных форм в пределах родов и семейств. В частности, им приводится 17 рисунков перехода обыкновенной плоской катушки *Planorbis* в закрученную в виде конической башенки *Palludina*, по М. Неймайру. Промежуточные формы этих катушек М. Неймайр называет мутациями, существование которых якобы убеждает в постепенном изменении всех организмов¹. После этой иллюстрации К.А. Тимирязев пишет: «Эти и подобные примеры должны раз и навсегда зажать рот... тщетно упорствующим противникам эволюционного учения»². По поводу превращения этих моллюсков в современном издании дарвиновского «Происхождения видов» (1987) в комментариях чл.-корр. АН СССР А.В. Яблокова и д.б.н. Б.М. Медникова объективно сказано, что, хотя период морфологических видоизменений *Planorbis* и занимал 2 млн лет, но после того, как исчезли источники внешнего воздействия (температура воды, увеличение содержания карбоната кальция), форма раковины вновь вернулась к исходной катушковидной³. Следовательно, аргумент, призванный «зажать рот» противникам эволюционного учения, «зажал» рот некоторым ортодоксальным эволюционистам. Это свидетельствует о том, что в отношении данного моллюска идиоадаптации проходили в рамках одного и того же генотипа без внесения новой информации. Иными словами, здесь мы имеем дело с модификационной изменчивостью, исчезающей сразу после устранения условий внешней среды. От себя добавим, что все превращения с организмом *Planorbis*, так взволновавшие эволюционистов, хорошо объяснялись в рамках преформизма⁴.

Академик Л.П. Татарин (1985), проводя анализ филогенеза и, как он пишет, «видообразования» у моллюсков озера Турканы на севере Кении (работа П. Вильямсона, 1981), свидетельствует о том, что новые виды появляются либо внезапно, либо за короткие промежутки времени. Анализ палеонтологических материалов приводит Л.П. Татарина к заключению, что в данном случае, возможно, наблюдалась

¹ Неймайр М. История Земли. – СПб.: Просвещение, 1902. – Т. 2. – С. 16.

² Тимирязев К.А. Исторический метод в биологии. – Т. 3. – М.: Сельхозгиз, 1949. – С. 499.

³ Дарвин Ч. Происхождение видов. – М.: Просвещение, 1987. – С. 218.

⁴ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б., Разумов В.И. Наука и философия о развитии жизни на Земле // Философия науки / Сиб. Отд-е РАН. Ин-т философии и права. – 2003. – № 4. – С. 44.

модификационная изменчивость, а не настоящее видообразование. Практически во всех случаях «новые виды» появлялись после резкого изменения условий обитания – геологических катастроф¹. Все это, на наш взгляд, совпадает с теорией преформизма и точкой зрения Ж. Кювье (катастрофизм) на происхождение видов.

Другой, более поздний последователь Ч. Дарвина – А.Н. Северцов (1866–1936), известный своим учением о биологическом прогрессе, в работе «Морфологические закономерности эволюции» писал: «Так, например, четырехкамерное сердце, однажды образовавшись у рептилийных предков птиц, наследуется всеми представителями этой богатой родами и видами группы; совершенно то же мы можем сказать и относительно сердца, легких и мозга всех млекопитающих». Отмечая эти факты, Северцов указывает также и на причину постоянства этих признаков: «Они имеют столь большое биологическое значение, что являются полезными и при весьма разнообразных условиях жизни». В противном случае, по мнению Северцова, они редуцируются. В конечном итоге А.Н. Северцов делает следующий вывод: «Ароморфозы наследуются всеми дивергентно развивающимися потомками той формы, у которой они впервые образуются»². В рассуждениях Северцова вновь прослеживается попытка установить взаимосвязь категорий случайности – «однажды образовавшись» и необходимости – «наследуются всеми потомками». Однако вопрос, поставленный К.А. Тимирязевым о необходимости понимания «случайных возникновений», ответа не получил. Нет палеонтологических доказательств связи между классами позвоночных. Непонятно, каким образом теорию Северцова можно увязать с законами генетики. А главное, каким же образом вдруг «появились» некие признаки, «полезные при весьма разнообразных условиях жизни»? Почему, к примеру, у млекопитающих исчезла одна из дуг аорты (чем бы она в принципе помешала?) и не появилась, к примеру, третья пара конечностей, которая могла бы быть полезной «при весьма разнообразных условиях жизни»?

Говоря о принципе субституции (замены) функций, А.Н. Северцов схематично рассматривает переход ящериц от ходьбы к ползанию. Если интерпретировать данный процесс как случайность (уко-

¹ Татаринев Л.П. Палеонтология и эволюционное учение. – М.: Знание, 1985. – С. 10–12.

² Северцов А.Н. Морфологические направления эволюционного процесса. – М.: Наука, 1967. – С. 46.

рочение конечностей и удлинение туловища), то вновь возникает вопрос о необходимости подобного процесса – редукции органов. Ведь его нельзя объяснить даже сменой среды обитания (она как была, так и осталась наземной). Необходимо отметить мнение некоторых ученых о том, что у ящериц могут в течение короткого времени происходить небольшие изменения длины конечностей¹. Однако такие изменения не требуют появления новой генетической информации, поскольку естественный отбор может действовать только на основе информации, уже присутствующей у организмов. Например, у рептилий нет генов, ответственных за формирование перьев, и никакой естественный отбор не сможет породить пернатую змею. Потеря информации не может объяснить эволюцию «от амебы к человеку»². В настоящее время ученые-генетики предполагают наличие «видообразующих» мутаций лишь теоретически. По словам д.б.н. Б.Ф. Чадова из Института цитологии и генетики СО РАН, «здание синтетической теории эволюции построено на мутациях, с которыми реально имела дело генетика. Это мутации, не меняющие видовой принадлежности»³.

А.Н. Северцов, критикуя автогенетические взгляды некоторых ученых (Бэра, Копа), писал: «Поскольку все организмы, вплоть до мельчайших деталей, приспособлены к окружающей среде, то мы должны будем предположить, что каждому изменению среды (а они бесчисленны) соответствует заранее предустановленное изменение организации животного». Такое истолкование является, по словам Северцова, «по меньшей мере, невероятным», поскольку «мы имели бы здесь нечто аналогичное двум часовым механизмам, которые, не будучи связаны друг с другом, так изначально регулированы искусственным часовщиком, что всегда идут согласно, не отставая и не опережая друг друга»⁴.

С нашей точки зрения, такая критика Северцова совершенно необоснована, поскольку взаимоотношения организмов со средой действительно очень напоминают слаженность часового механизма. Единичные воздействия среды на организм, как правило, не класси-

¹ Losos, J.B. Warheit, K.I. and Schoener, T.W., Adaptive differentiation following experimental islands colonization in anolis lizards. 1997, Nature 387: P. 70–73.

² Хэм, Сарфати, Виланд. Книга ответов. – Симферополь: Христианский научно-апологетический центр, 2000. – С. 124.

³ Чадов Б.Ф. Мутации, способные инициировать видообразование // Эволюционная биология: Мат. конф. «Проблема вида и видообразование». – Т. 1. – Томск, 2001. – С. 138.

⁴ Северцов А.Н. Морфологические направления эволюционного процесса. – М., 1967. – С. 81–82.

фицируются, а ответ группы организмов на экологический фактор обычно носит общий характер. В экологии даже предусматривается типология воздействия среды на организмы и соответственно этому выделяются разные экологические группы. Например, виды-эврибионты обладают широкой экологической пластичностью, стенобионты отличаются ограниченными адаптивными возможностями. Водные животные оксофилы (лососи, гольцы и др.) живут в водоемах, избыточно насыщенных кислородом (до 11 см³/л). Оксофобы (карась, линь и др.) выдерживают содержание кислорода в водоемах до 0,5 см³/л. Наиболее общий экологический закон, указывающий на идеальную зависимость организма от условий среды обитания, называется законом толерантности, или законом Шелфорда¹.

Необходимо отметить, что идея сравнения живых организмов с часовым механизмом, а Творца – с искусным часовщиком принадлежит англиканскому священнику и писателю Уильяму Пэйли (1743–1805) – одному из основателей креационизма². Поскольку даже гипотетическое признание «Великого Часовщика» было совсем не в духе того времени, А.Н. Северцов попросту отбросил автогенетические взгляды своих предшественников и внес свой «вклад в теорию эволюции», который, с нашей точки зрения, способен добавить еще больше неясностей в проблему видообразования.

Остановимся на фактической аргументации А.Н. Северцовым эволюционных преобразований. Он пишет: «Передние конечности северных медведей, выдр, ластоногих, сирен и, наконец, китов представляют собой различные ступени преобразования конечностей, приспособленных для движения по суше, в конечности, приспособленные для движения в воде, то есть в плавательные лопасти»³. С нашей точки зрения, этот пример не убедителен: вот, если бы мы могли наблюдать аналогичное преобразование конечностей у какой-то одной группы, например, у северных медведей, тогда еще был бы повод для рассмотрения принципа смены функций. Хоть белый медведь и хорошо плавает, но ни в какие плавательные лопасти его лапы не преобразовались, а у известных нам представителей ластоногих никогда не было ходильных конечностей даже в ископаемом состоянии.

¹ Одум Ю. Основы экологии. – М.: Мир, 1975. – С. 141.

² Бетяев С.К. Размышление о креационизме // Вестник МГУ, 2003. – № 4. – С. 26.

³ Северцов А.Н. Морфологические направления. – М.: Наука, 1967. – С. 389.

Сторонники материалистически ориентированной эволюции постоянно ссылаются на миллионы лет, достаточные с их точки зрения для того, чтобы предполагаемые ходильные конечности тюленя преобразовались в лапы, а ящерица-веретеница лишилась ходильных конечностей. Жорж Кювье по этому поводу писал: «Я считаю, что иные натуралисты напрасно сильно рассчитывают на тысячи лет, которые они легко накапливают росчерком пера, но в таких вопросах мы можем судить о том, что могло бы произвести долгое время, лишь мысленно умножая на его срок то, что производило короткое»¹.

Мы полагаем, что Кювье имел право делать подобные выводы, поскольку лично исследовал фигуры и мумии животных Древнего Египта и Рима и обнаружил, что современные их виды «такие же, как и во времена фараонов»². Правда, выдвигались упреки, в частности со стороны русского ученого К.Ф. Рулье, в том, что количество видов, исследованных Ж. Кювье, далеко не достаточно для подобных выводов: «Можете ли вы сказать хоть о третьей части общепринятых видов, что вы из строгих наблюдений убедились в их неизменности?»³. Такое рассуждение согласуется с установкой Ф. Бэкона, который считал, что правильно ответил тот, который, глядя в храме на изображения спасшихся от кораблекрушения принесением обета, на вопрос, признает ли он теперь могущество богов, спросил в свою очередь: «А где изображения тех, кто погиб, после того, как принес обет?». Тем самым Бэкон хотел подчеркнуть, что «разум человека все привлекает для поддержки и согласия с тем, что он однажды принял»⁴. Рассуждение эволюциониста Рулье спорно с точки зрения индуктивной логики. С одной стороны, фактов, использованных Ж. Кювье для выводов, мало, при сравнении числа мумий и живущих сейчас видов; с другой – число доступных ученым мумий весьма ограничено, то есть речь идет о цензурированности выбора генеральной совокупности фактов.

Но даже в «долгом» времени эволюционистов есть явления, необъяснимые в принципе. Осознавая важность этих примеров, остановимся на них подробнее, на основе анализа как современных университетских учебников по зоологии позвоночных, доводящих идеи эво-

¹ Канаев И.И. Жорж Кювье. – Л.: Наука, 1976. – С. 126.

² Кювье Ж. Рассуждения о переворотах на поверхности земного шара. – М.; Л., 1937. – С. 132.

³ Дарвинизм. Хрестоматия. – Т. 1. – М.: Изд-во МГУ, 1951. – С. 155.

⁴ Бэкон Ф. Новый Органон // Соч.: в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1972. – С. 75.

люции до широкой аудитории, так и классических монографий, посвященных этому вопросу¹.

Проведем оригинальный анализ данных из вышеупомянутых источников. Относительно просто устроенных животных – ланцетников (подтип бесчерепные) наука ставит в основу эволюционного древа всего типа хордовых и подтипа позвоночных. Точнее не их, а подобных им существ – первичных бесчерепных. Так вот, у ланцетников выделительная система в виде трубочек нефридиев формируется из эктодермы – наружного зародышевого листка. У всех других позвоночных (которые якобы произошли от первичных бесчерепных) органы выделения и размножения закладываются в мезодерме – среднем зародышевом листке. Во всех современных учебниках сказано, что А.О. Ковалевский на примере ланцетника «решил» вопрос об эмбриональном развитии всех хордовых. Мы считаем, что любой современный биолог должен совершенно четко осознавать, что такой консервативный процесс, как закладка выделительной системы в ранних зародышевых листках, подвергает сомнению любые гипотетические построения, связывающие ланцетника с позвоночными животными. Такие и нижеупомянутые нами морфофизиологические явления не меняются самопроизвольно. Это признавал даже Э. Геккель, когда искал теоретические «подпорки» для своего биогенетического закона и вводил понятия ценногенезов (признаков, «нарушающих» рекапитуляцию) и палингенезов (консервативных, ненарушаемых признаков).

Считается, что рыбы, а вслед за ними и все другие позвоночные животные произошли от бесчелюстных (Agnatha), в частности от парноноздревых бесчелюстных (Pteraspidomorphi). Но точно известно, что жаберные мешки бесчелюстных (к ним относятся современные миноги и миксины) выстланы энтодермой. А у всех остальных жабернодышащих, в частности у якобы произошедших от них рыб, жабры образуются из эктодермы. Расхождение в образовании такого консервативного признака, как дыхательная система, опровергает доводы эволюционистов.

¹ Шмальгаузен И.И. Проблемы дарвинизма. – Л.: Наука, 1969; Наумов Н.П., Карташев Н.П. Зоология позвоночных – М.: Высшая школа, 1979; Ромер А, Парсонс Т. Анатомия позвоночных. – М.: Мир, 1992; Держинский Ф.Я. Сравнительная анатомия позвоночных животных. – М.: ЧеРо; Изд-во МГУ, 1998; Константинов В.М., Шаталова С.П., Бабенко В.Г. и др. Лабораторный практикум по зоологии позвоночных. – М.: Академия, 2001.

Лимфатическая система – это сосуды, собирающие лимфу из тканей и органов и отводящие ее в венозную систему. Она является важнейшей жизненной необходимостью почти всех позвоночных животных. Однако у химер (подкласс хрящевых рыб) и двоякодышащих рыб (инфракласс или надотряд рыб) такая система отсутствует. Это настолько нелогично, что эволюционисты даже не пытаются объяснить этот факт.

Приобретение такого ароморфоза, как замкнутая кровеносная система – бесспорное благо. У ранее упомянутого ланцетника эта система замкнутая. У «произошедших» от его предков круглоротых – миног она тоже замкнутая, а у их «родственников» миксин – незамкнутая. А далее у всех остальных классов позвоночных животных – замкнутая. С точки зрения распространенных представлений эволюции это явление необъяснимо.

У костистых рыб органы выделения выводят только мочу. Половые продукты у самцов выводятся через специальные семяпроводы, а у самок – либо в короткий яйцевод, либо сразу в половое отверстие. У хрящевых рыб и древних щитковых, от которых якобы произошли костистые рыбы, вольфовы каналы у самцов выводят кроме мочи еще и половые продукты, а у самок созревшие яйца выпадают сначала в полость тела. Эволюционисты никак не объясняют то, что у самцов амфибий, произошедших якобы от костистых рыб, вольфовы каналы выводят опять и мочу, и сперматозоиды. А у самок как амфибий, так и рептилий, птиц и млекопитающих яйца из яичников сначала выпадают в полость тела. То, что мочеполовая система костистых рыб резко отличается от всех и «предшествующих и последующих» эволюционных групп, признают все биологи, но опять-таки никаких объяснений по этому поводу не делается, поскольку это не иллюстрирует, а, напротив, деформирует древо эволюции.

Практически у всех современных рыб (более 20 тыс. видов) позвонки амфицельные (двояковогнутые) и только у единственной группы – каймановых, или панцирных, щук Америки – они опистоцельные (выпуклые спереди и вогнутые сзади). Зоологи никогда не скрывали этого факта, однако эволюционисты его почему-то никогда не вспоминали. Форма позвонков – явление очень консервативное. Тем не менее, у якобы произошедших от рыб земноводных у разных систематических групп строение позвонков разнообразно. А у бесхвостых амфибий (жабы, лягушки, квакши и др.) появляется новый,

отсутствующий у рыб тип позвонков – процельные (вогнутые спереди и выпуклые сзади). При этом у относительно близких к ним видов того же отряда – гладконогих позвонки амфицельные, а у круглорыбных (жерлянки, жабы-повитухи) и пип – опистоцельные. То есть сходные по внешнему облику и другим анатомическим признакам и отнесенные к одному отряду, да еще и «произошедшие от предков» с амфицельными позвонками бесхвостые амфибии почему-то приобрели три разнообразных типа позвонков. Никаких преимуществ разная форма позвонков друг перед другом, очевидно, не имеет. Эволюции она не нужна и, следовательно, с точки зрения изменчивости и естественного отбора возникнуть не могла.

Земноводные, как хорошо известно, не переносят ни соленой воды, ни засоленности почв. В связи с этим, эволюционисты считают, что земноводные произошли от пресноводных рыб. Почему эти рыбы (репидистии) были пресноводными и как установили это, заглянув на 350–400 млн лет назад – неясно. Но репидистии, не успев даже вымереть, без всяких промежуточных форм вдруг 360 млн лет назад превратились в ихтиостегидов, а те без всяких промежутков в тот же период – в стегоцефалов. Эти животные вымерли 200–250 млн лет назад. Затем в палеонтологической летописи появляется пробел – 50–100 млн лет (хотя останками других животных и растений этот пробел густонаселен!). И только 150 млн лет назад якобы от стегоцефалов (давно уже покойников) появились две ветви современных амфибий – тонкопозвоночные и дугопозвоночные. Эти амфибии совершенно не переносят соль. И от тех же стегоцефалов якобы появились древние рептилии, очень неплохо относящиеся к соли. Есть и такая версия, что предками древних рептилий – антракозавров были древние дугопозвоночные лабиринтодонты. Так вот, у этих лабиринтодонтов, как и у всех амфибий, было два затылочных мышцелка, а у произошедших от них рептилий – один мышцелок. Чем помешал лишний мышцелок эволюционному процессу – совсем непонятно. Но интереснее другое. У птиц, якобы произошедших от рептилий, мышцелок тоже один, а вот у млекопитающих, от тех же рептилий «произошедших», мышцелков опять два. Утверждения, что эти классы произошли от разных систематических групп рептилий, неубедительны и субъективны. Субъективизм доказывается отсутствием каких-либо промежуточных форм между этими группами организмов. Правда, в настоящее время в некоторых публикациях прослеживается мнение,

высказанное еще Т. Гексли, о том, что млекопитающие имеют якобы происхождение от некой неизвестной ветви амфибий, которые достигли «рептилийного уровня организации»¹. Однако обобщенные филогенетические схемы, построенные на данных предположениях, также субъективны и метафизичны. Приведенная аргументация обнаружена несколько лет назад² и эволюционистам, в частности А.С. Северцову, передана лично. По мелочам с ней можно спорить, а по сути?!

Таким образом, эволюционные построения на участке: бесчерепные (ланцетник) – бесчелюстные (миноги) – рыбы – земноводные – рептилии – птицы, не являются строго доказанным фактом. Точнее, вообще не доказаны.

Существует много необъяснимого с точки зрения градуалистической эволюционной теории по поводу внезапного появления тех или иных видов в различных стратах. Эмбриолог Скотт Гилберт и его коллеги считают, что происхождение черепах, отличающихся особым строением панциря, – загадка для эволюционистов: «Отсутствие переходных или промежуточных форм в геологической летописи и, в особенности, сравнение анатомического строения ископаемых и ныне существующих черепах, предполагает их внезапное появление»³. На поверку оказывается, что ни одна из предполагаемых стратоморфических «переходных форм» не имеет промежуточных черт строения. Каждый из этих организмов сформирован и состоит из полностью функциональных систем органов. Поэтому переходной можно назвать только комбинацию органов, а не сами органы⁴. С. Дж. Гоулд называл такие организмы «мозаичными формами»⁵.

Происхождение млекопитающих, вопреки утверждениям эволюционистов, также лишено убедительных фактических подтвержде-

¹ Еськов К.Ю. Удивительная палеонтология. – М.: ИЦ ЭНАС, 2007. – С. 166.

² Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Философия теории эволюции. – СПб.: ЛиСС, 2003. – С. 29–32; Сидоров Г.Н., Шустова О.Б., Разумов В.И. Наука и философия о развитии жизни на Земле // Философия науки Сиб. отд-е РАН. Ин-т философии и права, 2003. – № 4. – С. 45; Сидоров с соавт. Сравнительный анализ теорий эволюции // Естественные науки и экология. – Вып. 8. – Кн. 2. – Омск: ОмГПУ, 2004. – С. 188.

³ Gilbert S.F., Loreda G.A., Brukman A., Burke A.C. Morphogenesis of the turtle shell: the development of a novel structure in tetrapod evolution. *Evolution & Development* 3 (2001). – P. 47.

⁴ Морлэнд Дж.П. Гипотеза творения. – Симферополь.: Крым-Фарм-Трейддинг, 2000. – С. 227.

⁵ Gould S.J., Eldredge N. Punctuated Equilibria: The Tempo and Mode of Evolution Reconsidered. *Paleobiology* 3, no 2 (1977). – P. 115–151; Gould, S.J. *Wonderful Life. The Burgess Shale and the Nature of History*. – New York: Norton, 1989 (II). – P. 86.

ний. Так, первозвери (однопроходные) – утконос и ехидна – выводятся в эволюционном древе от многобугорчатых млекопитающих на основании того, что зубы многобугорчатых были похожи на зубы зародышей утконосов. Правда, многобугорчатые вымерли в конце мелового периода (65 млн лет назад), а первые останки однопроходных обнаружены только в плейстоцене – максимум 2 млн лет назад. Разрыв почти в 60 млн лет объективно подтвержден, но как объяснить его с позиций материалистического эволюционизма? В Западной Африке обитает полуобезьяна золотой потто. Зверек ведет древесный образ жизни. Тем не менее, у него почти полностью редуцировались указательный палец на передней ноге и второй палец на задней. Каким образом это можно соотнести с идеей естественного отбора, который должен был оставлять в природе животных, как можно сильнее хватающихся за ветки? Аналогичные «антиэволюционные» примеры можно продолжать очень долго.

Следующий весомый вклад в дарвиновскую теорию внес И.И. Шмальгаузен (1884–1963). Он предложил теорию стабилизирующего отбора, представленную ныне во всех школьных и вузовских учебниках «Общей биологии». Стабилизирующий отбор, по Шмальгаузену, способствует сохранению признаков вида в относительно постоянных условиях среды. Он поддерживает средние значения, выбраковывая мутационные отклонения от ранее сформировавшейся нормы. Е.И. Лукин, около 50 лет занимавшийся изучением и развитием трудов Шмальгаузена в работе «Критика Ламаркизма в трудах Шмальгаузена» писал, что, благодаря трудам этого ученого, «стал более понятным процесс возникновения новых форм и получены новые, весьма убедительные соображения, демонстрирующие ложность основных положений антидарвиновских концепций»¹. Нам кажется, что теория Шмальгаузена способна не столько подтвердить, сколько опровергнуть классическую теорию Дарвина. Ведь стабилизирующий отбор препятствует эволюции, оставляя все признаки вида в среднем состоянии. Например, у той же ящерицы-веретеницы, на которую так уповал А.Н. Северцов, среда обитания никогда не менялась, оставаясь наземной. Но ноги у этого вида, вопреки стабилизирующему отбору, почему-то исчезли, а у большинства видов других, ныне живущих, ящериц ноги, подтверждая стабилизирующий отбор,

¹ Лукин Е.И. Критика ламаркизма в трудах И.И. Шмальгаузена // История и теория эволюционного учения. – Вып. 2. – Л.: Наука, 1974. – С. 75.

почему-то сохранились. К тому же ящерицы, с точки зрения теории эволюции, считаются предками змей. Как же стабилизирующий отбор допустил исчезновение у змей подвижных век и барабанной перепонки? Неужели это все помешало в наземной среде? Не объясняют эти странности видообразования и другие виды отбора – направленный и разрывающий (дизруптивный).

В случае с ящерицами и змеями, как и в некоторых других ситуациях, эволюционисты занимаются интерпретацией фактов, составляют субъективные схемы, которые хорошо выглядят в теории, но при внимательном рассмотрении эволюционных ветвей любых филогенетических построений в каждом из них видны пробелы. «Оборона и наступление» эволюционистов на первый взгляд беспроблемны. Есть неизменные признаки – придуман стабилизирующий отбор. Признаки меняются – наготове выкопанные из скрытых миллионами лет изменения условий среды, и к этим, никому неведомым конкретным изменениям эволюционисты присовокупляют движущий (направленный) отбор. Не найдены промежуточные формы (они, честно говоря, не находятся практически никогда) – тут же прибегают к так называемому разрывающему, или дизруптивному, отбору. Последний якобы благоприятствует двум или нескольким крайним вариантам изменчивости. В этом отношении показательным является высказывание В.В. Налимова: «До сих пор биологи-эволюционисты готовы опираться на два исходных дарвиновских постулата: мутации и естественный отбор. Не слишком ли скромно выглядят эти постулаты для описания происхождения биосферы, удивительной по своему многообразию и по своей сложности? Неясно, скажем, как дискретные и независимые мутации могли породить такое сложное устройство, как глаз, или как из примата мог возникнуть человек, отличающийся от своего предка целым семейством связанных признаков? Как можно говорить о модели отбора, если не очевиден критерий оптимальности? Теория эволюции в современном ее состоянии выглядит вполне механистической, но где-то подспудно сохраняет представление о персонифицированном Наблюдателе»¹. Все эти вопросы, задаваемые ученым, в рамках материалистически-ориентированной эволюционной науки, не признающей Наблюдателя, остаются без ответа. Таким образом, теории стабилизирующего и других отборов в рамках образования новых видов есть

¹ Налимов В.В. Вездесущие ли сознание? // Человек. – 1991. – № 6. – С. 19.

пока только гипотезы, базирующиеся на субъективном восприятии фактов их авторами.

На доказательства эволюции в форме наследования приобретенных признаков был направлен ряд экспериментов и наблюдений П. Каммерера, Г. Вольтерена, Дж. Гармса¹. В первой половине XX в. широко известный австрийский биолог П. Каммерер проводил опыты с жабами-повитухами, приучив их спариваться не на суше, как обычно, а в воде. В результате этого Каммерер якобы обнаружил утолщения на передних конечностях самцов для удержания в воде самок, которых у обычного вида жаб-повитух не бывает. Однако в его отсутствие препараты были исследованы и признаны фальсификацией, что послужило поводом для трагической кончины автора².

Знакомство со взглядами ученых-эволюционистов конца XX – начала XXI вв. убеждает в том, что по сей день в этом сообществе нет, как и раньше, единства и согласия. Их рассуждения сформировали представление о «синтетической теории эволюции». Это понятие включает в себя комплекс представлений о микро- и макроэволюции, а также новые результаты исследований в области генетики. Но по вопросу о том, какие факторы следует считать ведущими в процессе образования новых видов, выражаются самые разнообразные мнения, плохо сочленяющиеся между собой.

Так, наш современник, известный биолог-эволюционист А.С. Северцов, профессор МГУ, отводит ведущую роль окружающей среде: «Популяции любого вида существуют в сложной среде и сами они сложно сконструированы. Поэтому каждый фактор внешней среды, вызывающий гибель или устранение от размножения части особи в популяции, является причиной возникновения того или иного направления отбора». В конечном итоге А.С. Северцов приходит к выводу о дуалистичном механизме эволюции: «с одной стороны, она основана на эволюции популяций, с другой – на компоновке готовых жизненных форм»³.

М.Г. Сергеев (2001), д.б.н., профессор Новосибирского университета считает: «Эволюционистами, да и вообще биологами, в первую очередь недоучитываются сложности организации географиче-

¹ Шмальгаузен И.И. Проблемы дарвинизма. – Л.: Наука, 1969. – С. 145.

² Фейгинсон Н.И. Основные вопросы мичуринской генетики. – М., 1955. – С. 125–127.

³ Северцов А.С. Причины эволюционного стазиса // Эволюционная биология: Мат. конф. «Проблема вида и видообразование» / Томский госуниверситет. – Т. 1. – Томск, 2001. – С. 88.

ского пространства... Между тем понятно, что для слона, грызуна и ногохвостки пространства, в которых они существуют, а priori разные». Таким образом, М.Г. Сергеев отводит роль «эволюционного организатора региональной дифференциации биосферы»¹.

В противовес этим соображениям, Б.Ф. Чадов, д.б.н. из Института цитологии и генетики СО РАН г. Новосибирска высказывает следующую точку зрения: «Традиционно считается, что импульсом к видообразованию является изменение условий среды. Несмотря на широкое хождение, этот тезис не верен. Существование на данный момент иерархии видов от простейших до сложнейших говорит о том, что простейшие виды ничего не потеряли, оставшись равнодушными к имевшим место изменениям среды. Они так же существуют, и их биомасса не меньше, а больше биомассы высших. Во всяком случае, изменения среды, имевшие место на Земле, не явились императивом к изменению организмов... Возникает вопрос, если не среда, то что толкает систему к изменению? Я полагаю, что таким толчком является событие внутри самой живой системы. Это – образование доминантной летальной мутации в регуляторном гене, ставящей организм на грань жизни и смерти и в то же время не элиминирующей сразу из популяции»².

Б.Ф. Чадов, опираясь на разработки современной генетики, отказывается от представлений синтетической теории эволюции, предполагающей «создание вида по частям, каждая из которых в составе организма предварительно обкатывается отбором». В предлагаемой им модели «стимулом к видообразованию являются определенные изменения в самой живой системе, но не воздействия внешней среды, не ее изменения, не приспособление организма к условиям среды, как это предписывается синтетической теорией видообразования... На популяционном «биосферном» этапе взаимоотношения между кандидатом на новый вид и средой являются определяющими: либо кандидат окажется удачливым реципиентом солнечной энергии в той или иной форме и, размножившись, станет видом, либо погибнет... Задача генетиков – понять, какие классы генов мутируют и в какой последовательности, чтобы одно стабильное состояние регуляторной сис-

¹ Сергеев М.Г. Видообразование и эволюционная биогеография // Эволюционная биология: Мат. конф. / Томский госуниверситет. – Томск, 2001. – С. 118.

² Чадов Б.Ф. Мутации способные инициировать видообразование // Эволюционная биология: Мат. конф. / Томский госуниверситет. – Т. 1. – Томск, 2001. – С. 159.

темы через фазу нестабильности могло перейти в другое стабильное состояние»¹.

В поддержку современного генетика Б.Ф. Чадова приведем высказывание одного из основоположников этой науки Томаса Морганна: «Если мы откажемся от предположения, что какой-то неизвестный агент, например управляющее начало, регулирует все химические изменения в генах, то мы должны признать редкие сочетания каких-то условий. Анализируя эти условия, мы получим скорее картину неизбежности, чем случайности»². Данное мнение сходно с высказыванием известного ученого В.В. Налимова о некоем «наблюдателе».

В противоположность первоначальным ожиданиям, дарвинизм не получил эффективной поддержки ни от генетиков, ни от тех обширных исследований, с помощью которых дарвинисты пытались превратить эволюционную теорию в точную науку³. Многие представители науки на западе считают, что хотя неodarвинистская модель была «значительным шагом вперед», она не в состоянии объяснить многие важнейшие феномены в биологии: «Уже в 1970-х гг. многие биологи начали сомневаться в том, что модель дает адекватное объяснение эволюции. Возможно, генетика вполне адекватно объясняет микроэволюцию, но мы не наблюдаем, чтоб путем микроэволюционных изменений последовательности генов рептилия превращалась в млекопитающее или рыба – в амфибию»⁴. Как мы видим, за истекшее столетие в дискуссиях об эволюции ее сторонники либо по-прежнему отдают предпочтение тем же факторам, что и их предшественники, либо, на основании новейших генетических взглядов, высказывают мнения, приближающиеся к мнению Ламарка и преформистов о видоизменении существующего в организме генетического материала под действием стремления к прогрессу. Вместе с тем устойчивость данной исследовательской программе придает именно полемика со сторонниками альтернативных гипотез – сальтационизма и креационизма. Именно на этих направлениях мы остановимся далее.

Но сначала кратко о макроэволюции. Ч. Дарвин о ней не писал. Учение о макроэволюции разрабатывали его ученики, переводящие

¹ Чадов Б.Ф. Мутации способные инициировать видообразование // Эволюционная биология: Мат. конф. / Томский госуниверситет. – Т. 1. – Томск, 2001. – С. 161–162.

² Морган Т. Экспериментальные основы эволюции. – М.; Л.: Б. и., 1936. – С. 186.

³ Стенли Л.Я. Спаситель науки. – М.: Греко-латинский кабинет Шичалича, 1992. – С. 186.

⁴ Gilbert S.F., Opitz J.M., Raff R.A. Resynthesizing Evolutionary and Developmental Biology / *Developmental Biology* 173 (1996). – P. 360.

гипотезу учителя в теорию. Макроэволюция, с точки зрения современных последователей Ч. Дарвина, – это надвидовая эволюция, в ходе которой формируются таксоны более высокого ранга, чем вид (рода, семейства, отряды, классы). Термин «макроэволюция» введен Ю.Н. Филипченко (1927). Вслед за ним отдельные исследователи стали утверждать, что макроэволюция – это процесс качественно отличный от микроэволюции. Однако в настоящее время большинство дарвинистов считают, что это явление не имеет специфических механизмов и осуществляется только посредством процессов микроэволюции, являясь их интегрированным выражением. Накапливаясь, микроэволюционные процессы получают внешнее выражение в макроэволюционных явлениях. Макроэволюция не поддается наблюдению на уровне микроэволюции. Поэтому для восстановления макроэволюционных процессов рекомендуется использовать данные палеонтологии, эмбриологии и сравнительной анатомии¹. Разберем, как эти рекомендации воспринимают другие сторонники эволюционной теории.

2.3. Неодарвиновские и антидарвиновские эволюционные теории

Взгляды на макроэволюцию, которая не поддается наблюдению на уровне микроэволюции, сразу же вызвали ожесточенные споры в рядах самих дарвинистов.

В 70-х гг. XX в. широкое распространение получило такое учение, как пунктуализм, основоположниками которого стали американские ученые С.Дж. Гоулд и Н. Элдридж (1977). Согласно их утверждению, эволюция, по крайней мере в типичных случаях, идет не непрерывно, а скачками. Подобного рода концепция получила также название сальтационизма. Она явилась одной из гипотез макроэволюционных преобразований органического мира. Сама по себе гипотеза была не нова, поскольку ее придерживались еще современники Ч. Дарвина – Э. Зюсс (1863) и О. Геер (1868), а также первые генетики – Г. де Фриз и У. Бэтсон. Но во второй половине XX в. сальтационизм получил ряд теоретических обоснований с точки зрения биоло-

¹ Макроэволюция // Биологический энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 1995. – С. 337.; Яблоков А.В., Юсуфов А.Г. Эволюционное учение Дарвинизм. – М.: Высшая школа, 1998. – 336 с.

гии. Отсюда в геологии и палеонтологии появились серьезные работы, приписывающие решающую роль в обновлении органического мира глобальным катастрофам, которые создают предпосылки или даже обуславливают происхождение новых форм жизни. С.Дж. Гоулд констатирует следующее: «Палеонтологи не зарегистрировали практически никаких случаев медленной и постепенной трансформации, шаг за шагом вверх по стратам среза холма: ни для лошади, ни для человека»¹. После выдвижения А.Н. Северцовым учения об архаллак-сисах, или изменениях закладок органов, на ранних стадиях онтогенеза, они были восприняты как важнейший способ становления новых таксонов высокого ранга путем сальтаций². Такое представление было использовано немецким генетиком, одним из основоположников экспериментальной эмбриологии Рихардом Гольдшмидтом. Он разработал стройную концепцию макроэволюции. Его взгляды выражены в следующих постулатах: 1. Макроэволюция не может быть понята на основе гипотезы о накоплении микромутаций. Она сопровождается реорганизацией генома и хромосом. 2. Изменения хромосомного «паттерна» могут вызвать значительный фенотипический эффект независимо от точковых мутаций. 3. Фенотипический эффект основывается на преобразовании систем межтканевых взаимодействий в процессе индивидуального развития и может иметь эволюционное значение, обуславливая появление так называемых «многообещающих уродов», значительно отклоняющихся в своем строении от нормы³. Еще задолго до Гольдшмидта современник Ч. Дарвина К. Дюрест выступал с позиций тератологического сальтационизма. По его мнению, именно среди «уродов» обнаруживаются особи, которые становятся предками новых организмов. Один из самых выдающихся палеонтологов современности Отто Шиндевольф выдвинул гипотезу типострофизма. В ней он игнорировал процессы, протекающие в популяциях, отверг эволюционную роль случайности, признав носителем эволюции отдельную особь. Он считал, что отсутствие промежуточных форм в палеонтологических останках объясняется особенностями эволюционного процесса, который заключается в быстрых трансформациях форм, связанных с резкими изменениями

¹ Gould, S.J. Evolution – Explosion, not Ascent // The New York Times, 1978. 22. 1978. – P. 6.

² Татаринов Л.П. Палеонтология и эволюционное учение. – М.: Знание, 1985. – С. 22.

³ Корочкин Л.И. Гены, онтогенез и проблемы эволюционного развития: Мат. конф. / Томский гос. университет. – Т. 1. – Томск, 2001. – С. 59.

уровня космической и солнечной радиации. Ему принадлежит крылатая фраза: «Первая птица вылетела из яйца рептилии»¹.

Все сальтационные гипотезы уходят своими корнями в диалектику Гегеля и ее основные законы, в частности в законы перехода количественных изменений в качественные. Этот закон обосновывает внезапность радикальной перемены сущности за счет медленных и постепенно накапливающихся изменений явлений. Современными философами также предлагается механизм качественных преобразований, проходящий в два этапа: количественное изменение качества и качественное изменение качества. Развитие объекта представлено двумя отрезками: первый – плавно протекающий процесс указывает на эволюционное развитие, второй – на взрывообразный характер². Этот «второй скачок качества» в данном случае соответствует интерпретации сальтационной гипотезы. Однако в рамках материалистического подхода гипотезу макроэволюции крайне трудно объяснить с точки зрения законов генетики, поскольку она не предлагает верифицированных путей преодоления генетических препятствий, которые неизбежно при этом возникают.

Начиная с середины XX в., интерес к сальтационным теориям резко возрос. Особенно это стало ощутимо после обобщающих выводов А.Л. Тахтаджяна и предложенного им в 1954 г. термина «гетеробатмия» (от греческого bathmos – ступень), означающего неординарный уровень развития и специализации различных органов, достигнутый в результате относительной независимости в развитии различных частей организма в процессе эволюции³. В то же время Тахтаджян подчеркивал, что даже самые перспективные макромутанты должны подвергаться дальнейшей шлифовке естественного отбора⁴. Практически в одно с ним время, в 1954 г., де Бир на основе строения археоптерикса, которому присущи признаки и пресмыкающихся, и птиц, сформулировал принцип «мозаичной эволюции», которая якобы в различной степени осуществляется в филогенезе всех организмов⁵. Однако такой подход противоречит принципу корреляций Ж. Кювье,

¹ Корочкин Л.И. Гены, онтогенез и проблемы эволюционного развития: Мат. конф. / Томский государственный университет – Т. 1. – Томск, 2001. – С. 59–61.

² Разумов В.И. Категориально-системная методология в подготовке ученых. – Омск: ОмГУ, 2004. – С. 166–167.

³ Гетеробатмия // Биологический энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 129.

⁴ Татаринев Л.П. Палеонтология и эволюционное учение. – М.: Знание, 1985. – С. 23.

⁵ Мозаичная эволюция // Биологический энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 370.

поскольку, если в организме меняется не система, а один или небольшое количество органов, этот процесс не может быть назван ароморфозом, а считается уродством или пороком развития.

Наиболее оригинальная сальтационистская концепция разработана В.А. Кордюмом (1982). Она получила название «информационной концепции эволюции биосферы». Согласно этой концепции, эволюция совершается в результате горизонтального переноса целых блоков генов от прокариот и вирусов к эукариотам, вследствие чего возникают совершенно новые группы организмов. Совсем недавно данная гипотеза рассматривалась как «нелепый вздор»¹, поскольку считалось, что благодаря трудам А. Вейсмана доказана невозможность передачи информации от соматических клеток к половым. В настоящее время признается возможность наследования приобретенных признаков, о чем писал еще Ламарк и якобы не отрицал сам Дарвин. Это так называемая «эпигенетическая наследственность», недавно открытая учеными. В соответствии с этой теорией возможен горизонтальный перенос генов с помощью вирусов в организм зародыша, когда «барьер Вейсмана» еще не успел сформироваться. Таким образом, гипотеза В.А. Кордюма, кажется, получила эмпирическое обоснование².

Совершенно очевидно то, что во всех вышеприведенных теориях в различной степени прослеживаются как неodarвиновские, так и антидарвиновские взгляды.

Наибольшее значение среди таких представлений имеет, на наш взгляд, теория Л.С. Берга, выдвинутая им еще в 20-х гг. XX в. В своей книге «Номогенез, или эволюция на основе закономерностей» Берг изложил основные положения против теории Дарвина. Он отрицал роль естественного отбора как фактора прогресса, признавал скачки и пароксизмы в развитии видов, а также роль мутаций. Кроме того, Берг отводил решающую роль географическому ландшафту, который он определял как совокупность рельефа, климата и растительного покрова, которая представляет собой «ландшафтный организм»: «Влияние географического ландшафта на организмы двоякое: преобразующее и отбирающее. Непосредственно воздействуя на всю массу организмов, ландшафт преобразует их. С другой стороны, он отбирает

¹ Татаринев Л.П. Палеонтология и эволюционное учение. – М.: Знание, 1985. – С. 32.

² Марков А.В. От Ламарка к Дарвину... и обратно // Экология и жизнь. – 2008. – № 1. – С. 48–53.

формы, приспособленные для данного ландшафта: при этом неприспособленные или гибнут, или переселяются в другой, более соответствующий ландшафт»¹. В связи с этим возникает вопрос, каким же образом предполагаемые «неприспособленные формы» могут оказаться в том или ином ландшафте? Ведь речь, насколько можно понять, идет именно о ландшафтах, а не о природных катаклизмах типа наводнения или землетрясения. Далее Л.С. Берг пишет: «Механизм воздействия ландшафта пока скрыт от нас, но ясно, что секрет формообразующего влияния изоляции... коренится именно в воздействии определенного географического ландшафта»². Статью «Соображения о происхождении наземной, пресноводной и морской флоры и фауны» он начинает так: «Относительно того, откуда произошла морская, пресноводная и наземная флора и фауна, при современном состоянии знаний возможны только предположения. Здесь все спорно, и наши мысли сообщаются только как материал для обсуждения»³. Такие высказывания, как нам кажется, делают честь их автору, призывающему к дискуссии и ничего не утверждающему наверняка. Эволюцию Берг считал развертыванием уже существующих задатков. Л.С. Берг предлагает концепцию номогенеза (от греческого *nomos* – закон). Это концепция о внутренней запрограммированности исторического развития живой природы. Ученый видел в эволюции присущую организмам изначальную целесообразность. По его мнению, со временем образуются новые более сложные формы в результате развития и совершенствования зачаточных признаков. Отсюда следовал вывод о преформированности эволюции⁴. Это последнее положение перекликается с теорией батмогенеза Э. Копа, которая отводит роль прогресса внутреннему стремлению организмов к самосовершенствованию, и теорией ортогенеза Т. Эймера, который объявил эволюцию направленностью самой изменчивости. Сюда же следует отнести и аристокенез Г. Осборна, согласно которому прогрессивная эволюция осуществляется в результате возникновения и накопления генов улучшения – аристокенов. Во всех указанных теориях явно прослеживаются телеологические концепции – стремление к некой завершающей цели. Следует отметить, что в становлении кибернетики бы-

¹ Берг Л.С. Труды по теории эволюции, 1930. – Л.; М.: Наука, 1977. – С. 108.

² Бабков В.В. Эволюционный и развитийный подход в трудах русских биологов: Мат. конф. // Томский госуниверситет. – Т. 1. – Томск, 2001. – С. 20.

³ Мурзаев Э.М. Лев Семенович Берг. – М.: Наука, 1983. – С. 140.

⁴ Там же. – С. 140.

ла высказана идея о телеологическом управлении, где определенная для системы цель по механизму положительной обратной связи начинает работать на свое осуществление¹. Примером этому может служить влияние прогнозов на общественное развитие.

Л.С. Берг выдвинул также постулат о закономерном характере наследственной изменчивости, которая одновременно проявляется у множества особей под действием факторов географической среды. Он утверждал, что видообразование может идти путем резких однократных скачков – «пароксизмов» (сравним: неокатастрофизм, сальтационизм). Исходя из своих постулатов, Берг сформулировал «основной закон эволюции» – так называемый автономический ортогенез, который является внутренне присущей живому силой, действующей независимо от внешней среды и направленной в сторону усложнения морфофизиологической организации². Отметим в очередной раз то, что мощнейший аналитический ум академика Л.С. Берга опять упоминает о «внутренней силе».

Данную гипотезу, как и многие аналогичные ей, можно рассматривать на уровне сформулированной философы, которая предстает в виде оппозиции и создает роль бесконечного сформулированного «генератора проблем». В данном случае все сальтационные гипотезы выступают в роли оппозиций по отношению к дарвиновской.

Упоминая о разнообразных макроэволюционных концепциях, мы в основном делали акцент на палеонтологические аспекты, практически не касаясь эмбриологии. Однако многие эволюционисты в значительной степени рассчитывают на эмбриологические «доказательства» эволюции. В первую очередь речь в этом случае ведется о биогенетическом законе Мюллера – Геккеля (1864, 1866), утверждающем, что онтогенез является коротким и быстрым повторением филогенеза. Несмотря на различные оговорки, считается, что этот закон имеет надежное эмпирическое подтверждение³.

Между тем с этим законом был не согласен еще К.М. Бэр (1792–1876) – основоположник современной эмбриологии. В настоящее время эволюционисты активно интерпретируют данные его исследований и трактуют «закон зародышевого сходства» этого ученого в

¹ Розенблют А., Винер Н., Бигелоу Дж. Поведение, целенаправленность, телеология. – М.: Сов. радио, 1968. – С. 285–294.

² Берг Л.С. Номогенез или Эволюция на основе закономерностей. – Петроград, 1922. – С. 110.

³ Яблоков А.В., Юсуфов А.Г. Эволюционное учение. Дарвинизм. – М.: Высшая школа, 1998. – 336 с.

свою пользу. К. Бэр с ними бы не согласился: он считал, что зародыш можно сравнивать только с зародышем, а взрослую форму – со взрослой формой¹. Его закон (1829) гласит о том, что зародыши разных систематических групп организмов похожи друг на друга и в онтогенезе всех животных сначала выявляются признаки высших таксономических категорий (типа, класса)². Но К. Бэр считал, что если бы теория рекапитуляции была правильной, то в развитии некоторых животных не наблюдалось бы в эмбриональном состоянии образований, которые остаются лишь у вышестоящих на эволюционной лестнице форм. Так, молодые ящерицы имеют очень большой мозг, а у головастика лягушки есть роговые челюсти, как у птицы. Зародыш лягушки на первой стадии развития является бесхвостым, то есть оказывается в том состоянии, которое свойственно лишь высшим млекопитающим. Эти примеры «закона зародышевого сходства» (перетягиваемого эволюционистами на свою сторону) свидетельствуют о том, что развитие зародыша не повторяет «прошлого» (как следует из биогенетического закона Мюллера – Геккеля), а как бы предвосхищает «будущие» этапы эволюции³.

Свое негативное отношение к биогенетическому закону выразили А. Келликер, В. Гис, Оскар Гертвиг, а также А. Седжвик – современник Э. Геккеля, выдающийся эмбриолог. Последний заметил, в частности, что глоточные дуги и щели эмбриона млекопитающих гомологичны жаберным дугам и щелям рыб, однако нет свидетельств в пользу того, что они выполняли в прошлом жаберную функцию. Без таких свидетельств нельзя утверждать, что жаберные щели и дуги доказывают происхождение млекопитающих от рыбообразных предков⁴.

Американский генетик Томас Морган считал, что если теория рекапитуляции является «законом», то он имеет так много исключений, что становится бесполезным и часто ошибочным.

Понимая всю серьезность такого рода возражений и стремясь, тем не менее, «спасти» биогенетический закон, А.Н. Северцов выдвинул теорию филэмбриогенеза (1927), под которым он понимал эволюционное изменение хода индивидуального развития (эмбриогенеза)

¹ Плавильщиков Н.Н. Гомункулус. – М.: Худ. лит-ра, 1971. – С. 328.

² Зародышевое сходство // Биологический энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 1995. – С. 209.

³ Алферов Т. Православное мировоззрение и современное естествознание. – М.: Паломник, 2004. – С. 202–203.

⁴ Корочкин Л.И. Гены, онтогенез и проблемы эволюционного развития. – М., 2001 – С. 51.

организмов. Основным положением учения о филэмбриогенезе является представление о первичности филогенеза. По мнению А.Н. Северцова, филогенетические изменения взрослого организма происходят как на промежуточных, так и на начальных стадиях его развития¹. Оправдывая несостыковки биогенетического закона, А.Н. Северцов для объяснения дарвиновской эволюции предложил иметь в виду три так называемых типа филэмбриогенеза (*и закон «подкорректирован», и макроэволюция «объяснена»*. – Авт.): 1) анаболия – изменения на поздних стадиях онтогенеза путем надставок новых стадий (например изменение формы тела камбалы); 2) девиация – изменения на средних стадиях онтогенеза (развитие чешуи у акул и рептилий или перегородки сердца млекопитающих, формирующейся иначе, чем у пресмыкающихся); 3) архаллакисис – изменения на ранних стадиях онтогенеза или первичных зачатков (закладка волос у млекопитающих, с самых ранних стадий отличающаяся от закладки других придатков)².

Однако работы А.Н. Северцова не положили конец критике представлений Геккеля – Мюллера (биогенетического закона). Негативное отношение к ним продемонстрировали палеонтолог Ш. Денере, зоолог А.А. Любищев, эмбриологи Д. Дьюор (Dewar), С.Г. Крыжановский, физиолог И.А. Аршавский и др. Д. Дьюор (Dewar) заметил, что пищеварительный канал эмбриона некоторое время замкнут в себе и отделен ото рта и анального отверстия, а это не может представлять какую-то предковую стадию: разве можно представить такую фазу эволюции, когда примитивный пищеварительный канал имеет смысл в качестве слепой трубки?³ Отметим, что данный факт никак не свидетельствует в пользу закона о рекапитуляции, поскольку пищеварительный тракт любого животного служит для поглощения пищи, усвоения питательных веществ и вывода продуктов распада, и науке неизвестны организмы, даже примитивные, с замкнутой пищеварительной системой.

Был нанесен удар и по самому, казалось бы, непоколебимому оплоту эволюционистов – формированию пальцев в конечности лоша-

¹ Филэмбриогенез // Биологический энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 1995. – С. 673.

² Дружинин А.Н. Жизнь и научная деятельность А.Н. Северцова // Дарвинизм. 1951. – С. 722; Ярыгин В.Н. с соавт. Биология. – Т. 2. – М.: Высшая школа, 1997. – 352 с.

³ Корочкин Л.И. Гены, онтогенез и проблемы эволюционного развития. – М., 2001. – С. 53.

ди. Закладка однопалой конечности лошади с самого начального момента обнаруживает четкую специфичность – латеральные пальцы в ходе эволюции не рекапитулируют в онтогенезе. То есть утраченные «в ходе эволюции» (*кавычки наши – Авт.*) пальцы редуцированы в самой ранней эмбриональной закладке, что противоречит биогенетическому закону¹. Заметим от себя, что для объяснения такого рода нестыковки и было введено понятие архаллаксиса. Но данное понятие субъективно, а нарушение якобы объективного биогенетического закона, в данном случае, тоже объективно. Состыковывать два объективных явления посредством субъективных предположений не корректно.

Сходные противоречия обнаруживаются и в ходе сравнительно-эмбриологических исследований. Например, в то время как эмбрионы человека, цыпленка и рыбки полосатая данио (*zebrafish*) на филогенетической стадии (стадии морфологического сходства) выглядят сходно, их более ранние стадии развития (по региональной идентичности паттернаэкспрессии гомеозисных генов) морфологически совершенно различны, что находится в противоречии с биогенетическим законом.

У многих личинок земноводных есть наружные жабры, а потом они исчезают. Это явление противоречит биогенетическому закону, поскольку ни у круглоротых, ни у рыб, ни у ланцетника наружных жабр не было.

Л.И. Корочкин, член-корреспондент РАН, сотрудник Института биологии развития им. Н.К. Кольцова считает, что в настоящее время этот закон всерьез принимается лишь в отечественной литературе, в западных источниках по эмбриологии и генетике развития он обычно не упоминается или отрицается. Этот исследователь ссылается на поддержку из книги Р. Рэффа и Т. Кауфмана «Эмбрионы, гены, эволюция» (1986): «Последний удар по биогенетическому закону был нанесен тогда, когда стало ясно, что морфология и морфологические адаптации имеют важное значение не только для взрослого организма, но и для всех стадий его онтогенеза»².

Приведем еще ряд высказываний западных ученых, свидетельствующих о несостоятельности теории рекапитуляции. Английский эмбриолог де Бир считал: «Редкое утверждение, подобное геккелевской

¹ Корочкин Л.И. Гены, онтогенез и проблемы эволюционного развития. – М., 2001. – С. 53.

² Корочкин Л.И. Введение в генетику развития. – М.: Наука, 1999. – С. 254.

«теории рекапитуляции», на первый взгляд безупречное и правдоподобное, будучи широко принятым без критического изучения, наносило такой значительный вред науке»¹. Биолог К. Томпсон, профессор Йельского университета писал: «Несомненно, что биогенетический закон мертв, как гвоздь в стене. Его изгнали из учебников биологии в 1950-х гг., а как тема серьезного творческого исследования он перестал существовать еще в 1920-е гг.»².

На основе данных современной генетики, Л.И. Корочкин (2001) обоснованно выдвигает гипотезу молекулярно-генетического механизма сальтационного видообразования:

1. Индивидуальное развитие подчинено реализации развивающимся организмом определенной «цели» – преобразованию во взрослый, дефинитивный организм, следовательно, оно целесообразно.

2. Процесс онтогенеза не случаен, он протекает направленно от стадии к стадии. Посмотрев внимательно на различные эволюционные ряды, поневоле начинаешь подозревать наличие как бы predetermined генетически закономерного филогенеза, как бы направленного по некоему «преформированному» каналу, о чем, собственно, высказывался уже Лев Семенович Берг в своей теории номогенеза.

3. Очевидно, и в эволюции длительные фазы стазиса, покоя должны сменяться взрывами видообразования. Эволюция носит не градуалистический, а пунктуалистический, скачкообразный характер³.

Деликатность исследователя заключается в признании гипотетичности своих представлений и в ожидании подтверждения своей правоты со стороны палеонтологов.

С нашей точки зрения, ставить «жирный крест» на биогенетическом законе все же не следует. Сейчас очевидно, что сравнительный анализ рисунков Э. Геккеля и современных фотографий, выполненных Майклом Ричардсоном⁴ с группой коллег, убедительно свидетельствуют о том, что идея «эмбриональной рекапитуляции» была основана на поддельных рисунках Геккеля. Здесь также уместно за-

¹ Beer, Gavin de. Darwin and embryology. In A century of Darwin. S.A. Barnett ed. London: Heinemann. 1958. – P. 159.

² Thompson K. Ontogeny and phylogeny recapitulated. American Scientist. 1988, 76: – P. 273.

³ Корочкин Л.И. Гены, онтогенез и проблемы эволюционного развития. – М., 2001. – С. 56.

⁴ Richardson M.K. et.al. There is no highly conserved embryonic stage in the vertebrates: implications for current theories of evolution and development // Anatomy and Embryology, 196 (2), 1997. – P. 91–106.

мечание, что биогенетический закон позволял установить гипотетическое сходство стадий эмбриогенеза с гипотетическим эволюционным древом, нарисованным Эрнстом Геккелем и вызвавшим большие сомнения у самого Ч. Дарвина (см. п. 2.2). Однако вывод К. Бэра о том, что на ранних этапах развития эмбрионы более сходны между собой, чем на поздних, остается в силе. В связи с этим представители креационного направления имеют основания считать, что эмбриональное развитие может отражать последовательность этапов творения генетически преформированных в зародышах разных организмов. Теперь, если вернуться к теории преформизма А. Галлера и Ш. Боннэ, то станет очевидно, что аналогичные мысли высказывались уже более двухсот лет назад. Разница заключается лишь в том, что эти ученые видели источник целеполагания во Всемогущем Творце, в то время как у Л.И. Корочкина и Л.С. Берга такой источник не указан. Если исключить из данной схемы Господа Бога, то возникает ряд закономерных вопросов. Кто определил цель преобразования вида? Кто заложил программу в развитие эмбриона? Кто, наконец, направил филогенез по «преформированному» каналу? Если ответ на этот вопрос заведомо «никто», то невольно вспоминаются слова противника Т. Гексли – Оксфордского епископа Вильберфорса: «Неужели можно верить тому, что все виды репы в огороде стремятся сделаться людьми?»¹. Хочется надеяться, что разработки большей плеяды преформистов, неокатастрофистов, мутационистов, сальтационистов и представителей номогенеза, а также самих эволюционистов не сводятся так или иначе к доказательству этой нелепости.

Проблемам эволюционного учения посвящена масса научных исследований, но совершенно очевидно, что никакого единства мнений по всем его положениям до сих пор не достигнуто. Не вызывает дискуссий только весьма общее описательное определение эволюции, но когда речь заходит о признаках, ее характеризующих, то среди ученых сразу же возникает «разнопонимание»². Палеонтолог из Кембриджа Конвей Моррис указывает на то, что «в вопросе эволюции органического мира единственное, с чем согласны все ученые, что „она имела место”. В остальных вопросах царит полное разногласие»³.

¹ Дарвинизм. Хрестоматия. – М., 1951. – С. 599.

² Завадский К.М. Развитие эволюционной теории после Дарвина. – Л., 1973. – С. 10.

³ Morris S.K. Evolution: Bringing Molecules into the Fold. // Cell 100 (2000). – P. 1–11.

Как известно, Ч. Дарвин, положив начало современному эволюционному учению, допускал основополагающую роль Творца в происхождении видов¹. Его же последователи, как сторонники, так и критики, не оставляя для Творца никакой роли в создании живого, поступают с гипотезой Дарвина весьма произвольно. В этом заключается главное сходство всех как неодарвиновских, так и антидарвиновских эволюционных теорий между собой, и в этом же заключается их основное отличие от самой теории Дарвина.

Л.П. Татаринев, академик РАН, палеонтолог-эволюционист, в своей работе «Палеонтология и эволюционное учение» (1985) отмечает, что «мы переживаем в развитии эволюционной теории странный период, когда модными стали разнообразные антидарвиновские высказывания»². Отмечая, что «многие процессы и в эволюции, и в жизнедеятельности организмов настолько сложны, что мы с трудом приближаемся к их пониманию», Л.П. Татаринев, тем не менее, пишет о бесперспективности сальтационизма. Бесперспективность же, как видно далее из текста, заключается в том, что сальтационная теория льет воду на мельницу креационизма. Ведь, как мы упоминали, изначально сторонниками сальтаций были Ш. Боннэ и Ж. Кювье – глубоко верующие ученые. В конечном итоге выходит, что бесперспективность сальтационизма, по Татариневу, верна лишь относительно материалистической гносеологии, с точки зрения которой невозможно объяснить внезапное возникновение групп видов в определенную геологическую эпоху. На уровне мировоззренческой установки многих ученых предполагается, что обращение к идеям креационизма вообще остановит развитие биологии. Многие поколения ученых, со времен Блаженного Августина, категорически с этим не согласны, поскольку ученые-креационисты развивают теорию появления и развития жизни и человека также научными методами, но на иных, чем у эволюционистов основаниях: философских (идеализм) и мировоззренческих (теизм). С позиций же философии науки, проводимые сопоставления и критика имеют своей целью понимание механизмов конкуренции двух исследовательских программ с учетом перспектив их взаимодействия, а также синтезирующей конструкции.

¹ Дарвин Ч. Происхождение видов. – М.: Просвещение, 1987. – С. 362.

² Татаринев Л.П. Палеонтология и эволюционное учение. – М.: Знание, 1985. – С. 35.

2.4. Идеалистический и теистический эволюционизм концепции П. Тейяра де Шардена

П. Тейяру де Шардену (1881–1955) как теологу, философу и палеонтологу, по мнению многих ученых, удалось создать теорию на стыке христианского мировоззрения и современного естествознания, основанную на идее эволюции. В своем основном труде «Феномен человека» Тейяр попытался раскрыть тайны природы через понимание эволюционных процессов. Его отчасти мистическая трактовка сущности материи свидетельствует о личном понимании христианства. Он, будучи искренне верующим человеком и католическим богословом, являлся глубочайшим приверженцем эволюции, поскольку видел весь мир через процессы развития: «Что такое эволюция – теория, система, гипотеза?... Нет, нечто гораздо большее, чем все это: она – основное условие, которому должны отныне подчиняться и удовлетворять все теории, гипотезы, системы, если они хотят быть разумными и истинными. Свет, озаряющий все факты, кривая, в которой должны сомкнуться все линии, – вот что такое эволюция»¹. На уровне метафизики все это тесно связано с представлением становления как начала мироздания, на что ранее указывалось Гераклитом, Гегелем, А. Бергсоном, А. Уайтхедом. По Тейяру, жизнь тянет ростки во всей вселенной, всюду, где только есть для этого условия. Если этих условий нет, развитие приостанавливается, но при появлении их незамедлительно возобновляется. Им выдвинуто следующее принципиальное положение: «Ничто в мире не может объявиться в конце, после ряда совершаемых эволюцией переходов (хотя бы и самых резких), если оно незаметно не присутствовало в начале»². В этом высказывании прослеживается взаимосвязь с принципом достаточного основания Г.В. Лейбница, а также с гипотезой преформизма.

Основные стадии эволюционного процесса, по Тейяру, – Преджизнь, Жизнь и Сверхжизнь. Пьер Тейяр де Шарден рассматривал проявления жизни как космический процесс и считал, что в природе нет рубежа, отмечающего начало жизни. Согласно его концепции, эволюция на Земле протекает в несколько этапов. Первый этап – возникновение предбиосферы: «Земля, вероятно, возникла случайно. Но, согласно одному из самых общих законов эволюции, этот случай, ед-

¹ Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Айрис Пресс, 2002. – С. 225.

² Там же. – С. 227.

ва появившись, был использован, преобразован в нечто закономерно направляемое. В сердце великого неделимого универсума появилось новое неделимое – предбиосфера»¹. Далее он заполняет разрыв между минеральным миром и живой клеткой молекулярной эволюцией, высказывая предположения, что для образования на земной поверхности белков потребовалось, вероятно, больше времени, чем длились все геологические периоды после кембрия. Этот период органической эволюции Тейяр называет «забытой эрой», эрой формирования мегамолекул. Следующий этап «клеточной революции» ученый считает уникальным моментом, не имеющим себе подобных. Каждый элемент каждого уровня организации связан с центром сферы, а все сферы – с точкой «Альфа». Эта точка транспозиционна точке «Омега», находящейся в бесконечном удалении от поверхности сферы. «Омега» выражает погружение Бога в вещи и руководство эволюционным процессом². На эволюционные взгляды Тейяра де Шардена оказала существенное влияние философия Г. Спенсера, который предложил систему интеграций и возникновение иерархических уровней и организации материи от атомов и молекул до клеток. По Спенсеру, количество материи остается неизменным, из чего следует ее непрерывное перераспределение³.

Пьер Тейяр де Шарден рассматривал эволюционный процесс как расчленение жизни, образование «фил» и «мутовок». Его эволюционную теорию можно схематично изложить в следующих постулатах:

1. Волокна живой массы, разнообразясь, стремятся сблизиться, сгруппироваться. Формируется индивидуализация вида. Возникает фила. Это линия линий. Бывают простые филы и филы фил.

2. Распускание филы путем простого расширения ее первоначального стебля. Распустившаяся фила – это мутовка закрепившихся форм.

3. Веер в конце филы – это лес исследующих щупальцев. Если одно из этих щупальцев подвергается мутированию, возникает новая фила.

Тейяр де Шарден признает тот факт, что вышеупомянутая схема дает лишь теоретическое представление о происходящем, поскольку подъем жизни может быть обнаружен «лишь исходя из очень кратко-

¹ Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Айрис Пресс, 2002. – С. 78, 107.

² Там же. – С. 322.

³ Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. – Киев, 1998. – С. 1408.

го отрезка сквозь огромную толщу истекшего времени». Отсутствие переходных форм различных видов живых существ объясняется им с точки зрения «закрепившихся максимумов», иначе говоря «конечных лучей вееров, доходящих до нас в ископаемом виде. Зародыши, черешки, первоначальные фазы роста, каковы бы они ни были, исчезают с глаз наших позади. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ретроспективно вещи кажутся нам появившимися в готовом виде»¹.

«Древо жизни», по Тейяру, представляет собой сочетание разрушительного действия прошлого с созидательным действием роста. Ветвями этого древа Тейяр считает позвоночных, червей, членистоногих и растения. «Но задолго до того, как смыкаются эти ветви, их стволы исчезают в скоплении причудливых форм – губок, иглокожих, полипов. Все они, несомненно, возникли из другого, невероятно древнего и многообразного мира – инфузорий, различных простейших, бактерий, свободных клеток, у которых царства жизни смешались и систематика бессильна. Животные это или растения? Этого мы уже не знаем. Не знаем мы также, из чего это все зародилось. И тем самым в мягкости тканей и в метаморфозе первородного ила окончательно исчезают из наших глаз корни древа жизни»².

Работу Тейяра де Шардена высоко оценил выдающийся деятель русской православной церкви протоиерей Александр Мень. В своей статье «Божественная среда» он пишет: «Своим пониманием Церкви как творческого начала в современном обществе Тейяр способствует разработке положительного идеала для христиан наших дней. Он указывает на любовь к Богу как ведущую силу эволюции ноосферы. Синтез Тейяра вносит свою лепту в построение целостного христианского мирозерцания. Те же его стороны, которые спорны и неясны, вполне можно раскрыть, уточнить, дополнить. Таким образом, хотя система о. Пьера Тейяра де Шардена и имеет черты ограниченности (как и все, что делает человек), она, тем не менее, нужна нам, как нужен и сам светлый облик этого инока-ученого и пророка-гуманиста»³.

Необходимо отметить, что в целом представители православной церкви демонстрируют свое отрицательное отношение к учению Тейяра де Шардена, считая, что его мысли противоречат большинству вероучительных положений апостольского Православия. В своей ос-

¹ Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Айрис Пресс, 2002. – С. 118–124.

² Там же. – С. 138.

³ Мень А. История религии. В поисках пути, истины и жизни. – М., 1994. – 88 с.

новой массе они не приемлют и вышеупомянутую трактовку о. А. Меня, считая его открытым приверженцем и последователем Тейяра: «Богословие священников Т. Шардена и А. Меня, при различных их взглядах на происхождение мира, тем не менее, оказывается созвучным. Парадоксальным образом эволюционизм способен объединять такие несхожие концепции, как шарденовский пантеизм и меневское манихейство»¹. Католическое вероучение также в целом не принимает тейяровскую трактовку, полагая, что она отходит от томистской традиции примата богословия перед наукой². В кругу философов теории Тейяра всегда вызывала многочисленные споры. Одни именуют его «новым Фомой Аквинским», сумевшим в XX в. найти подходы к единству науки и религии, другие характеризуют его учение как «фальсификацию веры», «подмену христианской теологии гегелевской теогонией» (Жильсон, Маритен)³.

В России учению Тейяра де Шардена созвучны воззрения представителей русского космизма, согласно которому весь космос рассматривается как единый живой организм. В трудах К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского и других встречается образ «конечного идеала», к которому устремляется эволюция, то есть высшей точки «Омега». С мыслями Тейяра перекликаются работы академиков Н.И. Вавилова и Л.С. Берга⁴. Можно считать, что Тейяр де Шарден явился создателем одной из наиболее оформленных эклектических научно-теистических гипотез происхождения и развития жизни, отражающей его личное мироощущение и являющейся стимулом для дальнейшего развития пантеистических концепций в данном направлении.

2.5. Современный креационизм о появлении и развитии жизни на Земле

В широком смысле слова креационизм объединяет всех сторонников идеи сотворения нашего мира Богом. С этой точки зрения к креационистам можно отнести и Чарльза Дарвина, который не отвер-

¹ Буфеев К. Православное вероучение и теория эволюции. – СПб., 2003. – С. 171.

² Шуленина Н.В. Тейяр де Шарден // Философия. – М., 2004. – С. 851–853.

³ Грицанов А.А. Тейяр де Шарден // Новейший философский словарь. – Минск, 2003. – С. 1021.

⁴ Вавилов Н.И. Закон гомологичных рядов и наследственной изменчивости. – М.: Наука, 1987. – 235 с.; Берг Л.С. Номогенез или эволюция на основе закономерностей. – 306 с.

гал Творца, а эволюцию считал механизмом, с помощью которого Создатель творил биологическое разнообразие мира¹. Только с подачи материалистически ориентированных последователей Дарвина – Э. Геккеля, Т. Гексли, К.А. Тимирязева, Л.П. Татаринова и других эволюция стала противопоставляться творению как материализм – идеализму, религия – атеизму.

В настоящее время выделяют два основных вида креационизма: научный и фундаментальный. Научный креационизм признает как таинство сотворения мира, так и его развитие при участии и программировании этого развития Творцом. Представители этого направления: Д.П. Морлэнд, Н. Гайслер, П. Боккино.

Фундаментальный, или маргинальный, креационизм отрицает развитие мира и признает лишь его творение за шесть «дней» в полном соответствии с Ветхим Заветом². Это направление утвердилось в 60-х гг. XX в. с появлением трудов К. Хэма, Д. Сарфати, К. Виланда, православного иеромонаха Серафима (Роуза), К. Буфеева, С. Головина, А. Лаломова, Т. Алферова и ряда других ученых-христиан. Они отстаивают идею дословного понимания Библии в отношении шести дней творения, происхождения Вселенной, создания биологического мира и человека. В этом направлении креационизм противопоставляется современному эволюционизму как теории самопроизвольного появления и развития различных видов материи³.

Философ и теолог Дж. П. Морлэнд, характеризуя понятие креационизма, анализирует представления о сциентизме. Сциентизм – это точка зрения, утверждающая, что наука есть не что иное, как парадигма истины и рациональности. Различают две его формы: сильный и слабый сциентизм. Первый придерживается убеждения, что нет истин кроме научных, а если и есть, то нет основания считать их истинными. Иными словами, утверждение может считаться истинным и достойным доверия, если оно успешно сформулировано, экспериментально проверено и используется в соответствии с определенной научной методологией. Сторонники слабого сциентизма придерживаются мнения, что убеждение, подтвержденное теологическими и философскими аргументами, становится еще убедительней, если его поддерживают аргументы научные. Это утверждение относительно непротиворечиво, поскольку, коль скоро мнение уже хорошо аргу-

¹ Дарвин Ч. Происхождение видов. – М.: Просвещение, 1987. – С. 362.

² Бетяев С.К. Размышление о креационизме // Вестник МГУ. – 2003. – № 4. – С. 26.

³ Лаломов А.В. с соавт. Сотворение // Альманах общества креационной науки, 2002. – С. 4.

ментировано, а впоследствии аргументов в его пользу становится еще больше, то его рациональность возрастает¹. Таким образом, с мировоззренческих позиций к лагерю сильного сциентизма можно причислить материалистов-атеистов, а к лагерю слабого сциентизма – сторонников научного креационизма. И хотя фундаментальный креационизм также причисляет себя к научному, он придерживается точки зрения, что теологические убеждения являются рациональными и без поддержки науки. По этому поводу Василий Великий в «Беседах на Шестоднев» писал: «...изумление перед великими предметами не уменьшается, когда открыт способ, каким произошло что-нибудь необычайное. А если и не открыт, то простота веры да будет крепче доказательств от ума»².

По нашему мнению, научный креационизм – это учение, считающее трансцендентного миру Бога первопричиной и распорядителем всего сущего, но утверждающее возможность познания его законов человеком (образом Божьим) в рамках отведенных ему возможностей.

В целях характеристики креационных представлений о появлении и развитии жизни на Земле уместно провести анализ первой главы Книги Бытия, где совершенно четко обозначено представление о сотворении животных Богом и производстве их в дальнейшем водой по роду их. «И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее» (Быт. 1, ст. 21). В Пятикнижье Моисеевом переведенное в русском языке слово «сотворил» выражено словом «бара», означающим «сделать из ничего», в отличие от другого слова «асса – созидать, образовывать, делать из наличного материала». Слово «бара» всего три раза употребляется при творении мира: 1. В начале – первый творческий акт (Быт. 1, ст. 1); 2. При сотворении «души живой» – первых животных (Быт. 1, ст. 21) и 3. При сотворении человека (Быт. 1, ст. 27). В каждом из этих творческих актов присутствовал качественно новый аспект: сначала нематериальный и физический миры – «небо и земля», затем «душа живая» животных, затем человеческий разум с его духом и свободной волей. В отношении растений (Быт. 1, ст. 11, 12); производила их по слову Божьему

¹ Морлэнд Дж. П. Гипотеза творения. – Симферополь: Крым-Фарм-Трейдинг, 2000. – С. 9.

² Василий Великий, свт. Беседы на шестоднев // Творения. – Ч. 1 / Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1990. – С. 35.

земля и Моисеем было использовано уже слово «асса», а не «бара»¹. Так же силами земли по Божьему повелению «асса» производила «земля душу живую по роду ее, скотов и гадов и зверей земных по роду их. И стало так» (Быт. 1, ст. 24, 25). Слова «бара» и «асса» употреблялись и в других древних языках, но такой анализ не является целью нашей работы.

Следовательно, стоя на позициях современной науки и обращаясь к употребленному около четырех тысяч лет назад в Библии слову «бара», можно согласиться с преформистами в том, что жизнь была создана с определенным набором генов, которые перекомбинируются: «плодятся и размножаются и наполняют воды в морях... да размножаются на земле» (Быт. 1, ст. 22). Основываясь на Библии, креационисты считают, что Бог сотворил различные роды организмов, воспроизводящихся «по роду их» (Быт. 1, ст. 11–12; 21, 24–25). При сотворении каждый из этих родов получил практически безграничное количество генетической информации. Креационисты обосновывают изменения «в пределах рода», что принципиально отличается от изменений организмов с приобретением новой информации, необходимой для эволюции «от молекулы к человеку»². По подсчетам генетика Франциско Айала, только один человек может произвести 10^{2017} половых клеток, различных по генетическому составу. Это же касается и других живых существ. Напомним, что во всей Вселенной содержится «всего лишь» около 10^{80} атомов. Сопоставление этих показателей свидетельствует о том, что изменения в популяциях могут происходить вследствие рекомбинаций уже существующих генов без учета мутаций³. По мнению К. Моррисона (одного из председателей Нью-йоркской академии наук), «гены всех людей земного шара могут уместиться в неполный наперсток. Следовательно, несколько миллионов атомов, включенных в микроскопический ген, направляют жизнь на Земле. И это доказывает, что обо всем живом проявлена забота Творческого Разума. Вот где начинается эволюция!»⁴. Складывается такая картина. Сначала Моисей употребляет при возникновении животных слово «бара» – «сделаны из ничего», а потом эта «ба-

¹ Слободский Серафим Закон Божий. – 4-е изд. – М.: Московская патриархия, 1987. – С. 107.

² Сарфати Дж. Несостоятельность теории эволюции. – Симферополь, 2001. – С. 18–28.

³ Ayala F.J. The Mechanisms of Evolution. Scientific American 239(3), September, 1987. – P. 55.

⁴ Слободский Серафим. Закон Божий. – 4-е изд. – М.: Московская патриархия, 1987. – С. 121.

ра» [субстанция], не выходя по массе за пределы наперстка, продолжает, перекомбинируясь, «плодиться и размножаться»¹.

К сожалению, значительное число современных ученых и «светское образование», частично признав последнее положение, заявляет, что акта творения не было, как не было и трансцендентного начала Вселенной. Это, по определению Морлэнда, и есть проявление сильного сциентизма и, если оно верно, то выходит, что теология и философия вовсе не предполагают познавательной деятельности и такого понятия, как теологические знания, просто нет. Между тем существуют области знаний, находящиеся вне экспериментальной науки, и теология является одной из таких областей². По сути дела, поскольку теология, философия и наука являются областями, предполагающими и знание, и рационально обоснованную веру, то целостное, интегрированное мировоззрение сможет отдать должное всем трем.

Эволюционисты широко используют понятие «эволюционного древа». Суть его состоит в том, что все современные виды произошли от общего предка (или немногих предков), которые в свою очередь эволюционировали из неживого химического вещества. На нем схематично показаны предполагаемые родственные связи между различными группами растений и животных³. Примером такого «древа» может служить «древо фил и мутовок» Тейяра де Шардена: «Вверху – молодые группы, богатые легкими мутовками. Глубже – пласты с более четко выраженными, но менее густыми разветвлениями. В самом низу – погружение в мир химических неустойчивых форм»⁴. К чести этого ученого необходимо отметить, что, в отличие, к примеру, от Геккеля, безапелляционно выставившего свое «древо» в качестве четкой структуры, в основе которой лежит «монера», у Тейяра оно состоит почти все из пунктирных линий, а корни, по его словам, невозможно определить вообще. Добавим от себя, что при рассмотрении таких «дерев» в любой биологической монографии или же в университетском учебнике на них честно нарисованы пунктирные разрывы, подразумевающие, по предположению их авторов, неполноту

¹ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. К моральному здоровью через истины Библии о творении и видоизменениях живых существ // Человек и христианское мировоззрение / Альманах. – Вып. 9, 2004. – С. 217. Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Концепции о происхождении жизни в свете естественнонаучной апологетики как урок XX и надежда XXI века // Человек и христианское мировоззрение. Альманах. – Вып. 9, 2004. – С. 224.

² Moreland, J.P. Christianity and the Nature of Science. Grand Rapids, Mich., 1989 (II). – P. 286.

³ Бейли Дж., Седдон Т. Доисторический мир. – М.: Росмэн, 1995. – С. 44.

⁴ Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Айрис Пресс, 2002. – С. 138.

палеонтологической летописи. В противовес эволюционному «древу» креационисты выдвигают понятие креационный «сад»¹. Если мы в местах, где заканчиваются обрывы «древ», проведем горизонтальную черту и назовем ее Актом Творения (вначале «бара», а затем «аса», см. выше), то перед нами возникнет «эволюционно-креационный сад» – рисунок из современных биологических монографий и учебных пособий². Возникнет именно то разнообразие (микроэволюция), которое изымается из гигантского генетического материала изначально сотворенных родов (Быт. 1. ст. 11–12, 21–22, 24–25). Гипотеза эволюционно-креационного сада может интересным образом дополниться сотнесением с полемикой монистов и плюралистов. В «эволюционном древе» господствует диалектический материализм как крайняя форма монизма, поскольку, согласно данному направлению в биологии, все живое берет начало от одной основы: монара Геккеля, коацерваты Опарина и др. В метафизике эволюционно-креационного сада согласуются идеалистический монизм – все живое происходит от единого Высшего Начала, и плюрализм – каждый вид имеет отдельное происхождение³.

Напомним еще раз, что на языке первоисточника «Бытия» сотворение из ничего обозначается словом «бара», а «род» по-древнееврейски звучит как «мин». Отсюда все разнообразие видов, которое существовало и существует сейчас на Земле креационисты называют «барамин». Этот термин впервые был введен в 1941 г. Фрэнком Маршем, который предположил, что виды, которые могут скрещиваться и производить плодовитое потомство, при сотворении были одним видом (библейским «родом»)⁴. Но творческий акт «бара» – «сделать из ничего», помимо «неба и земли» (Быт. 1, ст. 1), употребляется только в отношении земных животных (Быт. 1, гл. 21) и еще раз – в отношении человека (Быт. 1, ст. 27.)⁵.

¹ Сарфати Дж. Несостоятельность теории эволюции. – Симферополь, 2001. – С. 29–34.

² Общая биология / Под ред. акад. Д.К. Беляева. – М.: Просвещение, 2001. – С. 290–291.

³ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Методологический подход к видовому разнообразию в свете двух научно-исследовательских парадигм // Человек и христианское мировоззрение. Альманах. – Вып. 11. – Симферополь, 2006. – С. 275–278; Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Синтез моделей «Эволюционного древа» и «Креационного сада» // Эколого-экономическая эффективность природопользования на современном этапе развития Западно-Сибирского региона: Мат. междунар. науч.-практ. конф. – Омск: ОмГПУ, 2006. – С. 264–267.

⁴ Marsh, F. L. *Fundamental Biology* (Lincoln, NE: Published by the author, 1941). – P. 42.

⁵ Слободский Серафим. Закон Божий. – 4-е изд. – М.: Московская патриархия, 1987. – С. 107.

При создании других живых существ употребляется слово «асса» (созидать, образовывать, делать из наличного материала). В связи с этим уточнением мы предлагаем для научного обсуждения еще один дополнительный термин, характеризующий разнообразие живых существ на Земле, отклонившихся по своему внешнему строению от первоначально созданных форм «по роду их». Термин этот «ассамин». От еврейских «асса» – создавать, образовывать, рекомбинировать гены и «мин» – род. Полагаем, что термин «ассамин», встречающийся в первой главе Библии, может быть адекватен для употребления в современном эволюционном учении в качестве синонима макроэволюции, а термин «барамин» – в качестве синонима макроэволюции¹.

С точки зрения креационизма, сальтационизм и телеогенез объясняются творческой и программирующей ролью Высшего Разума, то есть Бога. Поскольку никакая случайная рекомбинация генов не могла произвести такое огромное количество видов живых существ, каждое из которых так хорошо приспособлено к своей среде обитания. В связи с этим необходимо упомянуть еще об одном течении, находящемся на стыке эволюционного и креационного мировоззрения, – теистическом эволюционизме. Его основоположником считается Аза Грей, занявший более определенную позицию, нежели Дарвин, во взгляде на свидетельство разумного замысла. Его теория предполагала процесс «шаг за шагом», то есть божественное вмешательство в нормальный ход случайных изменений, целенаправленно ориентируя их на превращение одного вида в другой². Джон Дьюи, основатель Американского либерального образовательного движения, назвал его «творческий замысел в рассрочку»³. Однако с позиций этого учения трудно объяснить сочетание случайных изменений с Божественным замыслом, поскольку одно исключает другое.

Выше мы анализировали разногласия современных ученых-эволюционистов. В связи с этим необходимо отметить, что в лагере креационистов также нет полного согласия. В частности, они расходятся во мнении относительно библейской экзегетики слова $\Upsilon\hat{\omicron}M$

¹ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Философия теорий эволюции. – СПб., 2003. – С. 19; Сидоров Г.Н., Шустова О.Б., Разумов В.И. Наука и философия о развитии жизни на Земле // Философия науки Сиб. отделение РАН. Институт философии и права, 2003. – № 4. – С. 36–63.

² Dupree, Hunter A. Asa Gray. Cambridge: Harvard University Press., 1959. – P. 359.

³ Dewey, J, The influence of Darwin on philosophy and other essays in Contemporary thought. New York: H. Holt. Reprint Gloucester, Mass: Peter Smith. 1951. – P. 12.

(йом) – день. Этот вопрос хорошо отражен в специальной литературе¹, и его анализ не входит в нашу задачу. Кроме того, некоторые православные богословы говорят о том, что «современная наука не может достичь вообще каких-либо знаний в этом вопросе»². Однако данные разногласия приводят к несостыковке представлений о научной картине мира. Если у представителей научного креационизма (сторонников слабого сциентизма) нет принципиальных расхождений с данными официальной науки либо таковые весьма незначительны, то у фундаментальных креационистов научные трактовки идут вразрез с общепринятыми в настоящее время научными положениями. Опираясь в первую очередь на Книгу Бытия Ветхого Завета, они иначе рассматривают проблему существования смерти и хищничества среди животных до грехопадения первых людей, а единственным объяснением всех данных палеонтологии считают факт Всемирного потопа³. При этом они, как и сторонники слабого сциентизма, считают, что логика их рассуждений подтверждена научными данными. В данном случае мы имеем дело с философским направлением структурной антропологии (основоположник – К. Леви-Строс), согласно которой физическая реальность отлична от наших восприятий и гипотез о ней, так как наши органы чувств воспринимают реальность в искаженном виде⁴.

Поскольку сторонники «классической» теории эволюции продолжают твердо стоять на своих позициях и никакой научной логики, не вписывающейся в их представления, не признают, то многие философские предпосылки по данному вопросу требуют доработки с учетом современной информационной ситуации. С нашей точки зрения, другими они быть и не могут. Один из ведущих православных богословов XX в. о. Серафим Роуз пишет о своем отношении к теории эволюции: «Если бы это был действительно научный факт, что одна тварь может преобразовываться в другую, я бы без труда поверил в это, так как Бог может делать все, что угодно, и мы сейчас можем наблюдать преобразования и развитие в природе (эмбрион ста-

¹ Слободский С. Закон Божий, 1987; Алферов Т., Православное мировоззрение... – М., 2004; Жизнь... New York, Watchtower Bible, 1992; Ольховский В.С. // Сотворение. 2002. – С. 8.

² Роуз С. Православный взгляд на эволюцию – М.: Оптиная Пустынь, 1997. – С. 19–27.

³ Головин С.Л. Всемирный потоп: миф, легенда или реальность? Популярно введение в библейский катастрофизм. – Симферополь: Христианский научно-апологетический центр, 2003. – 80 с.

⁴ Леви-Строс. Структурная антропология. – М.: Прогресс, 2001. – 422 с.

новится человеком, желудь – дубом, гусеница – бабочкой) столь поразительные, что легко можно поверить в „эволюцию” одного вида в другой. Но нет убедительных научных доказательств, чтобы такое когда-либо происходило, чтобы это был универсальный закон Вселенной и чтобы все ныне живущее произошло, в конечном счете, от какого-то примитивного организма»¹. Как бы отвечая на это, эволюционист С.Дж. Гоулд заявляет: «Да, мы постоянно бьемся над тем, чтобы понять, как эволюция происходит, но это вовсе не ставит под сомнение то, что она произошла, то есть сам „факт эволюции”»².

Таким образом, независимо от своих мировоззренческих взглядов ученый должен, прежде всего, анализировать имеющийся в наличии фактический материал (данные морфологии, эмбриологии, палеонтологии), а уже после искать подтверждения или опровержения в других источниках, как это принято, к примеру, при анализе историко-археологических данных. В любом случае данные научных исследований не должны быть идеологически ангажированными.

По словам С.Х. Карпенкова, «интерес к идее естественного отбора был обусловлен вовсе не тем, что Дарвин и Уоллес постулировали превращение одних видов в другие, то есть сам факт эволюции... Он определялся в основном тем, что был предложен механизм „конструирования” живых существ без участия Творца. Такой механизм вполне устраивал противников утверждения: если что-то сотворено, то должен быть и Творец»³. Теория эволюции никогда бы не получила столь широкого распространения, если бы ее сторонниками не ставилась задача опровержения с ее помощью божественного создания мира и жизни.

Таким образом, есть все основания говорить об идеологической ангажированности эволюционной теории со стороны философского материализма и атеистического мировоззрения, поскольку убедительных, во всяком случае, общеизвестных доказательств того, что сегодня называется эволюцией, нет. «Наука, всегда упрекавшая богословие в том, что оно уповает на мифы и чудеса, теперь сама вынуждена творить собственную мифологию, а именно: после бесплодных попыток доказать, что нечто может произойти в наши дни, она пытается убедить нас, что это наверняка произошло в далекой древно-

¹ Роуз С. Православный взгляд на эволюцию. – М.: Оптиная Пустынь, 1997. – С. 17.

² Gould, S.J, The Verdict on Creationism // New York Times Magazine, 1987, July 19. – P. 34.

³ Карпенков С.Х. Концепции современного естествознания. – М.: Высшая школа, 2001. – С. 29.

сти»¹. Аналогично тому, как еще в XIX в. и ранее креационизм был также идеологически обусловлен, следует обратить внимание на механизмы интеллектуальной и мировоззренческой инерции, замедляющей развитие научно объективных исследований. В настоящее время креационизм имеет основания восприниматься как вполне серьезная исследовательская программа. Решение задач, стоящих перед научным креационизмом, способно расширить понимание развития мироздания в целом с учетом согласования духовного и материального, Творца и сотворенного. Poleмика между представителями эволюционизма и креационизма составляет серьезный предмет для современных философских исследований.

2.6. Креационно-сальтационный преформизм – версия для объяснения вопроса развития жизни на Земле

Не отрицая неизбежности и в известных границах целесообразности и идеологической обусловленности любого серьезного научного движения, отметим, что в случае с темой происхождения жизни на Земле такие интересы оказывали и продолжают оказывать деформирующее воздействие на развитие современных наук о жизни, куда можно отнести не только биологию и экологию, но и искусственный интеллект, биокибернетику. Кроме того, в самом эволюционном учении активно пропагандируется его материалистическая ветвь. Значительно меньше интереса проявляется к идеям П. Тейяра де Шардена, а теософская доктрина эволюции² вообще оказывается «недостойной» научного обсуждения.

Эволюционная гипотеза претерпевает в настоящее время значительные изменения. Во-первых, это проявляется в стремлении к интеграции различных подходов с формированием «синтетической теории эволюции», во-вторых, серьезно обсуждается вопрос о замене единицы эволюции – вида, другой единицей – популяцией³. В современных условиях перспективными представляются те подходы, которые предусматривают критический обзор и включение в соответст-

¹ Easley L., *The Immense Journey* (New York: Time, 1962). – P. 144.

² Гендель М. Космогоническая концепция Розенкрейцеров / Пер. с англ. изд. 1911. – Кн. 1.

³ Туровский М.В., Туровская С.В. Концепция Вернадского и перспективы эволюционной теории // *Вопросы философии*. – 1993. – № 6. – С. 88–104.

вующие исследовательские программы широкого спектра идей о развитии жизни. В гносеологии мы придерживаемся взглядов великого русский ученого, основоположника эмбриологии К.М. Бэра. Характеризуя процесс как биологического, так и любого другого естественно-научного познания, он утверждал, что оно является не чем иным, как долгой и трудной расшифровкой человеком акта Божественного творения: «Всякое бытие есть не что иное, как продолжение создания, и все естественные науки – только длинное пояснение единой фразы „Да будет!”»¹. К. Бэр подвергал критике представленную Ч. Дарвином картину процесса эволюции как нарушающую принцип научной методологии. Он считал, что виды не могут выйти за пределы типа в своих изменениях, что в рамках каждого типа есть виды творения и другие, возникшие в результате эволюции².

Впервые термин «эволюция» был употреблен М. Хейлом в 1677 г., под которым подразумевалось индивидуальное и историческое развитие организмов; затем в 1762 г. его использовал Ш. Боннэ. Как уже упоминалось, до середины XIX в. под этим термином понималось развертывание предсуществующих свойств. В период развития биологической науки после Дарвина эволюция рассматривалась как процесс исторического развития органического мира, отражающий постепенное развитие от низших форм к высшим на основе наследственной изменчивости под действием естественного отбора и проявляющийся в единстве и многообразии всех живых существ на Земле. Фундаментальный креационизм не признает эволюции вообще как таковой, поскольку считает все виды изначально сотворенными в третий, пятый и шестой «дни» творения, а возраст Земли не превышает 6–10 тыс. лет. Однако ряд православных богословов и философов считают, что «признание Бога Творца не исключает эволюционного развития мира при условии, что Бог является его движущей силой»³.

По нашему мнению, с позиций научного креационизма, явление эволюции можно охарактеризовать следующей дефиницией: «эволюция – это процесс исторического развития органического мира, отражающий как творческие – „бара”, так и образовательные – „асса” ак-

¹ Найдыш В.М. Концепции современного естествознания. – М.: Гардарики, 2001. – С. 213.

² Baer K. Uber Darwins Lehre Reden... SPb, 1876. II T. S. 235–480.

³ Осипов А.Н. Путь разума в поисках истины. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003. – С. 378.

ты, производившиеся Творцом и проявляющиеся в единстве и многообразии всех живых существ на Земле»¹.

На основе данного определения кратко изложим некоторые взгляды по вопросу происхождения видов живых существ. Бог создал мир постепенно, в периоды, именуемые в Священном Писании «днями». Эти периоды могли исчисляться в нашем теперешнем понимании миллионами и миллиардами лет, а могли быть и более короткими временными отрезками. Тем более что современная наука как раз и насчитывает 5–6 великих массовых вымираний и появлений новых организмов². Вспомним здесь «эволюционное древо» с вырезанными из него пунктирными линиями и превращенное творческими актами «бара» и «асса» в креационный сад.

Согласно данным археологических раскопок, в доисторический период наша планета претерпела ряд катастроф, после которых на Земле появились новые виды живых существ – резкая смена одних представителей фауны другими. Этот факт уместно объяснить производящей силой Творца. Точных сведений здесь быть не может, однако можно предположить, что в генетический аппарат отдельных особей раннего периода (пример – сотворение лошади) вкладывалась или была заложена изначально новая информация. Этим можно объяснить некоторое сходство эмбрионального развития высших форм с предковыми стадиями. Сам процесс можно, согласно терминологии Гольдшмидта, назвать запланированными мутациями, в результате которых и образовались новые виды. Есть основания считать, что некоторые известные современной науке процессы в соответствии с расшифровкой фразы «Да будет!» могут рассматриваться как творческие акты. К ним, по нашему мнению, как раз и могут относиться крупные «системные» мутации, сразу приводящие к значительным изменениям фенотипа; «взрывы мутаций» в результате геологических катастроф; «горизонтальный (латеральный) перенос» генетической информации между разными филетическими линиями; перестройка ранних стадий онтогенеза и др.

Мы согласны, что важным аргументом против системных мутаций в макроэволюции служат редкость, низкая жизнеспособность та-

¹ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б., Разумов В.И. Наука и философия о развитии жизни на Земле // Философия науки. – Новосибирск: СО РАН. Ин-т философии и права. – 2003. – № 4. – С. 56.

² Буко А. Эволюция и типы вымирания. – М.: Мир, 1979. – 318 с.; Пучковский С.В. Эволюция и экология 2: Проблема биологического разнообразия. – Ижевск, 1998. – 110 с.

ких мутантов и сложность гармоничной адаптации нового организма к окружающей среде. Латеральный перенос генов и мутационные эффекты на ранних стадиях онтогенеза также отвергаются редуционными и системными эволюционистами по причине низкой жизнеспособности организмов. Помимо сальтационных взглядов, современные дарвинисты не признают и «неокатастрофизм» с его последующей «взрывной» эволюцией. Здесь они совершенно резонно вспоминают о том, что на рубеже мезозойской и кайнозойской эр (65 млн лет назад) глобальной катастрофы, уничтожившей динозавров, словно бы «не заметили» такие группы, как черепахи, ящерицы, крокодилы, змеи, птицы и млекопитающие. В результате всех этих критических замечаний Н.Н. Иорданский считает сальтационизм лишенным серьезных оснований¹.

Мы согласны с тем, что эти аргументы, разумеется, значимы с точки зрения материалистически ориентированного естествознания. Однако напомним, что эволюция может быть определена, как это сделано нами выше, как творческие (бара) и образовательные (асса) акты Творца. Поскольку различные группы живых организмов существуют, а промежуточных форм между ископаемыми останками их «предков» и ими самими в природе нет и обнаружение их с каждым годом усиливает сомнение, то как вариант расшифровки фразы «Да будет!» могут подойти и системные мутации, и взрывы мутаций, и латеральный перенос генетической информации, и раннее преобразование онтогенеза. Только во всех этих объяснениях макроэволюции, с позиций креационизма, обязательно присутствует творчество Создателя, делающего эти явления жизнеспособными, снимающего вечные вопросы о переходных формах и объясняющего истинное единство и многообразие всего живого на Земле.

Ученый-палеонтолог А. д'Орбини, ученик Ж. Кювье, писал: «Ничто не может открыть нам тайну, которая связана с последовательными творческими актами эпох органического мира – от первой до последней. Как образовалось это множество существ, которые впервые появляются на поверхности земного шара? Что это за творческая сила, имевшая столь необыкновенное могущество? Здесь мы должны признаться, что лишены всякой возможности ответить на какой-либо из этих великих вопросов. Существуют границы, которые не может преодолеть человеческий разум – обстоятельство, при кото-

¹ Иорданский Н.Н. Эволюция жизни. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – С. 349.

ром человек должен ограничиться признанием фактов, не будучи в состоянии объяснить их»¹. В преодолении таких ограничений как раз и может оказаться полезным диалог исследовательских программ эволюционизма и креационизма.

Частично соглашаясь с точкой зрения д'Орбиньи, мы солидаризируемся с мнением некоторых философов-христиан: «Если приведенное выше объяснение этапов творения достаточно верно, то, нам кажется, что модель поэтапного сотворения хорошо соответствует всем данным, которыми располагает наука»².

Очень серьезным возражением против «видообразующей» роли естественного отбора мы считаем его микрокопию – отбор искусственный. Еще недавно эволюционисты любили приводить этот отбор как иллюстрацию эволюционных процессов, а в некоторых школьных учебниках данная тенденция не изжита и до сих пор. На протяжении 10–15 тыс. лет искусственный отбор производил с домашней собакой (*Canis familiaris* L.) такие эксперименты, которые равнозначны миллионам лет эволюции. Люди вывели около 450 пород этого животного. Однако по своему видовому статусу все породы собак как были, так и остаются волком – в принципе могут свободно с ним скрещиваться и давать плодовитое потомство. Следовательно, все морфологическое разнообразие этого животного было преформировано в его организме, а все породы собак укладываются в эволюционный акт ассамин. Только в качестве исполнителя этого акта здесь выступает образ Бога – человек в рамках отведенных ему творческих способностей. Известен также факт выведения из крупного рогатого скота формы, близкой к его предковой форме – туру³. Это свидетельствует о преформировании в организме как диких, так и домашних коров широкого многообразия их форм⁴. К началу XXI в. выделились три системы взглядов, объясняющие макроэволюцию (происхождение таксонов выше вида – родов, семейств, отрядов, классов, типов и др.): редуccionистская концепция, системная концепция макроэволюции

¹ Дарвинизм. Хрестоматия. – Т. 1. – М.: Изд-во Московского университета, 1951. – С. 157.

² Гайслер Н., Боккино П. Непокколебимые основания. – Симферополь: Христианский научно-апологетический центр, 2003. – С. 175.

³ Млекопитающие Советского Союза / Под ред. В. Гептнера, Н.П. Наумова. – М.: Высшая школа, 1961. – Т. 1. – С. 381–382; Жизнь животных. Млекопитающие или звери / Под ред. С.П. Наумова, А.П. Кузьякина. – М.: Просвещение, 1971. – Т. 6. – С. 548–549.

⁴ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б., Разумов В.И. Наука и философия о развитии жизни на Земле // Философия науки. – Новосибирск: СО РАН. Ин-т философии и права, 2003. – № 4. – С. 58.

и сальтационная концепция. Согласно редуccionистской концепции, нет никаких особых факторов и механизмов макроэволюции, отличающихся от микроэволюционных. Ее сторонники считают, что эволюционные изменения разных признаков могут происходить независимо друг от друга. Такой принцип положен в основу «мозаичной эволюции» де Бира на примере археоптерикса.

Системная концепция макроэволюции представлена результатом интеграции структурных элементов. При этом некоторые свойства элементов утрачиваются или преобразуются, формируя новые системные свойства. Определенная интеграция осуществляется естественным отбором, формирующим приспособления к окружающей среде. Третья концепция – сальтационная гипотеза макроэволюции – разрабатывается современными генетиками и биологами Ю.А. Филипченко (1977, 1978), В.И. Назаровым (1991), Л.И. Корочкиным (1999, 2001). Суть этой концепции заключается в том, что макроэволюционные процессы происходят сразу – посредством одного или немногих крупных преобразований в ходе смены всего нескольких поколений. Такие скачкообразные преобразования, ведущие к возникновению новых крупных таксонов, называются сальтациями, или макрогенезом¹.

В качестве варианта разрешения существующих в эволюционном представлении разрывов и затруднений мы предлагаем возвращение к теории сальтационизма в сочетании с основополагающей и преформирующей ролью Высшего Разума. Изложенную в данном параграфе версию происхождения видов мы назвали «креационно-сальтационный преформизм»².

Данная версия способствует расширению метафизических воззрений, лежащих в основе современных научных знаний о происхождении и развитии жизни, и возвращению к понятиям, разработанным биологами прошлого, на качественно новом уровне обобщения.

¹ Иорданский Н.Н. Эволюция жизни. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – С. 344.

² Сидоров Г.Н., Шустова О.Б., Разумов В.И. Наука и философия о развитии жизни на Земле // Философия науки. – Новосибирск: СО РАН. Ин-т философии и права, 2003. – № 4. – С. 59.; Шустова О.Б. Сравнительный анализ эволюционного и креационного подходов к происхождению и развитию жизни: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08: защищена 29.05.06 / Шустова Ольга Борисовна. – Новосибирск, 2006. – 172 с.

ГЛАВА 3. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ И АПОЛОГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К АНТРОПОСОЦИОГЕНЕЗУ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО СИНТЕЗА

3.1. Исторические предпосылки симиальной гипотезы происхождения человека

Проблема человека – одна из центральных проблем мировой философии. Частные проявления человека изучает ряд наук: биология, медицина, антропология, психология, социология и др. Все вместе они задают вопросы: что такое человек? Каково его место в природе? На каком этапе развития мира он возник? Если возник исторически, то каким образом? Каким было его раннее существование?

И. Кант (1724–1804) в своем труде «Антропология с прагматической точки зрения» писал, что человек – «это самый главный предмет в мире»¹. Тейяр де Шарден в книге «Феномен человека» указывал: «С чисто позитивистской точки зрения, человек – самый таинственный и сбивающий с толку исследователей объект науки. И следует признать, что в своих изображениях универсума наука действительно еще не нашла ему места»². Основоположник философской антропологии Макс Шелер констатировал: «Наша эпоха оказалась за примерно десятитысячелетнюю историю первой, когда человек стал целиком и полностью «проблематичен», когда он больше не знает, что он такое, одновременно он также знает, что не знает этого»³. То есть человек не только не знает того, что он хотел бы, но и осознает это незнание. Сократовское высказывание «Познай самого себя» – это не призыв к решению какой-то задачи, а установка на постоянное задавание этого вопроса. Человек – это вселенная во Вселенной, по словам Г. Гейне. И он же – главная тайна мироздания. Проблему происхождения человека Э. Геккель назвал «вопросом всех вопросов»⁴.

В древности по поводу происхождения человека высказывались различные взгляды. Анаксимандр (ок. 610 – после 547 г. до Р.Х.) считал, что люди первоначально зародились внутри рыб, были вскормлены подобно акулам и только после того, как оказались в состоянии

¹ Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – С. 332.

² Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Айрис Пресс, 2002. – С. 169.

³ Шелер М. Человек и история // Thesis. – 1993. – № 3. – С. 132.

⁴ Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. – М.: Мысль, 1974. – С. 65.

прийти на помощь самим себе, вышли наружу и достигли земли¹. Эмпедокл, считавший первоосновой четыре элемента: огонь, воду, землю и воздух, полагал, что «из как бы беременной земли там и сям родились отдельные члены, затем они срослись и образовалось естество целого человека, смешанное одновременно с огнем и водой»². Элеаты (Парменид, Зенон) также полагали, что люди возникли из земли и душа представляет собой смесь четырех элементов, причем ни один из них не имеет перевеса³. Согласно Демокриту, душа человека состоит из мельчайших, круглых, огнеподобных, постоянно мятущихся атомов, обладающих внутренней энергией. Эта душа является причиной движения живых существ. Ганнон из Карфагена указывал на сходство человека и обезьяны⁴. Начиная с Сократа, многие философы античности считали человека двойственным существом, состоящим из тела и души. Платон полагал, что мир создан Богом, Бог вселил ум в душу, а душу – в тело. Душа – бессмертная сущность. В ней есть три составляющих: разумная, волевая и чувственная. До рождения человека душа пребывает в царстве чистой мысли и красоты, затем она попадает на грешную землю, где, временно находясь в человеческом теле, как узник в темнице, «вспоминает о мире идей»⁵. Аристотель полагал, что душа в этом мире неотделима от тела. Это энтелехия телесной оболочки, то есть ее энергия и движущая сила. Смерть тела освобождает бессмертную душу для ее вечной жизни⁶.

Таким образом, античная философия, объясняя сущность и происхождение человека, так же, как и в вопросе происхождения животных, опирается на мифологические универсалии. Мифология Древней Греции является господствующей формой мировоззрения и результатом духовной потребности разобраться в устройстве мира. Человек выступает, с одной стороны, как часть природы, с другой – как порождение Высшего Разума, то есть Бога, обладающее бессмертной душой. Необходимо отметить, что слово Бог с заглавной буквы впервые упоминается у Сократа (применительно к языческим богам это не принято), который считается провозвестником монотеизма. На фоне синкретического подхода постепенно зарождается аналитическое мышление,

¹ Фрагменты ранних греческих философов. – М.: Наука, 1989. – Ч. 1. – С. 127.

² Там же. – С. 382.

³ Там же. – С. 299.

⁴ Рассел Б. История западной философии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. – С. 44.

⁵ Платон // Соч.: в 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – С. 355.

⁶ Аристотель // Соч.: в 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – С. 348.

«происходит процесс перехода от мифа к Логосу». Тем самым античная философия закладывает основы философского подхода к антропогенезу в Средние века и последующие за ними периоды.

В Средневековье в системе христианского мировоззрения человек продолжал восприниматься как существо, в котором неразрывно связаны два начала: душа и тело, а также человек и Бог. Например, Блаженный Августин в продолжение платонизма и неоплатонизма представлял душу как независимую от тела и именно ее отождествлял с человеком. Фома Аквинский рассматривал человека как единство души и тела, как существо, промежуточное между животными и ангелами¹. Что касается возникновения человека в его первоначальной истории, то в Средние века и в эпоху Возрождения мыслители были искренне убеждены, что об этом все уже сказано в Библии, еще раньше, чем у древних философов: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему... И сотворил Бог человека по образу Своему» (Быт. 1, ст. 26–27). Попытка поставить под сомнение одну из основных доктрин христианства рассматривалась как опаснейшая ересь. Так, в начале XVII в. был сожжен итальянский философ-пантеист Джулио Чезаре Ванини. Он отрицал бессмертие души, творение мира из ничего, божественность Иисуса и на фоне этого писал о сходстве человека и обезьяны².

Философия Нового времени ознаменовывает следующий этап развития человеческого познания. Она синтезирует в себе развивающиеся естественнонаучные отрасли: биологию, математику, физику, химию, географию, астрономию, в связи с чем появились высказывания не только идеалистической, но и материалистической направленности. Жан Батист Рене Рабине, французский философ, рассматривал природу как лестницу существ, на вершине которой находится человек. Животные, по его мнению, – лишь результат неудачных попыток природы создать человека³. Философ-материалист П.А. Гольбах в своем труде «Система природы», изданном в 1770 г., писал о человеке как продукте природы. На вопрос о происхождении человека он отвечает, что «опыт не дает нам возможности решить этот вопрос». Душу Гольбах считал неотделимой от тела: «Душа есть человек, рас-

¹ Рассел Б. История западной философии. – Новосибирск: НГУ, 1997. – С. 339.

² Ванини // Большая советская энциклопедия. – Т. 4. – С. 289; Якимов В.П. Как люди представляли свое происхождение // Наука и жизнь. – 1973. – № 5. – С. 88–91.

³ Рабине Жан // Большая советская энциклопедия. – Т. 22. – С. 148.; Якимов В.П. Как люди представляли свое происхождение. – С. 88–91.

сма­три­вае­мый по от­но­ше­нию к его спо­соб­но­сти мыс­лить и дей­ство­вать опре­де­лен­ным об­ра­зом, выте­каю­щим из его соб­ствен­ной при­ро­ды»¹. В Рос­сии в 1775 г. на­ту­ра­лист Афана­сий Ка­верз­нев ано­ним­но опу­бли­ко­вал в Гер­ма­нии кни­гу, где выд­ви­нул ги­по­те­зу о про­ис­хож­де­нии че­ло­ве­ка от обезьяны. Он ис­хо­дил из боль­шого внеш­не­го и внут­рен­не­го сход­ства всех жи­вот­ных, а обезьян в осо­бен­но­сти, с че­ло­ве­ком².

Тем не менее, бо­ль­шин­ство на­уч­ных ра­бот про­дол­жа­ло рас­сма­т­ри­вать­ся в ра­мках офи­ци­аль­ной ре­ли­ги­оз­ной па­ра­диг­мы. Ре­ли­ги­оз­ная кон­цеп­ция про­ис­хож­де­ния че­ло­ве­ка была вли­я­тель­ным эле­мен­том об­щес­твен­но­го соз­на­ния в стра­нах Ев­ро­пы вплоть до се­ре­ди­ны XIX в. Од­на­ко уже в XVIII в. на не­бо­скло­не ес­тес­т­во­зна­ния взо­шли две зве­зды пер­вой ве­ли­чи­ны – Ж. Бюффон и К. Линней.

Жорж Бюффон, из­ла­гая кон­цеп­цию транс­фор­ми­зма, в мо­ло­до­сти при­шел к вы­во­ду, что че­ло­век не яв­ля­ет­ся ис­клю­че­нием из об­ще­го пра­ви­ла: «Если бы не су­щес­т­во­ва­ли жи­вот­ные, то бы ес­тес­тво че­ло­ве­ка еще бо­лее для нас сде­ла­лось не­по­сти­жи­мым. Не дол­жно ли нам ис­сле­до­вать ес­тес­тва жи­вот­ных, срав­нить их стро­е­ние... и от­крыть се­бе путь к важ­ной на­уке, кое­я пред­ме­том и есть сам че­ло­век. Че­ло­век дол­жен при­чис­лить се­бя к ро­ду жи­вот­ных, ко­то­рым он упо­доб­ля­ет­ся во всем том, что ве­щес­твен­но­го в се­бе име­ет»³. Пра­вда, еще в от­но­си­тель­но мо­ло­дом воз­ра­сте, в 1751 г. Бюффон пуб­лич­но от­ре­кся от своих ес­тес­твен­но-ис­то­ри­че­ских взгля­дов, «от все­го, что может по­ка­заться про­ти­во­ре­чаю­щим рас­ска­зу Мо­исея»⁴. На­до от­ме­тить, что в XVII–XVIII вв. уче­ные, как пра­ви­ло, не под­вер­га­ли сом­не­нию уче­ние церк­ви. Так, на­при­мер, Р. Декарт пи­сал, что он под­чи­няет все свои взгля­ды су­ж­де­нию му­дрей­ших и ав­то­ри­те­ту Церк­ви⁵. В от­но­ше­нии этих уче­ных вполне уместно утвер­жде­ние Френ­сиса Бэ­ко­на о поз­на­нии: «Лег­кие глот­ки фи­ло­со­фии тол­кают по­рой к ате­из­му, бо­лее же глубо­кие воз­вра­ща­ют к ре­ли­гии»⁶.

Карл Линней впер­вые в своей клас­си­фи­ка­ции, как из­вест­но, при­чис­лил че­ло­ве­ка к еди­но­му с обезья­нами от­ря­ду при­ма­тов и на­звал его *Homo sapiens* – че­ло­век раз­ум­ный. Род *Homo* Лин­ней раз­де­лил на

¹ Гольбах П.А. Система природы. – М.: Соцэ­гиз, 1924. – С. 50, 53.

² Плавильщик­ов Н.Н. Гомунку­лус. – С. 103–104.

³ Дар­ви­низм. Хрес­то­ма­тия. – Т. 1. – М.: Изд-во Мос­ков­ско­го уни­вер­си­те­та, 1951. – С. 115.

⁴ Баев К.Л. Про­ис­хож­де­ние ми­ров. – М.: На­ука, 1946. – С. 35.

⁵ Декарт Р. // Соч.: в 2 т. – Т. I. – М.: Мысль, 1989. – С. 422.

⁶ Но­вый ор­га­нон / Бэ­кон // Соч.: в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1972. – С. 125.

два вида: человек разумный и человек-животное – *Homo sapiens* и *Homo troglodytes*. Последний описан Линнеем как существо в высшей степени подобное человеку, двуногое, однако ведущее ночной образ жизни, обволосенное и, главное, лишенное человеческой речи. Впрочем, ученик и продолжатель Линнея, редактировавший посмертные издания «Системы природы», выкинул этого троглодита как ошибку учителя. Однако в прижизненных изданиях труда Линнея «Человек троглодитовый» фигурирует¹. К этому же роду Линней отнес и орангутана, назвав его *Homo silvestris* – лесной человек. Именно Линнею принадлежат следующие строки: «Из всех вещей, наполняющих земноводный шар мира, нет ничего столь роду человеческому подобного, как род обезьян: их лицо, руки, ноги, рамена, голени, грудь и внутренности по большей части подобны нам; их нравы и замысловатые изобретения затеев и смехотворств, и приноравливание себя другим представляют их столь нам подобными, что почти никакого естественного различия между человеком и его подражательницею обезьяною изобрести не можно. О, сколь схожа на нас зверь гнусный обезьяна»².

Жан Батист Ламарк, в продолжение взглядов Ганнона и Ванини, впервые осторожно выдвинул абстрактную гипотезу о возможном происхождении человека от обезьяны. Ламарк в «Философии зоологии» (1809) последовательно изложил свое видение антропогенеза. Через 70 лет это видение повторено Ф. Энгельсом в его работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1876) без единой ссылки на предшественника. Ламарк предполагал, что «если бы какая-нибудь порода четвероруких... отвыкла лазать по деревьям... допустим, что задними конечностями несколько ее поколений пользовались исключительно для ходьбы, не употребляя на это передних... Несомненно, в этом случае... четверорукие обратятся в двуруких». Затем Ламарк допускал, что «задние конечности получили икры, а отказ от кусания укоротил лицевую часть. Отсюда происхождение удивительной способности речи у этой особенной расы». Рассуждения Ламарка заканчиваются следующей фразой: «Вот к каким выводам можно было бы прийти, если бы человек отличался от животных только принципами своей организации и если бы его проис-

¹ Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. – М.: Мысль, 1974. – С. 140.

² Комаров В.Л. Жизнь и труды Карла Линнея // Избр. соч. – М., 1945. – Т. I. – С. 421.

хождение не было другим»¹. Как мы видим, у Ламарка вполне хватило такта после предположительных философских рассуждений об абстрактной версии антропогенеза проявить исследовательскую осторожность и заявить о «другом происхождении человека». Таким образом, все вышеупомянутые рассуждения явились предпосылками для создания симиальной гипотезы происхождения человека. Однако реальное ее становление могло произойти лишь в рамках четко сформулированной концепции, коей и явилась работа Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора», опубликованная в 1859 г.

Большинство ученых-антропологов убеждены, что авторство «симиальной» (от лат. *simia* – обезьяна) гипотезы антропогенеза принадлежит Ч. Дарвину. Однако на этот счет существует альтернативное мнение. Так, по словам Б.Ф. Поршнева, известное выражение «человек произошел от обезьяны» принадлежит в первую очередь не Дарвину, а его последователям: Т. Гексли, К. Фохту и Э. Геккелю. Книга же Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» вышла спустя 12 лет после «Происхождения видов». В этом своем труде Дарвин приводит рассуждения по поводу развития человека из некоторой низшей формы. Он сравнивает анатомо-физиологические особенности и умственные способности человека и высших млекопитающих и находит в них много общего. Дарвин, как и для всех остальных организмов, в отношении человека также отводит ведущую роль естественному отбору: «Человек изменяется и физически и умственно, изменения происходят прямо или косвенно, от тех же самых общих причин и по тем же самым законам, как и у низших животных». На основе своей теории Дарвин приводит целый ряд гипотетических рассуждений, как, например, следующие: «По мере того, как прародители человека принимали все более и более вертикальное положение и руки их все сильнее и сильнее видоизменялись для хватания и других целей, а ступни и ноги в то же время приспособились для прочной поддержки тела и передвижения, множество других изменений в строении сделалось необходимым. Таз должен был сделаться шире, позвоночник изогнуться особенным образом, а голова принять другое положение; человек действительно прошел все эти изменения»². Однако, по свидетельству Г. Аллена, лично знавшего Дарвина, впоследствии «Дарвин зачеркнул идею о промежуточном

¹ Ламарк Ж.Б. Философия зоологии. – Т. 1. – М., 1935. – С. 272–278.

² Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. – СПб., 1899. – С. 30–34.

звене, находящемся в интервале между обезьяной и человеком»¹. И такого рода «научные доказательства» прочно утвердили симиальную гипотезу происхождения человека в умах миллионов людей на протяжении более ста лет².

Согласно распространенным представлениям, человек появился на Земле в итоге сложного и длительного процесса историко-эволюционного развития и как биологическое существо сохраняет связь с животным миром, прежде всего с отрядом приматов, в который он входит в рамках особого семейства гоминид³. Взглядов, противоречащих этому утверждению, в современной литературе очень немного, и их научный статус признается не всеми.

Анализ современных данных антропогенеза позволяет многим ученым прийти к выводу, что XX век решил проблему родства между человеком и человекообразными обезьянами в пользу симиальной гипотезы Ч. Дарвина. Действительно, с появлением и дальнейшим развитием дарвиновского эволюционного учения о происхождении видов вообще и человека в частности, все остальные гипотезы отошли как бы на задний план. И «человеку», надо отметить, здесь повезло значительно меньше, чем «прочим видам животных». Если среди теорий происхождения жизни и видового разнообразия хотя бы вскользь упоминаются креационная, сальтационная, космическая точки зрения и концепция стационарного состояния, то в вопросе происхождения человека неизменно господствует одна дарвиновская, а прочие считаются вообще не заслуживающими внимания, как не имеющие достаточной опоры в современной биологии. По мнению доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН А.А. Зубова, данная гипотеза выглядит вполне обоснованной и предполагает наличие у человека и обезьяны общего предка, от которого унаследовано 95–99% общих генов, тождество групп крови, белковый состав и многие другие признаки человека и человекообразных обезьян. Об этом также могут свидетельствовать успешные эксперименты по обучению человекообразных обезьян языку жестов и возможности усвоения ими до 600 символов и выше. Резюмируя вышесказанное, профессор

¹ Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. – М.: Мысль, 1974. – С. 78.

² Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Материалистический и апологетический подход к антропогенезу – свобода ученого перед собой и ответственность перед обществом // Человек и христианское мировоззрение: альманах. – Вып. 10. – Симферополь, 2005. – С. 232.

³ Человек // Большая советская энциклопедия. – Т. 29. – С. 52.

Зубов пишет: «Шимпанзе, горилла и орангутан – наши ближайшие родственники, это доказано бесспорно. Но для полного торжества дарвинизма требуется решение еще одной важной задачи, должно было существовать некое промежуточное звено – «обезьяночеловек»¹.

Проблема поисков следов ископаемого человека волновала умы ученых достаточно давно. Швейцарский естествоиспытатель Иоганн Якоб Шейхцер в 1700 г. обнаружил скелет, который он принял за скелет древнего человека. Шейхцер дал ему название *Homo diluvii tristicis testis* – «человек – печальный свидетель потопа»². Значительно позже, в 1731 г. автор обнародовал свою находку в печати, а спустя почти 100 лет известный французский натуралист Жорж Кювье определил ее как скелет крупной ископаемой саламандры. Кювье как непрекаемый авторитет в области сравнительной анатомии неоднократно привлекался для идентификации предполагаемых скелетов ископаемых людей. Однако, как выяснилось впоследствии, останки представляли собой фрагменты скелета различных животных: ископаемого слона, обыкновенной черепахи и т.д. На основании этого Кювье пришел к выводу, что ископаемого человека не существует³.

В конце XIX в. были обнаружены единичные останки древних гоминид, а в XX – начале XXI вв. их стали находить значительно чаще. Ниже мы рассмотрим данные современной палеоантропологии, которые, по мнению дарвинистов, укрепляют позиции симиальной гипотезы.

3.2. Современная палеонтология о становлении *Homo sapiens*

Для объективного анализа вопроса необходимо ознакомиться с основными данными современной палеонтологии о становлении *Homo sapiens*. Эти разработки стали настолько хорошо известны, что в настоящее время анализируются не только в специальной литературе, но и в учебных пособиях по концепции современного естествознания и в авторитетных научно-популярных журналах («Наука и жизнь», «Вокруг Света»).

¹ Зубов А.А. Наследники по прямой // Вокруг Света. – 2003. – № 5. – С. 108.

² Шейхцер // Большая советская энциклопедия. – Т. 29. – С. 367.; Ларичев В.Е. Сокровища джунглей. – Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1977. – С. 12.

³ Ларичев В.Е. Сокровища джунглей. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1977. – С. 15.

Всех древних гоминид принято делить на три основные группы в зависимости от степени приближения их по морфологическим признакам к современному человеку: австралопитеки, архантропы и палеоантропы.

Австралопитеки – высокоразвитые приматы, обитавшие на Земле 3,5–4 млн лет назад, перешедшие к передвижению на двух ногах и употреблению природных предметов в качестве орудий (палки, камни, обломки костей животных). Они имели средний объем мозга 520 см³. Некоторые ученые¹ рассматривали их в качестве непосредственных предков человека. Однако, по мнению других, предками человека считаются близкие к австралопитекам приматы, уже умевшие немного обрабатывать природные предметы, имевшие более развитый мозг (около 700 см³) и более совершенно ходившие на двух ногах. Предполагается, что к таким формам относится найденный в 1960-х гг. презинджантроп (древность 2 млн лет). Впоследствии его причислили к роду *Номо* (человек) и назвали *Номо habilis* – человек умелый². К настоящему времени обнаружено восемь различных видов австралопитеков.

Архантропы известны по многочисленным находкам, сделанным в самых различных уголках Старого Света (питекантроп с Явы, синантроп из Китая, гейдельбергский человек в Европе, атлантропы в Северной Африке). Ныне их причисляют к одному виду – *Номо егестус* – человек выпрямленный, в пределах которого выделяют 9 видовых форм. Полагают, что они существовали в диапазоне 2,6–0,2 млн лет назад. Имели объем мозга от 750–800 см³ до 1225 см³. Все они сохраняли ряд примитивных черт: очень покатый лоб, переходящий в низкий черепной свод, сильно выступающий надглазничный валик, выступающие вперед челюсти, отсутствие подбородочного выступа. Питались мясной и растительной пищей³.

Палеоантропы представлены неандертальцами (*Номо neanderthalensis*), по названию местности, где впервые были обнаружены. Жили 30–300 тыс. лет назад. Отличаются большим разнообразием. Объем мозга до 1600 см³. Несмотря на это, череп сохранял еще многие примитивные особенности: покатый лоб, низкий свод и затылок, массивный лицевой скелет со сплошным надглазничным валиком, почти

¹ Урысон М.И. Истоки семейства гоминид и филогенетическая дифференциация высших приматов // Тр. московского общества испытателей природы, 1972. – С. 13.

² Антропогенез // Большая советская энциклопедия. – Т. 2. – С. 99.

³ Иорданский Н.Н. Эволюция жизни. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – С. 308.

не выражен подбородочный выступ, крупные зубы. По сравнению с архантропами у палеоантропов усовершенствовалось строение кисти. Их орудия труда весьма разнообразны по форме и назначению, они строили искусственные жилища¹.

Согласно данным палеонтологических раскопок, человек, идентичный современному типу, или кроманьонец, появился на Земле 30–50 тыс. лет назад. Однако А.А. Зубов считает, что четко разграничить различия между *Homo sapiens* и *Homo erectus* не всегда удается даже палеонтологам. Особенно если учесть, что неандертальцы, имеющие некоторые анатомические отличия от кроманьонцев, тоже причислены к *Homo sapiens*. Поэтому сейчас человека разумного принято разграничивать на несколько категорий: «После *Homo erectus* идет „ранний архаичный *Homo sapiens*”, после него – „поздний архаичный *Homo sapiens*” и только потом – „анатомически современный *Homo sapiens*”. Некоторые ученые считают, что и последний вид еще не „совсем современный”, после него – 40–50 тыс. лет назад появился „этологически современный человек”, создавший первые произведения искусства, ранние формы религии, родоплеменной строй»².

Таким образом, в роде *Homo* выделяют также три вида: габилис (умелый), эректус (выпрямленный) и сапиенс (разумный). Многие антропологи не согласны с принадлежностью габилиса к роду *Homo*, указывая на морфологическую близость этого примата к прогрессивным австралопитековым. Другие ученые именно этот вид считали переходной формой от австралопитековых к *Homo erectus*³. Ряд ученых предполагают у особей данного вида значительное развитие звуковой коммуникации⁴, а некоторые факты якобы свидетельствуют даже о существовании зачатков представлений о времени и пространстве⁵. Однако когда в 1972 г. в Африке на берегу озера Рудольф были обнаружены останки гоминидов возрастом около 3 млн лет с объемом мозга 800 см³, в принадлежности их к роду *Homo* уже никто не сомневался. По мнению А.А. Зубова, «именно они явились предками питекантропов и всех более поздних форм людей, включая разумного

¹ Антропогенез // Большая советская энциклопедия. – Т. 2. – С. 99.

² Зубов А.А. Эволюция *Homo sapiens* // Человек. – 1998. – № 1. – С. 42.

³ Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества. Поведенческие аспекты эволюции человека // Рос. АН. Институт этнологии. – М.: Наука, 1993. – С. 213.

⁴ Richards G., Human behavioural evolution // *Curr. Anthropol*, 1989. Vol. 30. – № 2. – P. 244–255.

⁵ Patterson T. The mind of the gorilla // *Primates*. N.Y. 1986. – P. 935.

и современного»¹. Об этом черепе, названом *Homo rudolfensis* и известном под номером 1470, мы будем говорить ниже. Но есть сомнения: мог ли «именно он» быть предком питекантропа, если, по свидетельству некоторых антропологов, был более человекоподобен, чем неандертальцы?² Продолжая разговор об этом гоминиде, необходимо упомянуть о том, что совсем недавно, в 2000 г., в Кении на берегах реки Ломкви были обнаружены ископаемые находки Кениантропа плосколицего (*Kenyanthropus platyops*). Его возраст 3,5 млн лет, и по возрасту он должен был относиться к австралопитекам, но по строению черепа (уплощенный лицевой отдел) его к последним не относят. Этого гоминида считают якобы предком *Homo rudolfensis* (череп 1470)³.

В той же Кении помимо предыдущего существа совсем недавно был обнаружен новый вид гоминида – *Orrorin tugenensis*, что на языке жителей Кении означает «прачеловек». Вот что о нем пишут: «Прачеловек жил в то знаменательное для симиальной теории время, когда разделились эволюционные ветви гоминидов и шимпанзе, может быть, чуть позже. Французские исследователи считают, что оррорин происходит по прямой линии от самбуропитека (высокоразвитая человекообразная обезьяна, жившая 9,5 млн лет назад) и является промежуточным звеном между обезьяной и гоминидами, давшими начало эволюционной линии, ведущей к человеку»⁴. В подобных рассуждениях наблюдается четко прослеживаемая закономерность: чем древнее ископаемая находка, тем «точнее» прослеживается предок по прямой линии. Каждый очередной «претендент на переходную форму» оказывался по той или иной причине несостоятельным кандидатом и опровергался последующими находками. Далее мы коснемся этого вопроса подробнее.

Достоверно известно, что первого ископаемого человека – неандертальца нашли в 1856 г. и вначале приняли за человека с патологическими отклонениями. В 1892 г. Эжен Дюбуа обнаружил останки питекантропа, который в настоящее время причислен к *Homo erectus*. Сам термин «питекантроп» – буквально «обезьяночеловек» – был предложен Э. Геккелем, который выдвинул гипотезу о существовании в прошлом промежуточного между обезьяной и человеком⁵.

¹ Зубов А.А. Наследники по прямой // Вокруг Света. – 2003. – № 5. – С. 108.

² Медников Б.М. Происхождение человека // Наука и жизнь. – 1974. – № 11. – С. 83.

³ Зубов А.А. Наследники по прямой // Вокруг Света. – 2003. – № 5. – С. 114.

⁴ Там же. – С. 114.

⁵ Горелов А.А. Концепции современного естествознания. – М.: Владос, 2000. – С. 189.

В 1937 г. фон Кенигсвальдом был обнаружен череп, названный Питекантроп II¹, а в 1938 г. – фрагменты черепа питекантропа-ребенка, известного как Питекантроп III². Впоследствии были обнаружены останки других аналогичных представителей возраста 1,7 млн лет. Совсем недавно, в 2002 г., представитель того же вида, причисленный к *Homo erectus*, однако названный *Homo ergaster* (человек трудящийся), был обнаружен группой ученых под руководством члена Грузинской академии наук Давида Лордкипанидзе. Возраст находки также определился в 1,7 млн лет. Было найдено три черепа и три челюсти гоминидов «с маленьким мозгом, тонкими надбровными дугами и огромными клыками»³.

Антропологи почти единодушно считают, что предшественником *Homo erectus* был *Homo habilis* – человек умелый, упомянутый нами ранее как в группе австралопитеков, так и при описании рода *Homo*, живший от 2,4 до 1,6 млн лет назад. По этому поводу антрополог У. Хауэлс высказывал следующее мнение: «Быть может, *Homo erectus* в действительности и не представлял собой такой четко выраженной «стадии», как нам это сейчас кажется, – при отсутствии ископаемых остатков в период, непосредственно предшествовавший его появлению. Эволюционные изменения в нем, несомненно, происходили мало-помалу, но мы пока не можем их проследить»⁴.

Таким образом, как и при рассмотрении вопросов теории эволюции животных⁵, мы вновь сталкиваемся со спекулятивной интерпретацией фактов: переходных форм не обнаружено объективно, но, тем не менее, субъективно отмечается, что «эволюционные изменения мало-помалу происходили».

Предшественником *Homo habilis* считают австралопитека Гархи – *Australopithecus garhi*, а предшественником последнего – австралопитека афарского – *Australopithecus afarensis* (не что иное, как широко известная Люси, найденная Д. Йогансеном в 1974 г. в Эфиопии) возраста примерно 3,5 млн лет.

¹ Weiden reich, F. Pithecanthropus and Sinanthropus, Nature, 1938, 26, February. – V. 141. – P. 361.

² Koenigswald, G.H.R. von & Weidenreich, F. Discovery of an additional Pithecanthropus skull, Nature, 1938, 15, October, vol. 142. – P. 715.

³ Зубов А.А. Наследники по прямой // Вокруг Света. – 2003. – № 5. – С. 112.

⁴ Хауэлс У. 20 миллионов лет эволюции // Наука и жизнь. – 1973. – № 5. – С. 82.

⁵ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Философия теорий эволюции. – СПб.: ЛиСС, 2003. – 63 с.

Заканчивая разбор предполагаемой древней родословной человека, отметим, что в конечном итоге предком современного человека считается *Homo heidelbergensis*, или гейдельбергский человек, живший примерно 500 тыс. лет назад (группа архантропов). Предком последнего предположительно является *Homo antecessor*, или человек предшествующий, живший 780 тыс. лет назад. Именно этого последнего представителя рода *Homo* испанские антропологи причислили к непосредственному предку человека современного физического типа¹.

Уильям Хауэлс утверждает, что человек современного типа возник 150–200 тыс. лет тому назад в Восточной Африке. Эта гипотеза получила название «Ноев ковчег», потому что по Библии все расы и народы произошли от трех сыновей Ноя – Сима, Хама и Иафета. В соответствии с этим питекантроп, синантроп и неандерталец не предки современного человека, а различные группы гоминид, вытесненных «человеком прямоходящим» из Восточной Африки. В пользу данной гипотезы свидетельствуют генетические исследования, которые не всеми антропологами и палеонтологами признаются надежными². Согласно этим исследованиям, все современное человечество имеет единую генотипическую принадлежность, происходящую условно от генотипов одной женщины и одного мужчины. Доказавшие это американские, английские и японские генетики назвали их «митохондриальной Евой» и «Y-хромосомным Адамом». Эти названия обусловлены тем, что генетическое происхождение по женской линии может быть прослежено только по ДНК, содержащейся в митохондриях клеток, а по мужской линии – по ДНК Y-хромосомы, имеющейся только у мужчин³.

Подавляющее большинство ископаемых антропологических находок было обнаружено в период с 1967 по 1977 г., названный золотым десятилетием палеонтологии⁴. Почти каждая из этих и более поздних находок, по мнению эволюционистов, все больше проясняют картину происхождения человека, дополняя его эволюционное древо.

В 1908 г. немецкий антрополог Густав Швальбе расположил этапы развития человека в единый филогенетический ряд: питекантроп,

¹ Зубов А.А. Наследники по прямой // Вокруг Света. – 2003. – № 5. – С. 112.

² Горелов А.А. Концепции современного естествознания. – М.: Владос, 2000. – С. 191.

³ Dorit R.L., Hiroshi Akashi, Gilbert W. Absence of polymorphism at the ZFY locus on the human Y-chromosome. *Science* 268(5214): May 26, 1995. – P. 1183 – 85; Loewe L., Scherer S. Mitochondrial Eve; the plot thickens. *Trends in Ecology and Evolution*.12(11): 1997. – P. 422–423.

⁴ Деревянко А.П. Ожившие древности. – М.: Молодая гвардия, 1986. – С. 83.

неандерталец, кроманьонец¹. Впоследствии этот ряд пополнили, открытые в 1920-х и 1930-х гг., австралопитек и синантроп. К настоящему времени структура этого «древа» заметно изменилась. Появились вновь открытые формы, однако между многочисленными переходными формами повсеместно появились вопросительные знаки. Кое-какие открытия антропологии, которые ранее казались незыблемыми и окончательными, в настоящее время старательно обходятся стороной.

В частности это касается Пилтдаунского человека, или эоантропа, найденного в 1912 г. в отложениях неогенового периода в Пилтдауне близ Лондона: были обнаружены фрагменты костей свода двух черепов человека, обломок нижней челюсти и отдельные зубы. Кости черепов по строению были близки современным, а нижняя челюсть была похожа на челюсть человекообразной обезьяны. Подобное необычное сочетание признаков человека из Пилтдауна было использовано для подкрепления взглядов об очень древнем и независимом от архантропов и палеоантропов происхождении и эволюционном развитии человека современного вида. Все это было найдено в залежах гравия в Пилтдауне близ Лондона археологом-любителем Чарльзом Доусоном и впоследствии исследовано палеонтологом Вудвордом, анатомом Артуром Кейтом и специалистом по изучению мозга Элиотом Смитом².

Роль этой находки в распространении эволюционного мировоззрения среди миллионов людей трудно переоценить: на протяжении 40 лет Пилтдаунский череп служил «доказательством» симиальной теории происхождения человека. Но в 1953 г. Пилтдаунский череп был исследован вновь разработанным методом анализа на фтор, который показал, что верхняя часть черепа принадлежала современному человеку и была умело подкрашена, а нижняя челюсть – орангутангу 500-летней давности. Кроме того, на зубах эоантропа были обнаружены следы напильника для придания «доисторического» вида.

Сегодня Пилтдаунский человек признан одной из величайших мистификаций науки³. Что касается авторства Пилтдаунского черепа, то, кроме непосредственного первооткрывателя Доусона, подозрение пало даже на таких известных и уважаемых людей, как Тейяр де

¹ Швальбе // Большая советская энциклопедия. – Т. 29. – С. 313.

² Бауден М. Обезьяноподобный человек – факт или заблуждение? – Симферополь: 1996. – С. 6.

³ Бейли Дж., Седдон Т. Доисторический мир. – М.: Росмэн, 1995. – С. 148.

Шарден¹ и Артур Конан Дойл². Относительно самообмана специалистов-анатомов можно сказать лишь то, что они целиком находились во власти иллюзорного желания найти ископаемого предка. Так, профессор анатомии А. Кейт еще раньше объявил о своем намерении «написать антропологическую историю британцев»³. Им же были описаны морфологические особенности человека и человекообразных обезьян, согласно которым между ними сходства было обнаружено гораздо больше, чем различий⁴. Пилтдаунская афера ясно показывает, что систему веры целого поколения можно перевернуть усилиями горстки интеллектуалов, обманутых собственными предвзятыми представлениями⁵. Вот что пишет анатом С. Цуккерман: «Поиск знаменитого „недостающего звена“ в эволюции человека, святого Грааля неумирающей школы анатомов и биологов, позволяет и ныне процветать спекуляциям и мифам, как это происходило 50 и более лет назад»⁶.

Синантроп, относимый исследователями к архантропам, – еще один предмет научных дискуссий. Его «отцом» также принято называть Тейяра де Шардена, принимавшего непосредственное участие в палеонтологических раскопках в Китае до 1937 г. Интересен он тем, что, в отличие от эоантропа (Пилтдаунского человека), о котором не принято открыто вспоминать, описание синантропа присутствует до сих пор во всех учебниках по общей биологии. О нем пишут как о предке человека, который уже умел пользоваться огнем, изготавливал и использовал многочисленные каменные орудия и охотился на диких животных⁷. Останки синантропов представляли собой почти исключительно одни черепа с продырявленными основаниями. При фактическом отсутствии костей конечностей многие авторитетные ученые заявляли, что черепа были вскрыты с целью извлечения мозга, что вполне в традициях каннибализма. Тем более, вместе с черепами синантропов в одной куче были обнаружены кости других животных, в том числе слонов и оленей⁸. В данном случае здесь имеет место фактор краниофагии, на который указывал Б.Ф. Поршневу. Скорее всего,

¹ Gould, S.J., Piltdown revisited // *Natural History* (New York), 1979, 88(March). – P. 86.

² Winslow, J.H.A. and Meyer. The herpetrator at Piltdown // *Science*, (Washington), 1983. – P. 4.

³ Тейлор Йен. В умах людей. – Симферополь, 2001. – С. 255.

⁴ Хомутов А.Е. Антропология. – Р н/Д: Феникс, 2003. – С. 207.

⁵ Тейлор Йен. В умах людей. – Симферополь, 2001. – С. 257.

⁶ Zuckerman, S. *Myths and Methods in Anatomy* // College of Surgeon. Edinburgh, 1966. – P. 60.

⁷ *Общая биология*. – М.: Просвещение, 2001. – С. 226.

⁸ Weidenreich, F. The skull of *Sinanthropus pecinensis*: A comparative study on a primitive hominid skull. Geological Survey of China. Peking, 1943. – P. 484.

люди современного типа, скелеты и орудия которых были найдены неподалеку, употребляли в пищу мозги своего «предка» вместе с мясом других животных, но об этих останках истинных людей стали осторожно заявлять лишь 8–10 лет спустя. Сам Тейяр де Шарден писал по этому поводу: «Следует ли рассматривать эти орудия (сознаюсь, иногда удивительно хорошего качества) как следы, оставленные другим неизвестным человеком, для которого синантроп, сам не делающий орудий, был добычей? Синантроп уже обтесывал камни, он добывал огонь. Пока кто-нибудь не докажет обратное, эти две способности, как и рефлексия, должны считаться составными частями «черешка»¹. Говоря о «черешке», Тейяр де Шарден проводил аналогию между антропогенезом и деревом. Судя по приведенной выше цитате, ученому очень хотелось, чтобы синантроп непременно сам обтесывал камни и добывал огонь. Когда учитель Тейяра де Шардена, профессор из Парижа Марселен Буль увидел синантропа, то заявил, что факты указывают на то, что истинный человек занимался своего рода «промышленностью», а найденные черепа были просто черепами обезьян. Он также высказал предположение, что отсутствие остальных частей скелета, а также разбитые черепа – результат того, что мозги обезьян были съедены человеческими существами. Буль подытожил свои выводы замечанием: «Поэтому мы можем задаться вопросом: не слишком ли смело считать синантропа (ныне именуемого *Homo erectus pekinensis*) царем Чу Ку-Тьена, когда он обнаружен в отложениях вместе с другими животными, бывшими просто добычей охотника?»². В настоящее время факт обнаружения синантропа перестал быть центром внимания исследователей, поскольку накопилось значительное количество других ископаемых гоминидов, да и сами черепа синантропов полутаинственным образом пропали в годы Второй мировой войны³.

Гипотеза о естественном происхождении человека выплеснулась за рамки научных дискуссий и начала внедряться в сознание обывателей с помощью средств массовой информации. В одном из номеров газеты «New York Times» от 4 октября 1982 г. появились строки: «Часто создается впечатление, что тот, кто нашел новый череп, перерисовывает родословное древо человека, помещая свою находку в

¹ Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Айрис Пресс, 2002. – С. 202.

² Boule, M., Vallous H.V. Fossil men. / Reprint. London: Thames and Hudson, 1957. – P. 21.

³ Бейли Дж., Седдон Т. Доисторический мир. – М.: Росмэн, 1995. – С. 142.

центральную линию, ведущую к человеку, а черепа всех других – в побочные линии, ведущие в никуда». Даже сами эволюционисты-антропологи высказывали сомнения в возможности когда-либо полностью восстановить «эволюционное древо человека». Известный палеоантрополог Р. Лики заметил: «Те, кто работает в этой области, имеют так мало материала, пригодного для обоснования своих выводов, что им часто приходится пересматривать свои заключения»¹. Элдридж и Таттерсаль вообще устранили всякое эволюционное родословное древо человека. Они утверждают, что «человек напрасно старается выяснить свое происхождение. Если бы доказательства имелись, можно было бы с уверенностью ожидать, что, по мере умножения находок ископаемых остатков гоминидов, история развития человека становилась бы все более понятной. Однако если что-либо и происходит, то только обратное»². Взять хотя бы тот факт, что еще 50 лет назад в науке господствовало мнение, что «остатки и следы человека находят только в пластах земли, которые образовались в течение последнего миллиона лет, в так называемый четвертичный период. В третичный период несомненных следов человека не найдено»³. Спустя почти 50 лет встречаем следующее высказывание: «Плиоценовая эпоха стала ключевым этапом в развитии человека. В это время, с 5 до 1,5 млн лет назад появился род Homo. Начиная с гоминида под названием *Ardipithecus ramidus*, чей возраст составляет 4,5 млн лет, появилась целая эволюционная цепочка»⁴.

Та убежденность, с которой дарвинисты заявляют о своей правоте, не оставляет сомнения у большинства дилетантов, что теория «происхождения человека от обезьяны» полностью доказана. Тем, кто вышеупомянутой теории не придерживается, приписывают так называемый «синдром Лайеля», известного геолога XIX в. Под этим синдромом подразумевается «непреодолимое отвращение» к принятию вывода о родстве человека с обезьяной. Считается, что данный подход держится на эмоциях и его подлинная научная аргументация равна нулю: «Ведь для того, чтобы утвердить радикально новую теорию, нужно, прежде всего, опровергнуть доводы старой. XX век сделал такое опровержение практически невозможным»⁵.

¹ Leakey Richard. The Weekend Australian Magazine. 7–8 May 1983. – P. 3.

² Жизнь как она возникла. Brooklyn, USA: Изд-во Watchtower Bible, 1992. – С. 85–88.

³ Гремяцкий М.А. Происхождение человека. – М.: Знание, 1955. – С. 21.

⁴ Палмер Д. Атлас динозавров. Доисторический мир. – М.: Премьера, 2001. – С. 145.

⁵ Зубов А.А. Наследники по прямой // Вокруг Света. – 2003. – № 5. – С. 106.

Дело, разумеется вовсе не в «непреодолимом отвращении» к таким высокоразвитым, разнообразным и гармоничным млекопитающим, как обезьяны. Просто для всех вышеупомянутых находок, якобы свидетельствующих о переходе от обезьяны к человеку, и вообще для симиальной гипотезы можно при желании найти мировоззренческое основание – тотемизм. В этом, как и во многих других вопросах, прослеживается прямая связь с мифологией, что отмечено в работе ряда философов. Например, по мнению П. Фейерабенда, «наука гораздо ближе к мифу, чем готова допустить философия науки»¹. Истоки мифологического мышления уходят своими корнями к самому началу человеческой истории. В работе К. Леви-Строса дается анализ теории тотемизма применительно к различным этническим группам: «Почитание, запреты, объектом которых могут быть определенные животные, объясняются тем, что группа произошла от какого-то предка, что бог воплощается в животном и что в мифологические времена существовала брачная связь между предком и богом. Рикошетом приходит почитание животного»².

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что данные палеоантропологии не дают четко выраженной схемы происхождения человека современного типа. В процессе обнаружения ископаемых находок имели место как прямая фальсификация, так и некорректная интерпретация данных. «Древо жизни» человека, в свете симиальной гипотезы, постоянно подвергается пересмотру с позиций различных ученых-антропологов. Согласно генетическим данным, все современное человечество имеет единую генотипическую принадлежность, которая не переkreщивается с предполагаемыми ископаемыми «предками». Мифологический образ мышления, явно присутствовавший в античной философии, сохраняет свою значимость вплоть до настоящего времени. Эта же закономерность просматривается и при анализе философских концепций антропосоциогенеза.

3.3. Аналитическая характеристика некоторых философских концепций антропосоциогенеза

Поскольку современный человек является не только биологическим, но прежде всего социальным по своей природе, было бы невер-

¹ Фейерабэнд П. Против методологического принуждения. – М.: Прогресс, 1986. – С. 450.

² Леви-Строс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – С. 57.

но рассматривать его происхождение в отрыве от концепций антропосоциогенеза. Данные гипотезы выдвигались учеными и философами с целью объяснения социальной природы человека, а также его рассудочной деятельности.

Опирающийся на диалектический материализм, Ф. Энгельс в своей работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1883) предположил существование сложного маятникообразного движения от биологических закономерностей к социальным и обратно в процессе антропосоциогенеза. Согласно этой версии, в силу изменения природных условий, будущий человек стал чаще использовать продукты природы в своей деятельности: камни, палки. Эти предпосылки привели к развитию простейших трудовых навыков, которые, в свою очередь, явились стимулом для изменения руки. Это дало возможность расширить круг предметов воздействия на природу – орудий труда, что, по мнению Энгельса, является процессом коллективным. В процессе же коллективной деятельности у людей возникает «потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась, а органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим»¹. Это в свою очередь стимулировало развитие мозга. «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг. А параллельно с дальнейшим развитием мозга шло развитие его ближайших орудий – органов чувств»². Таким образом, трудовая деятельность, по Энгельсу, является стимулом жизни по новым общественным законам.

Основная слабость этой гипотезы в том, что невозможно установить причинно-следственную связь между появлением человека и возникновением трудовой деятельности. Чтобы «труд создал человека», он должен был существовать до человека, то есть трудиться должны были обезьяны, у которых, по мнению того же Энгельса, этого быть еще не могло, поскольку труд – привилегия человека: «Ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо хотя бы самого грубого каменного топора»³. В связи с этим постоянно дискутируется во-

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы. – М.: Полит. лит-ра, 1950. – С. 134.

² Там же. – С. 135.

³ Там же. – С. 133.

прос о человеческом статусе *Homo Habilis* и возможности создания им орудия так называемой олдувайской культуры в виде скелотой гальки. Некоторые специалисты считают, что палеообезьяне, обладавшей «плоскостным технологическим мышлением», было вполне под силу создание подобных орудий. Так, археолог П.В. Волков пишет: «Способная к работе с камнем древняя вымершая обезьяна могла знать определенный набор технических приемов. Ее действия выражались в хаотических попытках их применения»¹.

Однако остается неясным вопрос, в чем причина, заставившая трудиться предков человека. По этому вопросу философы высказывали и продолжают высказывать самые различные гипотезы.

В.М. Вильчек считает, что человек, являясь биологическим природным существом, в то же время живет по искусственной, неприродной программе и, следовательно, эволюционизм, как гипотеза природного творчества, не может ответить на вопрос, как природа могла создать неприроду. По Вильчеку, «причиной происхождения человека, общества и культуры является отчуждение, обусловившее переход от существования по видовой, заданной природой программе к существованию по чужому образу и подобию»².

Согласно гипотезе антропосоциогенеза З. Фрейда, социальность человека основана на чувстве вины и раскаяния при совместно совершенном преступлении. Это могло произойти, по мнению Фрейда, когда молодые самцы объединились, убили и съели старого вожака, реализовав свои желания: стать сильнее, уничтожить его, как препятствие. Впоследствии они оказались во власти чувства торжества и горя, а затем – в состоянии «позднего послушания», превратив убитого отца-вожака в предмет поклонения – тотем³. Критикуя данную гипотезу, философ Ю.М. Бородай утверждает, что человеческие чувства вины и раскаяния не вытекают автоматически из акта убийства вожака. По мнению Бородая, в основе антропогенеза лежат внутривидовые конфликты, которые в силу прямохождения и хищничества предгominидов стали более частыми и жестокими, что грозило гибелью в результате взаимного истребления. Единственное средство выжить в этой ситуации – сублимация – способность ограничить себя в своих

¹ Волков П.В. Потомки Адама. – М.; СПб; Новосибирск, 2003. – С. 186.

² Вильчек В.М. Прощание с Марксом. – М.: Наука, 1993. – С. 12.

³ Бородай Ю.М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. – М., 1993. – С. 146.

желаниях. В данной ситуации – это желание убить и невозможность это совершить породило запрет – табу¹.

Отечественный генетик В.П. Эфроимсон полагает, что биологическую эволюцию человека сопровождала эволюция нравственная. Его позиция заключается в том, что естественный отбор в процессе развития человека отобрал особей с «генами альтруизма». Это генный компонент, обуславливающий ту группу эмоций, которые побуждают человека совершать поступки, возможно, лично ему невыгодные, однако приносящие пользу сообществу проживающих с ним людей. Эфроимсон обращает внимание, что в ходе антропогенеза в наследственной программе современного человека заложено нечто, влекущее его к справедливости, самопожертвованию, подвигам во имя других. Как известно, уже в стаде обезьян существует забота и охрана потомства, дележ пищи². Однако, говоря о «нравственной эволюции» человека, неясно, когда исторически к нему можно применить понятие нравственности. Нам представляется достаточно произвольным делегирование нравственных свойств современного человека предполагаемым предкам людей. Кроме того, забота и охрана потомства существуют не только в стаде обезьян, но и у многих других млекопитающих (слоны, волки, гиены), почему данная концепция и оспаривается многими антропологами.

Напротив, по мнению В.Р. Дольника, – главного научного сотрудника зоологического института, в основе антропогенеза лежат агрессивность, доминирование и иерархия – начало всех начал. На примерах человекообразных обезьян он показывает, что та иерархия, которая имеет место в стаде горилл и шимпанзе, скорее всего, была и у австралопитеков, живших 3–4 млн лет назад. «В первобытном стаде предков человека не могло быть и тени равноправия. Детеныши видели в иерархах своих отцов, а те занимались их обучением. Иерархов любили самки, дети и самцы низших рангов»³.

Б.С. Шалютин в качестве основной предпосылки антропосоциогенеза выдвигает идею формирования «предкультуры», которая постепенно превращается в культуру. Таким образом, возникают новые, генетически не запрограммированные формы поведения, что ради-

¹ Бородай Ю.М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. – М., 1993. – С. 150.

² Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма // Новый мир. – 1971. – № 3. – С. 8.

³ Дольник В.Р. Этологические экскурсии по запретным садам гуманистических // Природа. – 1993. – № 2. – С. 72–85.

кально меняет систему взаимоотношений в группе приматов. В результате конфликт животной и социокультурной адаптации организма становится неизбежен. Происходят антибиологические изменения: наши предки претерпевают регресс. В качестве животного человек стал неконкурентоспособен и оказался обречен нести социокультурный крест¹.

Н.Н. Моисеев представляет историю становления вида *Homo sapiens* как некоторый фрагмент естественного процесса самоорганизации материи, при котором формирование общественных структур отражало его синергетический характер: «Можно себе представить, какая борьба развернулась за право сделаться предком современного человека. Слабые претенденты, обладавшие худшей родоплеменной организацией, и, следовательно, худшей техникой, худшими достижениями, стирались с лица земли»².

Таким образом, перед нами вырисовываются две противоположные позиции по вопросу антропосоциогенеза: с одной стороны, гипотеза В.П. Эфроимсона и Б.С. Шалютина, которую условно можно назвать культурно-альтруистической, с другой – точки зрения В.Р. Дольника и Н.Н. Моисеева, или конкурентоиерархическая. Первая гипотеза может быть объяснена с позиции теории генно-культурной коэволюции, предложенной в 1981 г. Ч. Ламсденом и Э. Уилсоном. Согласно этой теории, возникновение человеческого рода произошло в результате переплетения двух линий наследственной информации – генетической и культурной. Культура формируется когнитивными механизмами на генетическом уровне в виде некоего «культургена» – условной единицы культурной информации, которая передается следующим поколениям, и для которой Р. Докинс предложил термин «мим». Главное отличие мима от гена – это то, что репликатором для него является человеческое сознание, поэтому он может распространяться значительно быстрее и культурная эволюция потому протекает на порядок интенсивнее. Ген по своей природе корпускулярен и распространяется по принципу «все или ничего». Мимы более пластичны, могут неограниченно мутировать, обмениваться «локусами», сливаться, делиться и т.д., что дает гораздо больше возможностей для их эволюции³. Проблема данной теории связана с эмпирической

¹ Шалютин Б.С. Общество произошло от обезьяны // Человек. – 2003. – № 3. – С. 14–16.

² Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 136–137.

³ Ламсден Ч., Гушурст А. Геннокультурная коэволюция человеческого рода в становлении // Человек. – 1991. – № 3. – С. 43–56.

идентификацией единиц культурной информации – «мимов», так же как и «генов альтруизма» в гипотезе В.П. Эфроимсона. В основе конкурентно-иерархической гипотезы лежит естественный отбор наиболее сильных и конкурентоспособных особей и сообществ, так же как и в животном мире. Его действие очевидно, хотя с этих позиций сложно объяснить становление социальной природы человека и его рассудочной деятельности.

Ученые-антропологи всегда интересовались питанием древних антропоидов, поскольку это в значительной степени позволяло приоткрыть тайну их умственного развития. Анализ данных раскопок показал, что переход от чисто растительного рациона к мясной пище благотворно повлиял на развитие головного мозга. На это указывал в своей работе «Диалектика природы» Ф. Энгельс (с. 138). Об этом же пишет американский антрополог У.Р. Леонард в своей статье «Пища для мышления». Его коллеги подсчитали, что австралопитеки, жившие 2–4 млн лет назад (с объемом мозга 450 см^3), тратили на питание мозга примерно 11% общей энергии, а *Homo erectus*, живший 1 млн лет назад (с объемом мозга 900 см^3), – уже 17% энергии. По мнению У. Леонарда, «мозговая экспансия не могла произойти, если бы не мясная пища, богатая энергией, белками и другими питательными веществами»¹. По поводу австралопитеков-парантропов высказывался еще У. Хауэлс: «Парантроп довольствовался тем, что пережевывал своими большими челюстями грубую растительную пищу до тех пор, пока окончательно не вымер»².

Кроме вышеупомянутой гипотезы становления человека, существует еще одна, непосредственно связанная с питанием наших предполагаемых предков. Согласно данной концепции, древние гоминиды были падальщиками, то есть питались мясной пищей, добытой из трупов или остатков добычи хищников. Затем они якобы стали использовать орудия труда для разделки туш, что способствовало развитию социальных навыков и разделению труда. Предполагается также, что они вполне могли находить туши в одном месте, а орудия – в другом, добывание же пищи проводилось на базе общего дома³.

Большой оригинальностью и непохожестью на другие отличается версия Б.Ф. Поршнева, согласно которой животные – полезные

¹ Леонард У. Пища для мышления. – Origin, 2003. – С. 56.

² Хауэлс У. 20 миллионов лет эволюции // Наука и жизнь. – 1973. – № 5. – С. 82.

³ Блюменштайн Р. Дж., Кавалло Дж. А. Гоминиды-падальщики и эволюция человека // В мире науки. – 1992. – № 11–12. – С. 176–183.

спутники человека и что в основе человеческой рефлексии лежит логическая взаимосвязь с окружающим животным миром, поскольку для животных изначально характерна «врожденная совместимость с человеком»¹. По мнению Поршнева, троглодитов, или гоминоидов, нельзя предположительно причислять ни к хищникам, поскольку они не имели никаких органов нападения, ни к жертвам хищников, так как они не имели каких-либо особых средств к обороне. В то же время археология и антропология показывают колоссальную связь палеоантропов со всем животным миром. Это объясняется якобы древней адаптацией приматов к другим видам, в том числе хищникам. Он развивает мысль о возможном приручении и воспитании троглодитами детенышей других животных с детского возраста. Свои доводы Поршнева подтверждает примерами врожденной биологической совместимости животных и человека в настоящее время: дрессировка, приручение хищников, проживание с хищниками на одной территории (Ф. Моуэт² и др.). Став взрослыми, прирученные особи сохраняли контактность, тормозимость и редуцированность некоторых инстинктов и могли служить буфером между себе подобными и палеоантропами. «Таким образом, палеоантроп занял совсем особое место в мире животных. Этот эврибионт, даже убиквист, то есть обитатель неограниченно разнообразных биотопов, был абсолютно безопасен для всех зверей и птиц, ибо он никого не убивал. Но зато он как бы отразил в себе этот многоликий и многоголосый мир и смог в какой-то мере управлять поведением его представителей благодаря опоре на механизмы высшей нервной деятельности»³. Кроме этого Поршнева открыто высказывается за решительное укорочение человеческой истории, не превышающей, по его мнению, восьми тысяч лет: «Предполагается, что был только один скачок – акт возникновения человека и истории развития общества, скачок, связанный со стремительным появлением кроманьонцев, который знаменует становление готового человека и общества. История людей – взрыв. В ходе ее сменилось всего несколько сот поколений»⁴.

При всей оригинальности вышеизложенных концепций антропо-социогенеза остается неясным главный вопрос: как все это осуществило самосознание человека, то есть в какой момент человек перестал

¹ Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. – М.: Мысль, 1974. – С. 356.

² Моуэт Ф. Не кричи: «Волки!». – М.: Мир, 1968. – 149 с.

³ Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. – М., 1974. – С. 352–360.

⁴ Там же. – С. 370.

быть животным и стал человеком? Ведь еще К. Линней сказал о человеке *Homo sapiens nosce te ipsum* – Человек разумный познай самого себя. Среди современных ученых-философов, в противовес мнению Ф. Энгельса, идет полемика о том, что происхождение человека нужно переносить с креатора предметно-орудийной деятельности на креатор социальности: «Социально-деятельностная природа человеческой разумности несомненна, но попытки эволюционным образом увязать биологические и антропологические эпифеномены и вывести из них разум, обречена в своей основе. Разум не выводим из социальности и деятельности, хотя бы потому, что они нуждаются в нем»¹. Кроме того, необходимо отметить, что все вышеизложенные нами концепции антропосоциогенеза являются по своей философской направленности материалистически ориентированными. Поэтому для формирования целостного представления о биологическом и социальном статусе человека ниже нами будет рассмотрен ряд альтернативных философских гипотез антропогенеза.

3.4. Альтернативные теории происхождения человека

В научных кругах существует ряд концепций антропогенеза, не признаваемых официальной наукой, однако имеющих определенное число последователей.

К числу последних необходимо в первую очередь причислить концепцию П. Тейяра де Шардена, чью позицию по вопросам происхождения жизни и видов мы рассматривали в предыдущей главе. Теперь рассмотрим его гипотезу происхождения человека в рамках разработанной им философской концепции теистического эволюционизма. Тейяр де Шарден приходит к выводу, что эволюция – это, прежде всего, психическая трансформация. Инстинкты различны. «Психика насекомого не является (и не может быть) психикой позвоночного. С этой точки зрения можно было бы сказать, что всякая форма инстинкта по-своему стремится стать «разумом», но только на человеческой линии (по внешним и внутренним причинам) операция удалась до конца»². Относительно физического и духовного развития человека Тейяр де Шарден придерживается своей общей теории, ко-

¹ Деревянченко Ю.И. Онтологический статус трансцендентного: дис. ... канд. филос. наук. – Омск, 2001. – С. 110.

² Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Айрис Пресс, 2002. – С. 173.

тору он назвал теорией «фил и мутовок». Из мутовки высших приматов выделилась одна фила (монофилетизм), которая оказалась наиболее жизнеспособной и центральной в пучке. Она вела к человеку разумному через предгомнидов и неандертальцев. Он сделал вывод, что человек слишком бесшумно вошел в мир, чтобы проследить его корни, его истоки. Что касается духовного становления человека, то оно также связано с физическим усовершенствованием. Мозг смог увеличиться благодаря прямой походке, освободившейся руке; благодаря ей же глаза приблизились друг к другу за счет уменьшения лицевой части, стали смотреть в одну точку и фиксировать то, что брали руки. Тейяр де Шарден пытается раскрыть природу ступеней рефлексии, то есть сосредоточения на себе самом. В какой момент это произошло, сейчас, по его мнению, дать ответ невозможно. «Крупинка мысли образовалась так же как крупинка материи, крупинка жизни. Возникает «я», которое сохраняется, лишь становясь все более самим собой, по мере того, как оно делает собой все остальное. Но, говоря об изначальном возникновении рефлексии, «совершенно невозможно уйти от проблемы прерывности. Если переход к рефлексии есть критическая трансформация, мутация от нуля ко всему, то невозможно представить себе на этом точном уровне промежуточного индивида. Надо решиться допустить, что ее появление произошло между двумя индивидами. Не пытаясь представить невообразимое, запомним только, что возникновение мысли представляет собой порог, который должен быть перейден одним шагом»¹. В конечном итоге Тейяр де Шарден пишет о «планетизации» человечества, что ведет к стадии Сверхжизни, на которой оно соединяется с Божественной полнотой, «точкой Омега». Он отмечает, что «для верующего христианина конечный успех гоминизации положительно гарантирован «воскресительной благодатью» Бога, воплощенного в Своем творении. Ибо если в конечном счете мыслящие центры мира действительно образуют «единое с Богом», то это состояние достигается не путем отождествления (Бог становится всем), а путем дифференцирующего и приобщающего действия любви (Бог весь во всем), что совершенно ортодоксально с христианской точки зрения»².

Таким образом, мы сталкиваемся в лице Тейяра де Шардена с внутренним конфликтом между верой и разумом. С одной стороны,

¹ Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Айрис Пресс, 2002. – С. 178.

² Там же. – С. 322.

о. Тейяр глубоко верующий человек, о чем свидетельствуют ряд его трудов в области теологии. С другой – свой главный труд «Феномен человека» он призывает рассматривать как бы в отрыве от Бога, «исключительно как научную работу». В его учении четко прослеживаются элементы пантеизма и деизма, что в целом характерно для многих мыслителей XX в., в частности для А. Бергсона.

Философская позиция А. Бергсона оказала большое влияние на взгляды Тейяра де Шардена. Согласно Бергсону, жизненный порыв имеет форму пучка, из которого по отдельным линиям возникают различные виды живых существ: растения, животные, человек. Человек является «целью» эволюции. Бергсон писал: «Жизнь в целом является как бы огромной волной, которая распространяется от центра и почти по всей окружности останавливается и превращается в колебание на месте: лишь в одной точке препятствие было побеждено, импульс прошел свободно. Этой свободой и отмечена человеческая форма. Повсюду, за исключением человека, сознание оказалось загнанным в тупик: только с человеком оно продолжило свой путь. Организованный мир в целом является как бы питательной почвой, на которой должен был произрасти или человек, или существо, которое духовно походило бы на него. Животные, как бы ни были они удалены от нашего вида, даже враждебны ему, все же были полезными спутниками, на которых сознание взвалило все то громоздкое, что оно тащило, и которое позволило ему подняться – с человеком – до таких высот, откуда открылся перед ним безграничный горизонт»¹.

Таким образом, в философских взглядах А. Бергсона четко прослеживается телеологизм. Концепция «жизненного порыва» дает онтологическое обоснование свойств живого: у растений – чувствительность, у животных – инстинкт, у человека – интуиция и интеллект.

Проследив динамику развития различных концепций антропосоциогенеза, можно выявить ряд закономерностей. Немаловажное значение в становлении умственного развития человека имел переход к мясной пище. Сознание человека, возникшее естественным путем в ходе эволюции в виде пучка или жизненного порыва, прослеживается в концепциях Тейяра де Шардена и А. Бергсона. Гипотеза Б.Ф. Поршнева выдвигает на первое место логическую взаимосвязь человека с окружающим его животным миром, что лежит в основе рефлексии. Переведен акцент с трудовой гипотезы Ф. Энгельса на биосоциаль-

¹ Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – С. 258.

ную природу человека, причем в социальной природе одни ученые выделяют в качестве двигателя антропогенеза альтруизм, другие – агрессивность. Предложены когнитивные механизмы передачи культурной информации в процессе геннокультурной коэволюции из поколения в поколение, что могло способствовать социализации человека.

В гносеологии известны три источника познания – это чувственное, рациональное, интуитивное. Два первых исследовались наукой, рациональной традицией в целом, а интуитивное как самостоятельное начало познания осваивалось в различных религиозно-мистических воззрениях, в частности в концепциях философии Востока. В настоящее время это направление имеет немалое число сторонников-дилетантов и представляется в многочисленных модных «неофициальных» публикациях под интригующим названием «энергоинформационный обмен».

Теософская концепция в совокупности с некоторыми современными научными разработками является одной из подобного рода концепций, сочетающей в себе черты христианства, индуизма, буддизма, йоги и ряда других восточных учений. Основоположник теософского направления – Е.П. Блаватская явилась автором труда «Тайная доктрина», представляющего собой синтез оккультных наук, религии и философии. Подобно геккелевской религии монизма, теософия, претендуя на звание универсальной теории познания, не признается ни классической наукой (из-за отсутствия эмпирических данных), ни христианским богословием (из-за еретических позиций и высказываний). Согласно данной концепции, жизнь на нашей планете и во Вселенной представлена непрерывной эволюцией различных форм. Нет понятия «сохранять свои позиции». Поэтому есть одна линия улучшающихся форм, населенных опережающими развивающуюся жизнь, и другая линия дегенерирующих форм, отброшенных опережающими, но одушевленных отставшими. Когда отставших больше не остается, этот вид постепенно вымирает. Эти формы кристаллизовались, ликвидируя возможности улучшения, поэтому они возвращаются в минеральное царство и добавляются к различным слоям земной коры. Человек, идущий в авангарде прогресса, строил свои тела, начиная от сходства с амёбой до человеческой формы дикарей и затем через различные стадии, до самых высокоорганизованных тел на Земле. Утверждение материалистической науки, что человек прошел через различные виды растений и животных до антро-

поида и от него развился в человека, по мнению теософии, не совсем верно. Человек никогда не населял формы, идентичные современным животным или современным человекоподобным видам. Он населял формы сходные, но более высокоразвитые¹.

Сторонники теософской концепции считают, что современные человекообразные обезьяны деградировали в определенный период развития из человеческой формы. Это же касается и предполагаемых «отсутствующих звеньев» или уже обнаруженных, о которых говорилось выше. В связи с признанием существования как бы двух встречных волн – прогресса и регресса, считается, что антропоиды могут стать человеческими существами. В определенный период (теософисты называют его периодом Венеры) нынешние растения будут человечеством, а в период Вулкана наши минералы достигнут человеческой стадии². Здесь уместно снова вспомнить знаменитую фразу оксфордского епископа Вильберфорса, произнесенную в споре с Томасом Гексли³. Несколько перефразируя ее, согласно космогоническим представлениям, получается, что не только «каждая репа стремится стать человеком», но и каждый человек стремится сделаться репой, а то и камнем. Поскольку, опять же согласно данной концепции, минеральное царство – это конечная цель форм всех царств, когда они достигнут кульминационной точки в своей деградации. Подтверждением этому, по их мнению, служат отложения различных видов каменного угля, которые являлись ранее растительными формами. Е.П. Блаватская в своем труде «Тайная доктрина» писала: «Природа (в человеке) должна стать соединением Духа и Материи, прежде чем он станет тем, что он есть; и Дух, сокрытый в Материи, должен постепенно пробудиться к жизни и сознанию. Монада должна пройти через свои минеральные, растительные и животные формы, прежде чем Свет Логоса проснется в животном человеке»⁴. Что ж, как писал православный иеромонах Серафим Роуз, «каждая ересь имеет свою собственную “духовность”»⁵.

¹ Гендель М. Космогоническая концепция Розенкрейцеров. Серия «Четвертый путь». – Кн. 2: пер. с англ. изд. – М., 1911. – С. 83.

² Там же. – С. 84.

³ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Философия теорий эволюции. – СПб.: ЛиСС, 2003. – С. 45.

⁴ Блаватская Е.П. Тайная доктрина. – Т. II. – Новосибирск, 1991. – Ч. 1. – С. 56.

⁵ Роуз С. Православие и религия будущего. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1996. – С. 3.

Сторонники теософской космогонии считают, что эзотерическое учение об эволюции подтверждается эмбриологией – биогенетическим законом Э. Геккеля, о котором они говорят как о «великом и бесстрашном ученом»¹. Однако в гл. 2 мы ссылались на мнение современных авторитетных ученых, не считающих этой «закон» законом.

Таким образом, космогоническая концепция происхождения человека является совершенно особенной, отличной от материалистической и креационной. Следует, однако, заметить, что уровень аргументации этой концепции и у Е.П. Блаватской, и у материалиста Ф. Энгельса примерно одинаков: и то и другое – умозрительные конструкции.

На креационизме, как одном из философско-религиозных направлений современного естествознания, мы уже останавливались достаточно подробно. Сторонники фундаментального креационизма считают, что человек (*Homo sapiens*) был сотворен Богом в шестой день и является неизменным от момента сотворения до наших дней. Что касается сходства человека и человекообразных обезьян, то отдельные представители фундаментального креационизма как бы не замечают этого сходства либо полагают, что такового у человека с обезьянами не больше, чем с другими представителями животного мира². Другие же, напротив, полагают, что человек имеет так много сходства с человекообразными обезьянами, что это может быть объяснено лишь с позиций специального замысла Творца, в рамках которого обезьяне отведена роль нашего пародийного двойника³.

Все палеонтологические находки, о которых мы упоминали ранее, являются, по мнению креационистов, либо некорректной интерпретацией данных благодаря незначительности ископаемых останков (рамапитек, питекантроп, синантроп, гейдельбергский человек), либо вымершими обезьянами (австралопитеки), либо вполне обычными людьми (различные виды *Homo erectus*, неандерталецы), хотя и с некоторыми анатомическими особенностями. Например, встречаются такие рассуждения: «Так как никто не видел сегодня живых австралопитеков, а сухие кости не говорят, мы должны довольствоваться

¹ Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С. Физика веры. – СПб.: Изд. дом «Весь», 2003. – С. 53.

² Алферов Т. Православное мировоззрение и современное естествознание. – М., 2004. – С. 253.

³ Хоменков А.С. О смысле человекообразных обезьян. – Симферополь, 2001. – С. 291.

догадками и спорными умозаключениями, но при всем этом вряд ли можно усомниться в обезьяноподобном статусе австралопитеков»¹.

Мы в свою очередь готовы согласиться с тем, что многие палеонтологические находки слишком поспешно были включены в цепь антропогенеза в качестве «недостающих звеньев». Обломка челюсти или бедренной кости бывает явно недостаточно, чтобы в полной мере идентифицировать человекоподобного предка в отдельно взятых случаях. Однако нельзя игнорировать и факты обнаружения при раскопках вполне целых черепов и даже скелетов, о чем мы упоминали выше. С нашей точки зрения, отрицать их реальное существование в прошлом так же бессмысленно, как и утверждать, будто все экземпляры *Homo erectus* и *Homo neanderthalensis* – всего лишь обособившаяся раса обычных людей, деградировавших в тяжелых условиях после Всемирного потопа и Вавилонского столпотворения².

Представления креационистов о неандертальцах весьма противоречивы. С одной стороны, они убеждены, что данные представители рода *Homo* обладали нормальной способностью к речи, занимались искусством и имели религиозные чувства, а также в том, что неандертальцам было свойственно высокое чувство нравственного долга и высокая степень социальной организации³. С другой – представители креационного направления утверждают, что все ископаемые останки вышеупомянутых существ свидетельствуют, на их взгляд, о перенесенных заболеваниях костно-суставного характера: рахита, артрита, кариеса, а также туберкулеза и сифилиса, что якобы и послужило причиной их вымирания⁴. Отсюда – весьма нелестная характеристика неандертальцев, напоминающая бюллетень по профилактике венерических заболеваний: «В Европе существовала вырождающаяся форма *Homo sapiens* – неандерталец. Он страдал от неправильного питания и рахита, имел беспорядочные половые связи, из-за которых сифилис был распространенным явлением»⁵. Данная идея весьма удачно переключается с теософской концепцией о том, что обезьяна – это деградировавший человек. Однако науке неизвестны случаи исчезновения каких-либо видов животных с лица Земли по причине распростране-

¹ (Bill) Mehlert. A. W. Australopithecines – the extinct southern apes of Africa: a fresh light on their status? *Creation Ex Nihilo* // *Technical Journal*, 14(3): 2000. – P. 91.

² Виланд Карл. Камни и кости. – М.: Паломник, 1998. – С. 191.

³ Головин С. Эволюция мифа. – М.: Паломник, 2000. – С. 110.

⁴ Wright, D.G.M. Syphilis and Neanderthal man. (London) 229 (5 February), 1971. – P. 409.

⁵ Бауден М. Обезьяноподобный человек. – Симферополь, 1996. – С. 150.

ния заболеваемости, поскольку в популяции всегда находятся виды, резистентные к возбудителям инфекционных и инвазионных заболеваний, и эта часть обуславливает существование межэпизоотических периодов и обеспечивает выживание вида. Кроме того, существуют данные, что отличия нуклеотидных последовательностей неандертальцев от митохондриальной ДНК человека выходят за границы внутривидового разнообразия *Homo sapiens*. Это говорит о том, что неандертальцы представляют отдельный, хотя и близкородственный человеку, вид¹. Фундаментальными креационистами оспаривается также и возраст ископаемых находок, который как и возраст Земли, не превышает нескольких тысяч лет. Свидетельством этому, по их мнению, служит то, что в большинстве случаев рядом с ископаемыми останками человекообразных предков в изобилии встречаются кости современных людей.

Нами изложены основные научно-философские позиции, касающиеся вопроса происхождения человека. Как можно заключить из всего вышесказанного, ни одна из них не дает исчерпывающего ответа на этот весьма важный и основополагающий вопрос. Удастся четко проследить две крайние позиции: эволюционно-материалистическую и креационно-идеалистическую. Между ними стоит христианский эволюционизм Тейяра де Шардена, а также теософская точка зрения. Источником теософских знаний является оккультизм. Понятие эксперимента у сторонников данного направления отличается от того, о котором писали еще Ф. Бэкон и Р. Декарт, предложившие новую этику научного исследования². Они пытаются провести и объяснить ряд экспериментов, а также научных фактов со своих субъективистских позиций, предлагают визионерские подходы и аргументацию, в основном отторгаемую современной наукой.

В отношении крайних креационистов можно отметить, что, несмотря на благие намерения отстоять библейскую концепцию, субъективной интерпретации не избежали и они. Как уже было отмечено, они в значительной степени игнорируют очевидность палеонтологических находок. «Слишком велик соблазн списать все на ловких шут-

¹ Paabo S. et al. Comparison of Neanderthal mtDNA. Cell. July, 1997; Science News. 1997. – P. 37; Lubenow, M.L., 1998. Recovery of Neandertal mtDNA: an evaluation // CEN Technical Journal, 1998, 12 (1). – P. 87–89.

² Новый Органон. Бэкон Ф. // Соч.: в 2 т. – Т. II. – М.: Мысль, 1972.; Декарт Р. // Соч.: в 2 т. – Т. I. – М.: Мысль. 1989.

ников или неловких датировщиков»¹. Согласно наиболее распространенной ныне, так называемой «стадиальной» теории антропогенеза, человек развился эволюционным путем, постепенно, через ряд последовательных стадий от обезьяны до человека разумного, живущего в наши дни. При этом уже в течение целого века преобладает схема, в немногих вариантах повторяемая любым учебником на любом континенте. Схема эта, по мнению некоторых ученых-биологов, напоминает пьесу. «Пьеса вдруг оказывается захватывающим детективом, и главный ее персонаж – человек разумный, окруженный консилиумом достойных профессоров, уверенных, что пациент – внук африканского человека умелого и сынок человека прямоходячего, – заподозрен в бродяжничестве и сокрытии предков»².

Между тем далеко не все материалисты принимают стадиальную теорию безоговорочно. Б.М. Медников писал: «Все новые и новые факты убеждают, что «стадиальная» теория в основном своем принципе не права. Стадии архантропов и палеоантропов не сменяли друг друга. Они продолжительное время могли сосуществовать, и сосуществование это порой не было мирным. Одна «стадия», более прогрессивная, или поглощала, растворяла в себе предыдущую, или же попросту истребляла физически (вспомним вышеизложенную теософскую концепцию о существовании опережающих и дегенерирующих форм – прим. авторов). Одновременно жили разные человекоподобные. Нужно помнить, что в природе нет «стадий», их для удобства изучения устанавливаем мы сами»³. История палеонтологических находок свидетельствует, что стадия развития некоторых ископаемых гоминид далеко не всегда соответствует их возрасту. Так, череп *Ното рудольфенсис*, найденный Р. Лики в 1972 г. и получивший номер 1470, произвел фурор. Он имел возраст 3 млн лет и объем мозговой полости 800 см³, что превосходит данные габилиса, жившего 1 млн лет спустя, а по отсутствию надглазничного валика он более человекоподобен, чем неандертальцы. В отложениях реки Соло на Яве были одновременно найдены останки, близкие к архантропам, и рядом с ними – костяные орудия кроманьонцев (вспомним вышеописанный пример находки синантропа). То же самое Б.М. Медников говорит о

¹ Мужчинкин В.Ф. Что же все-таки написано о нас в геологической летописи // Человек. – 2000. – № 3. – С. 38.

² Там же. – С. 39.

³ Медников Б.М. Происхождение человека // Наука и жизнь. – 1974. – № 11. – С. 84.

родезийском человеке, имевшем весьма примитивный череп, но жившем одновременно с человеком современного типа¹.

Дуэйн Гиш, опираясь на исследования Луиса Лики, пишет: «Если австралопитек, *Homo habilis* и *Homo erectus* жили одновременно, как может кто-то из них быть предком остальных? И как могут эти существа быть предками человека, если прямо под ними, на более низком стратиграфическом уровне найдены человеческие артефакты – то есть по времени они старше своих предполагаемых предков?»². Помимо этого некоторые ученые считают, что «австралопитеки уникальны... Эти кости явно отличаются и от человеческих, и от обезьяньих гораздо больше, чем первые и вторые друг от друга»³.

Поскольку эволюционисты вполне отдадут себе отчет в том, что многие факты свидетельствуют не в их пользу, они пытаются истолковать происхождение человека в модифицированных вариантах. Так, Н.Н. Иорданский в своей книге «Эволюция жизни» представляет некоторые такие теории. Одна из них – теория пресапиенса, выдвинутая еще в 50-е гг. Г. Хеберером, А. Валуа и другими исследователями, согласно которой архантропы и палеоантропы не были предками неантропов. Предком неантропов был «пресапиенс», отличавшийся более «изящным» анатомическим строением. В качестве пресапиенса предлагались ископаемые останки различных гоминид, в том числе и пресловутый «Пилтдаунский человек». Однако последующий анализ возможных кандидатов не подтвердил их принадлежности к пресапиенсу⁴. Значительно более правдоподобно, по мнению Н.Н. Иорданского, выглядят теории моно- и полицентризма. Согласно первой, каждый новый вид рода *Homo*, соответствовавший новой стадии антропогенеза, формировался в пределах какой-то определенной части ареала предкового вида и затем расселялся из этого центра, постепенно вытесняя предковую форму и отчасти гибридизируясь с нею. Сторонники полицентризма объясняют перекрывание стадий различных антропоидов независимой параллельной эволюцией разных филетических линий гоминид, каждая из которых могла проходить последовательные стадии своими темпами⁵. Сам автор отмечает, что с точки зрения теории моноцентризма сложно объяснить возникнове-

¹ Медников Б.М. Происхождение человека // Наука и жизнь. – 1974. – № 11. – С. 83.

² Gish D., Evolution: Challenge of the Fossil Record (Green Forest, Ariz: Master, 1985). – P. 171.

³ Oxnard C. E. The Order of Man // Nature 258: 1984. – P. 389–395.

⁴ Иорданский Н.Н. Эволюция жизни. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – С. 314.

⁵ Там же. – С. 315.

ние различных человеческих рас, а веским аргументом против теории полицентризма является биологическое единство современного человечества.

С нашей точки зрения, ни одна из вышеперечисленных теорий не может считаться состоятельной, поскольку налицо – явное расхождение фактов.

Для того чтобы построить теорию, по-возможности максимально приближенную к истине, необходимо четко дифференцировать имеющиеся факты. А они говорят следующее:

1. В настоящее время существует единственный вид человека – *Homo sapiens*.

2. В настоящее время существует группа животных – человекообразных обезьян, имеющих много общих с человеком черт внешнего и внутреннего строения.

3. Периодически обнаруживаются ископаемые останки существ различной степени древности – от нескольких десятков тыс. лет до 3–5 млн лет, имеющие в своем строении признаки как человека, так и человекообразных обезьян; эти останки в ряде случаев обнаруживают вместе с останками человека современного типа.

Таким образом, согласно теории Э. Фромма в суждениях о собственной природе, как и в других суждениях, человек реализует идею своей свободы, которую он считает «подлинным завоеванием человеческой личности». Данная идея заключается в способности свободно выбирать и способности высвободиться из плена иррациональных страстей¹. Все вышеупомянутые концепции используют одинаковую эмпирическую базу, опираются на одни и те же факты, но при этом делают различные выводы, исходя из своих философских, методологических и мировоззренческих позиций.

3.5. Современная версия креационной гипотезы происхождения человека

Поскольку ни одна из многочисленных гипотез происхождения человека не является всеобъемлющей, имеются попытки некоего синтеза палеонтологических и генетических данных с вышеизложенными концепциями антропосоциогенеза. Поскольку данные палеонтоло-

¹ Фромм Э., Хирау Р. Предисловие к антологии «Природа человека». – М., 1990. – С. 158.

гии свидетельствуют о наличии ископаемых гоминоидов, генетически отличающихся от людей современного типа, можно предположить, что древние «пралюди» существовали как до появления на Земле *Ното сариенс*, так и после его появления, то есть параллельно с ним.

Некоторые ученые (философы и теологи) допускали существование человекоподобных существ до сотворения Адама. Уже Р. Декарт противопоставлял науке о природе нечто несводимое к ней: разумную душу. Декарт допускал, что после животных были созданы неодухотворенные люди, по своей физиологической природе подобные животным, а следующей ступенью было придание этим существам мыслящей души. Строением тела они были подобны человеку, но ими управлял рефлекторный автоматизм, весьма совершенный¹. В 1655 г. в Париже Исаак де ла Перейра напечатал сочинение о неких людях, живших до Адама – «*Primi Homines ante Adamum*»². Профессор теологии аббат Д'Анвье писал: «Преадамыды могли быть настоящими людьми, так как Библия оставляет нас свободными допустить человека ледникового, плиоценового и даже эоценового. Наука не может доказать, что они должны числиться в ряду наших предков». Пастор Анри Вальротэ предполагает, что «провидение, возможно, позволило погибнуть этим предшественникам человека прежде, чем сотворило наших прародителей»³. Подобные рассуждения согласуются с данными палеонтологических раскопок и в то же время отводят решающую роль библейской концепции, полагая, что лишь человек современного типа есть образ и подобие Божие, а его ископаемые предшественники, скорее всего, имеют иное происхождение.

В предыдущей главе мы отразили свой взгляд на развитие животного мира в рамках библейских понятий «бара» и «асса». Современный креационизм солидарен с преформизмом в том, что жизнь была создана с определенным набором генов, которые продолжают рекомбинироваться. Креационисты предполагают, что по этой программе могли быть сотворены и «доадамыды» в образе разнообразных архантропов и палеоантропов, как один из многих производных от земли – «ассаминов»⁴.

¹ Декарт Р. // Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. I. – С. 141.

² Ларичев В.Е. Сокровища джунглей. – Новосибирск, 1977. – С. 10.

³ Там же. – С. 26, 27.

⁴ Сидоров Г.Н, Шустова О.Б., Разумов В.И. и др. Наука и философия о развитии жизни на Земле // Философия науки. – Новосибирск, 2003. – С. 52–58.

Если проследить этапы творения по ископаемым останкам, станет ясно, что каждому этапу соответствовало совершенствование психического уровня создаваемых существ. Еще Тейяр де Шарден отмечал, что «в природе имеется не один инстинкт, а множество форм инстинктов, каждый из которых соответствует одному частному решению проблемы жизни. Если инстинкт – переменная величина, то инстинкты не только различны, они образуют возрастающую систему сложности, в своей совокупности они образуют своего рода веер, где верхние концы на каждом луче всякий раз узнаются по большему радиусу выбора, опирающегося на лучше определенный центр координации и сознания. И это как раз то, что мы наблюдаем. Что бы там ни говорили, психика собаки положительно выше психики крота или рыбы»¹. Таким образом, мы наблюдаем так называемый феномен цефализации. Размышляя над генетическими механизмами данного явления, американский эволюционист Сусумо Оно называет это явление «эволюционным механизмом, способным предвидеть будущее», возникшим в результате генетической избыточности, созданной дубликацией генов². Хотя именно эти же обстоятельства заставляют усомниться в том, что наш мозг – следствие дарвиновской эволюции.

Если проследить смену палеонтологических эпох: моллюски, рыбы, амфибии, рептилии, птицы и млекопитающие, то станет очевидно, что с каждой такой эпохой происходило усложнение нервной системы, увеличение отделов и общего объема головного мозга, а значит, и совершенствование психики. С точки зрения материалистически ориентированной науки, эволюция человека может быть выстроена в несколько линий. На фоне цефализации, как совершенствования мозга, идут линии генетического, биохимического, морфофизиологического, цитоархитектонного усовершенствования от простейших организмов к человеку. При этом объяснение антропогенеза существенно усложняется, так как приходится согласовывать эволюционные изменения видов уже по нескольким линиям развития. Поэтому открытия генетиков в ряде случаев даже осложняют решение данной комплексной задачи.

¹ Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Айрис Пресс, 2002. – С. 173.

² Susumo Ohno. Evolution by Gene Duplication. Springer-Verlag. Berlin – Heidelberg – New York, 1970. – P. 27.

Настоящее время (в библейском понятии – 7-й день творения) можно назвать эпохой человека, млекопитающих и птиц. Конечно, есть еще рыбы, играющие немаловажную роль в питании людей, а также амфибии и рептилии, не считая беспозвоночных¹. Большинство современных животных имеют, по сравнению с древними ископаемыми, даже млекопитающими, значительно более развитую психику, что облегчает человеку установление контакта с ними: одомашнивание, дрессировка, наблюдение в природе. В этом вопросе наша точка зрения полностью совпадает с таковой у Б.Ф. Поршнева. Все это было бы невозможно, к примеру, в эпоху пресмыкающихся, в силу слабой развитости центральной нервной системы. Хотя в настоящее время есть версии о неких успехах мыслительных задатков у определенных представителей вымерших ящеров². Но поскольку в результате природного катаклизма эти животные вымерли 65 млн лет назад, об уровне их интеллектуального развития можно рассуждать только гипотетически.

Таким образом, с позиций антропоцентризма, Творец мудро подготовил окружающий мир и природу для создания человека. Древние пралюди – производные от земли, могли быть созданы тем же путем, что и остальные виды животных. В них, особенно в неандертальцах, было много того, что приближает их к современному человеку. Они умели изготавливать разнообразные орудия труда, строить жилища, охотиться, добывать огонь и пользоваться им. «Да, тот человек обладал высокой степенью рассудочной деятельности, но нашего она масштаба или нет? Если судить по каменным орудиям, то нет»³. Не было в них только одного – самосознания, а с точки зрения креационизма – образа и подобия Божия, которое определяется Духом Божиим. То есть можно обладать анатомией человека в зоологическом смысле, но, тем не менее, не быть человеком в смысле духовном. У человека и животных физическая природа едина – из земли, но человек – обособленное создание, наделенное Духом, который отсутствует у животных: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни и стал человек душою живою»

¹ Сидоров Г.Н., Еремеева В.Г., Шустова О.Б. Растительный и животный мир в Библии. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – 110 с.; Библейская энциклопедия. – М.: Российское библейское общество, 1996. – 352 с.

² Медников Б.М. Биология: формы и уровни жизни. – М.: Просвещение, 1994. – С. 315.

³ Зубов А.А. Эволюция Homo sapiens: традиционные механизмы и новые факторы // Человек. – 1998. – № 1. – С. 42.

(Быт. ст. 2, 7). Преподобный Серафим Саровский говорил: «Господь не одну плоть Адамову создал от земли, но вместе с ней и душу, и дух человеческий: но до этого мгновения, когда Бог вдунул в него дыхание жизни, Адам был подобен прочим животным»¹. Это вполне соотносится с известной идеей Аристотеля о двойственной природе человека.

Именно дух, по мнению ряда православных богословов, часто выступает в роли судии души и тела. Православное богословие понятие «духовность» отождествляет с понятием «личность». Так, митрополит Минский и Слуцкий Филарет пишет: «Как индивид человек – это часть природы. Как личность человек – это целостность: он собирает в себе весь мир и поэтому может быть посредником между миром и Богом»². По словам В. Лосского, «личность – это то, что несовместимо к природе»³. К понятиям «индивида» и «личности» философы возвращались неоднократно. Так, в статье «От индивида к личности» М.И. Михайлов высказывается следующим образом: «Индивид по сути своей лишен индивидуальности, персонального „я“, он живет и осуществляет себя как родовое существо. В понятии „личность“ представлена, прежде всего, духовная сущность человека»⁴. Как писал Н.А. Бердяев, «личность не есть часть чего-то, функция рода или общества. Личность нельзя мыслить ни биологически, ни социологически. Личность – духовна и предполагает существование духовного мира. Дух хочет вечности. Материя же знает лишь временное»⁵. Протоиерей А. Мень считал: «Дух образует человеческое „я“ и те высшие свойства человека, в которых отражен образ и подобие Божие... Все особенности духа объединяются тем, что он реализует себя через „я“, через личность»⁶. «Без Духа весь род человеческий, писал Лютер, – это не что иное, как царство дьявола, беспорядочный хаос тьмы»⁷. Из всего вышесказанного напрашивается вывод о том, что «Духовная

¹ Саровский Серафим. Беседа с Н.А. Мотовиловым о цели христианской жизни. 1914. – С. 11.

² Филарет, Митрополит Минский и Слуцкий. Богословие и антропологические концепции // Человек. – 2002. – № 1. – С. 125.

³ Лосский В. Богословие и боговидение. – М.: Мысль, 2000. – С. 189.

⁴ Михайлов М.И. От индивида к личности // Человек. – 2002. – № 4. – С. 188.

⁵ Бердяев Н.А. Самопознание. – М.: Книга, 1991. – С. 40.

⁶ Мень А. История религии. В поисках пути, истины и жизни. – М.: 1994. – С. 21.

⁷ Федоров Ю.М. Сумма антропологии. – Новосибирск: Наука. Сибирская изд. фирма РАН, 1996. – С. 603.

жизнь в нас не только ни из чего не выводима, но, наоборот, является источником смысловой освещенности в духовной жизни нашей»¹.

С точки зрения креационизма, в этом вновь прослеживается всемерная мудрость Творца. Если бы творение человека (*Homo sapiens sapiens*) пошло по принципу производства, к примеру от неандертальцев (*Homo sapiens neanderthalensis*), путем внедрения новой генетической информации, то вкладывать в такое создание Дух Божий было бы бессмысленно. Поскольку сами неандертальцы как предполагаемые родители этим Духом не обладали, следовательно, и более совершенных детей своих они не смогли бы воспитать в Страхе Божьем. Только Сам Творец мог не только создать, но и воспитать Свое новое творение, и дать ему необходимое руководство в жизнь. Еще Цицерон за две тысячи лет до нашего времени сказал: «Нет ни одного народа, до такой степени грубого и дикого, чтобы не было в нем веры в Бога, хотя бы он и не знал его существа»². Таким образом, «правильное учение о человеке вообще не может быть построено без учения о духовной жизни в нас»³. Двойственная природа человека, о которой упоминали еще Платон и Аристотель, в настоящее время признается большинством философов. В данном положении о некоем обособленном «духовном» содержании человека прослеживается связь с теорией геннокультурной коэволюции и содержания в человеке некоего неопределяемого «культургена», в роли которого можно предположить существование человеческого духа. А если это так, то вопрос о происхождении человека плавно скатывается на идеалистическую позицию основного вопроса философии, что неизбежно приводит к креационизму.

Креационисты считают, что современный вид человека *Homo sapiens* появился на Земле совершенно обособленно и независимо от ископаемых предшественников. Об этом факте свидетельствуют и упомянутые нами генетические исследования, согласно которым все современные линии людей можно свести к двум первоначальным, названным библейскими именами: «митохондриальная Ева» и «Y-хромосомный Адам». Современные генетики предполагают, что именно

¹ Зеньковский В.В. Об образе Божиим в человеке // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 160.

² Слободский Серафим. Закон Божий. – 4-е изд. – М.: Московская патриархия, 1987. – С. 521.

³ Зеньковский В.В. Об образе Божиим в человеке // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 147.

эта «отколовшаяся популяция» участвовала в дальнейшем антропогенезе. И уж совершенно точно, считают они, – что одновременно с нашим «Адамом» жило множество других мужчин, чьи Y-хромосомы до нас не дошли». Эти «недошедшие» и могли быть вполне «доадамидами» в образе архантропов и палеоантропов. Кроме того, генетики считают, что «от «Адама» и «Евы» мы получили лишь небольшую часть нашего генома – Y-хромосому и мтДНК соответственно, причем уже далеко не в исходном виде, а измененную многочисленными мутациями»¹. Что касается доадамидов в их разнообразных проявлениях, то можно предположить, что они какое-то время продолжали существовать вместе с человеком, о чем писал Б.М. Медников. Вполне вероятно, что имело место «межвидовое скрещивание», которое, разумеется, было недопустимо по творческому замыслу. В науке существует мнение о том, что «кроманьонцы разбавили свою южную кровь северной неандертальской, что, возможно, помогло их потомкам биологически адаптироваться в условиях приледниковой Европы»². В рамках креационного направления Всемирный потоп вполне допустимо рассматривать как необходимую меру Господа Бога для очищения человеческой расы. Очевидно, все или почти все доадамиды и их потомки были уничтожены в процессе этой вселенской катастрофы. Этим, возможно, и объясняется бесследное исчезновение европейских неандертальцев вскоре после того, как в Европе появились кроманьонцы. Ископаемые останки неандертальцев мы периодически находим в различных слоях земной коры, нередко вместе с останками человека современного типа.

Следует отметить, что аналогичной гипотезы происхождения человека придерживается известный отечественный философ А.Г. Спиркин, центральная проблематика научных исследований которого связана с разработкой теории сознания и самосознания. Исследуя поведение обезьян на базе Сухумского обезьяньего питомника с целью уяснения биологических предпосылок возникновения человека, ученый подверг критическому пересмотру воззрения марксистской философии, что человек и его разум – результат эволюции, уходящий корнями в царство животных. А.Г. Спиркин скорее склонен предполагать более верными идеи катастрофизма и креационизма.

¹ Степанов В.А., Пузырев В.П. В поисках «Адама»: эволюция гаплотипов Y-хромосомы в популяциях человека // Эволюционная биология: Мат. конф. – Томск, 2001. – С. 359.

² Козлова М.С. Эволюционная судьба Homo sapiens. // Человек. – 2000. – № 1. – С. 49.

Подчеркивая соотнесенность человека с Богом, А.Г. Спиркин приходит к выводу о необходимости веры в Бога, без которой теряется смысл бытия вообще и человека в частности¹.

В заключение отметим, что симиальная гипотеза происхождения человека, несмотря на авансированную уже более века научную доказанность, остается на сегодня лишь одним из нескольких вариантов реального объяснения антропогенеза. Далеко не все ученые как в прошлом, так и в настоящем этой гипотезы придерживаются. Даже те, кто причисляет себя к эволюционистам, прекрасно отдают себе отчет в тех пробелах, которыми изобилует дарвиновская концепция. Многие авторитетные ученые в области антропологии убеждаются в следующем: «Невозможно логически обосновать предположение о том, что человек, не будучи вовлеченным в какой-либо акт божественного творения, эволюционировал из некоего обезьяноподобного существа в течение очень короткого времени, в геологическом смысле этого слова, не оставив в виде окаменелостей никаких следов последовательности этого преобразования»².

Роберт Б. Экхард, специалист по антропологии и генетике человека, писал: «Существуют ли среди ошеломляющего количества ископаемых останков ранних гоминоидов такие, морфология которых определенно указывает на них, как на предков человека? Если брать в расчет фактор генетической изменчивости, ответ ясен – нет»³. Принимая во внимание факт обнаружения наших генетических прародителей «Адама» и «Евы», отметим, что среди обезьян, архантропов или палеоантропов таких «предков» человека обнаружено не было. Чтобы подтвердить правильность симиальной гипотезы, генетикам необходимо найти «ту самую обезьяну» и «ту самую мутацию», которая якобы послужила толчком к развитию человека. Пока же такая связь не найдена, говорить о подтверждении симиальной гипотезы безосновательно.

Кстати, обращает на себя внимание то обстоятельство, что почти все ископаемые находки интерпретируются как предполагаемые предки человека, но нигде никем не рассматриваются как возможные предковые формы других человекообразных, в частности современных узконосых обезьян – шимпанзе (*Pan troglodytes*), гориллы (*Gorilla*

¹ Спиркин // Энциклопедический словарь. – М., 2004. – С. 814.

² Zuckerman, S. Beyond the ivory towers. London: Weidenfeld and Nicholson. 1971. – P. 64.

³ Echardt Robert B. Population genetics and human origins // Scientific American, Jan. 1972. – P. 94.

gorilla) и орангутана (*Pongo pygmaeus*). Американский антрополог Д. Джохансон замечает: «Современные гориллы, орангутаны и шимпанзе словно выскочили из ниоткуда. Сегодня они есть, а вчерашнего дня у них как бы и не было»¹. Такой антропоцентристский подход, с нашей точки зрения, препятствует беспристрастному объективному анализу данного вопроса.

Выдающиеся ученые Ф. Крик, Л.М. Мухин и К. Саган подсчитали, что вероятность эволюции человека исключительно путем случайных процессов составляет $10^{-20000000000}$, что, согласно закону Бореля, означает невероятность². Только Разум порождает разум, подобно тому, как человек происходит только от человека, с заложенными в него талантами, идеями, эмоциями, чувствами и пристрастиями. Факт возникновения человека на Земле с его уникальным головным мозгом и разумом, не имеющим аналогов в живой природе, бесспорно, указывает на Разумный Замысел.

¹ Donald C. Johanson and Maitland A. Edey, *Lucy: The Beginning of Humankind* (New York: Simon and Shuster, 1983). – P. 363.

² C. Sagan, F.H.C. Crick and L.M. Mukhin, “Extraterrestrial Life” in *Communication with Extraterrestrial Intelligence*, ed. C. Sagan (Cambridge, Mass.: MIT Press, 1973).

ГЛАВА 4. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БИОЛОГИИ В РАМКАХ РАЦИОНАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

4.1. Диалектика и метафизика: трансформация и роль в биологии

Для того чтобы досконально разобраться в научной и философской сущности материалистически ориентированного эволюционизма и научного креационизма, необходимо проанализировать корни философских подходов к этим концепциям. Поскольку нигде противостояние материалистического и идеалистического подходов не стояло так остро, как у нас в стране после наступления «эпохи диалектического материализма», мы проведем анализ понятийного аппарата учения, господствовавшего в недавнем прошлом. Именно диалектический материализм внес в свое время и продолжает вносить неясность в базовые, веками отработанные философские учения, такие как диалектика и метафизика.

Диалектика (от греч. *dialektikē* – искусство вести беседу, спор) – философская теория, утверждающая внутреннюю противоречивость всего существующего и мыслимого и считающая эту противоречивость основным источником всякого движения и развития¹. Элементы диалектики прослеживаются и в Древности, и Средние века, но как связанная и универсальная теория диалектика впервые была построена в XIX в. Георгом Вильгельмом Фридрихом Гегелем. Впоследствии она была активно использована марксизмом, а в XX в. – марксизмом-ленинизмом, которым не удалось, однако, ни углубить, ни прояснить основные идеи Гегеля².

Метафизика (от греч. *metaphysic* – то, что после физики) – наука о сверхчувственных принципах и началах бытия. В истории философии под метафизикой чаще всего понимается подлинная философия. Термин впервые введен Андроником Родосским (I в. до н.э.), объединившим под этим названием труды Аристотеля, выходящие за рамки естественно-научных сочинений. На протяжении истории философии метафизика либо отвергалась как ложное учение, выходящее за рамки опыта, либо возвеличивалась как высшее достижение человеческого

¹ Диалектика // Энциклопедический словарь. – М., 2004. – С. 232.

² Там же.

разума. Тем не менее, во всех областях знания мы сталкиваемся с метафизическими проблемами, которые образуют основу тех или иных направлений в философии. Эти проблемы есть не произвольный продукт человеческого любопытства, не исторический балласт мысли, а сама вечная загадочность мира, укорененная в его состоянии и свойствах. Метафизические вопросы разработаны по всем областям, они везде образуют основу тех или иных направлений философии¹. То есть все явления сверх физической реальности относятся к реальности метафизической. Это сверхчувственная реальность, пребывающая за пределами опыта, эксперимента, наблюдения. Метафизическая реальность – это достопочтенная реальность, которая достойна глубокого изучения: все, что доступно эксперименту, – это пока маленький островок реальности².

Трансформация данных понятий в XIX, XX вв. понадобилась для обоснования нового философского учения под названием «диалектический материализм». В его рамках «марксистская диалектика, созданная Марксом и Энгельсом и развитая Лениным и Сталиным, – это наука о всеобщих законах развития природы, человеческого общества и мышления»³.

Диалектический материализм как «новый инструмент научного исследования» нуждался в новом неоспоримом методе. Таким методом и была избрана диалектика, заимствованная у Гегеля, из которой, по выражению Ленина, Маркс и Энгельс взяли «рациональное зерно» и, отбросив гегелевскую идеалистическую шелуху, развили диалектику дальше, придав ей современный научный вид. Диалектический материализм познает явления природы диалектическим методом, а его истолкование явлений природы, его понимание явлений природы, его теория – материалистическая (Сталин)⁴.

Метафизика же, с позиций диалектического материализма, определялась как метод подхода к явлениям природы как к отдельным, изолированным друг от друга и неизменным, то есть метод, прямо противоположный диалектике, рассматривающей явления в их развитии, изменении и взаимной связи⁵. «Маркс и Энгельс, обобщая данные наук и общественного развития, показали научную несостоя-

¹ Метафизика // Энциклопедический словарь. – М., 2004. – С. 490.

² Спиркин А.Г. Философия. – М.: Гардарики, 2000. – С. 253.

³ Диалектика // Краткий философский словарь. – М.: Полит. лит-ра, 1952. – С. 114.

⁴ Там же. Диалектический материализм. – С. 115.

⁵ Метафизика // Краткий философский словарь. – С. 286.

тельность метафизического мышления и противопоставили ему метод материалистической диалектики»¹.

Наделив старые классические понятия «диалектики» и «метафизики» новым содержанием, представители диалектического материализма в корне изменили их сущность, внося тем самым изрядную путаницу в сложившуюся до них философскую парадигму. Результат этой путаницы мы пожинаем и теперь. До сих пор далеко не все философы могут критически переоценить диалектико-материалистические новшества. В ряде современных монографий и учебных пособий по философии встречаются достаточно непоследовательные, а порой откровенно противоречивые взгляды по этим вопросам. Так, например, сказано, что *«в современном понимании диалектика – философская теория развития природы, общества, мышления и основанный на этой теории метод познания и преобразования мира»*². Там же приведены три основных определения понятия «метафизика»: как прообраз учения Аристотеля, как онтология – учение о бытии как таковом и, наконец, как способ познания, противостоящий диалектическому методу как своему антиподу³.

Далее в тех же пособиях утверждается следующее: *«Диалектика отрицается метафизикой в исходном принципе – принципе развития. Оценивая данные метафизические идеи, Ф. Энгельс писал, что метафизика рассматривает процессы “вне их великой общей связи, и в силу этого – не в движении, ...а как вечно неизменные”*»⁴.

Затем «в процессе эволюции» метафизика якобы признала идею развития. Соответственно во вторую группу входят философские идеи, объясняющие мир из принципа развития, но интерпретирующие его метафизически. Данными идеями либо отрицается принцип противоречивости развития, а если и признается противоречивость, то не внутренняя (саморазвитие), а внешняя; развитие сводится или исключительно к эволюционизму (отрицаются скачки), или к катастрофизму (абсолютизируются скачки, отрицается эволюция)⁵. Как видно, путаница здесь получается изрядная! Далее: «Таким образом, согласно материалистическим взглядам, метафизика противостоит диа-

¹ Метафизика // Философский словарь. – М.: Политиздат, 1963. – С. 267.

² Философия / под ред.: Г.В. Андрейченко, В.Д. Грачева. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – 245 с.; Философия / под ред. В.П. Кохановского. – Феникс, 2007 – 575 с.

³ Философия: учеб. пособие / под ред. В.П. Кохановского. – М., 2007. – С. 180.

⁴ Философия / под ред.: Г.В. Андрейченко, В.Д. Грачева. – С. 169.

⁵ Там же. – С. 169.

лектике, во-первых, как мировоззрение, отрицающее развитие (позвольте, а как же только что упомянутая эволюция? – Авт.); во-вторых, как противоположная диалектике концепция развития. Эволюция метафизики от первого ее значения ко второму, от исторического ее образа к современному показывает, с одной стороны, идейную силу диалектики, в борьбе против которой метафизика была вынуждена, ведя спор с диалектикой, признать ее исходную позицию – принцип развития. С другой стороны, способность к обновлению показывает и достаточные силы самой метафизики»¹.

Таким образом, оказывается, что существует эволюция самой метафизики. Бедная «эволюция»! Какие только дыры ей не приходится латать, самоотверженно подставляя свое «метафизическое плечо»!

Затем характеризуются методы, которыми якобы пользуется метафизика: *догматизм, софистика, эклектика*. И далее следует расшифровка этих методов применительно к метафизике.

*«В догматизме наиболее полно обнаруживает себя характерная черта метафизики — ее односторонность. Не стремясь к познанию мира во всем многообразии его связей, догматизм однажды познанное закрепляет в качестве абсолютно истинного, однажды успешно примененное средство рассматривает как универсальное. Тем самым он существенным образом деформирует как познание, так и практику, становясь препятствием на пути возникновения нового»*².

Вот уж воистину переключивание «с больной головы на здоровую»! Стоит только вспомнить, что диалектический материализм за 70 лет господства зарекомендовал себя как «абсолютно истинное учение», не терпящее конкуренции ни с одним другим направлением ни в науке, ни в философии.

*«В софистике односторонность метафизики проявляется по-иному. Релятивизм используется в софистике в качестве исходной гносеологической позиции, позволяющей при умелом, преднамеренно неправильно построенном рассуждении, искусно выдаваемом за истинное, ввести человека в заблуждение»*³.

Однако такого рода «софистики» предостаточно в трудах основателя диалектического материализма В.И. Ленина. К примеру, в работе «Материализм и эмпириокритицизм», критикуя лауреата Нобелев-

¹ Философия / под ред.: Г.В. Андрейченко, В.Д. Грачева. – С. 169.

² Там же. – С. 170.

³ Философия: учеб. пособие / под ред. В.П. Кохановского. – М., 2007. – С. 186.

ской премии химика В. Оствальда за предложение объединить понятия «материя» и «дух» единым термином «энергия», Ленин пишет: «Конечно, если „подвести” под это понятие и материю и дух, тогда словесное уничтожение противоположности несомненно, но ведь нелепость учения о леших и домовых не исчезнет от того, что мы назовем его „энергетическим”»¹.

«Часто встречается метафизика в форме эклектики. Эклектичными, к примеру, могут быть признаны попытки мировоззренческого слияния материализма и идеализма»².

Однако, как известно, сам диалектический материализм, а тем паче, созданные на его основе дисциплины вроде «научного коммунизма», не что иное, как эклектика!

Заслуживает внимания еще один момент: *«Новометафизическая концепция толкует развитие иначе. Она может пониматься как повторение, монотонный процесс, ...движение по прямой линии, процесс, «тянущийся в абстрактную бесконечность» (Гегель)³.* Тем самым В. Гегель, справедливо считающийся отцом теоретически оформленной диалектики, совершенно недвусмысленно причисляется к «новым метафизикам». Так и хочется применить выражение в ленинском стиле: «О том, как марксисты „отобрали” диалектику у Гегеля»!

Таким образом, не первоначальная, а последующая марксистская трактовка поставила диалектику «с ног на голову», делая ее тем, чем она не была со времен Сократа, а именно методом. Само понятие «диалектический метод» нуждается в корректировке, поскольку «диалектическим» может быть, в крайнем случае, подход (если иметь в виду последовательное развитие), но никак не метод. И как подход он является достаточно спорным в плане познания, а уж тем более преобразования мира: «Неприложимость диалектики к исследованию природы связана в первую очередь с тем, что диалектика плохо согласуется с принципом причинности, утверждающим, что все, происходящее в мире, имеет причину, и требующим объяснить мир от прошлого к будущему. Диалектика настаивает на телеологическом обосновании от будущего к прошлому»⁴. «Диалектика при всем своем реалистическом и позитивистском преобразовании, при

¹ Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Соч. – 4-е изд. – Т. 14. – М.: ОГИЗ, 1947. – С. 258.

² Философия: учеб. пособие / под ред. В.П. Кохановского. – М., 2007. – С. 186.

³ Там же. – С. 184.

⁴ Диалектика // Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2004. – С. 234.

всем своим отрешением от божественных мировых целей в действительности самым тесным образом связана с целью и идеей ценности, с понятием восходящего развития. Динамика не может быть превращена в принципиальное понятие, не приняв вместе с этим в себя определенной направленности»¹. Что же касается метафизики, то она не может быть ни методом, ни подходом, поскольку, если диалектику можно признавать или отрицать в зависимости от мировоззренческих взглядов, то область метафизики вполне конкретна и бесспорна и подразделяется на трансцендентальную (доопытные формы познания) и трансцендентную (сверхопытная реальность – Бог)². По справедливому замечанию А.Г. Спиркина, «предмет диалектики не только чувственная, но и сверхчувственная реальность, и в этом отношении она ничем не отличается от метафизики»³. Следовательно, диалектика может быть вполне метафизична (у Гегеля, А. Бергсона, Т. де Шардена).

Таким образом, рассуждения, приведенные лишь из некоторых учебных пособий, – один из примеров того, с какой неохотой постсоветская философия сдает позиции ставшего у большинства оскоминой на зубах так называемого «диамата».

Создавая свое новое учение, классики марксизма-ленинизма так сказать, без зазрения совести наделили классические философские понятия новым содержанием и тем самым «умножили сущности без надобности», нарушив принцип У. Оккама, провозглашенный еще в эпоху Средневековья. Их же современные последователи уже в постсоветский период, испытывая ностальгию по диалектическому материализму, не соглашаются признать данное учение лишь одним из многих, имеющих полное право на существование, но с настойчивым упорством пытаются отстоять его господство, если не в общественном устройстве, то хотя бы в учебном процессе и в науке. Отсюда в тех же современных учебных пособиях по философии диалектико-материалистический метод наделяется статусом универсальности⁴. В то время как метафизике отводится куда более скромная роль – для «домашнего употребления»⁵. А в науку – не смей соваться! Здесь царит диалектика! Хотя как значительно удобнее было бы называть фи-

¹ Э. Трельч. Историзм и его проблемы. – М.: Мысль, 1994. – С. 180.

² Спиркин А.Г. Философия. – М.: Гардарики, 2000. – С. 254.

³ Там же. – С. 253.

⁴ Философия: учеб. пособие / под ред. В.П. Кохановского. – М., 2007. – С. 175.

⁵ Там же. – С. 175.

лософские подходы своими именами, принадлежащими им по праву: идеалистический и материалистический.

Особенно остро, как показала история, отношение к этим подходам проявилось в биологии в 1930–1950-е гг. в Советской России в период господства «мичуринской биологии». Генетика в то время трактовалась как «ложное, метафизическое учение о наследственности, созданное австрийским монахом Г. Менделем и принятое современной буржуазной наукой и т.д. ...»¹. Впоследствии, правда, когда стало понятно, что биологическая наука в цивилизованном мире ушла далеко вперед, генетика в СССР перестала быть «метафизической» и приобрела вполне «диалектический» статус. Тем не менее, по сей день в России диалектический материализм продолжает упорно держаться за свои завоевания, пытаясь, так сказать «не пущать» в науку иные философские направления, которые, впрочем, успешно сосуществуют в зарубежной философии и науке. Однако признавать положительным наличие плюрализма зарубежных научно-философских подходов зачастую не в духе ряда отечественных философов. В свое время В.И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» с навязчивым упорством «гнобил» все инакомыслящие взгляды, доказывая лишь свою правоту и правоту своих «учителей-предшественников» — К. Маркса и Ф. Энгельса. Диалектический материализм считался «последним словом науки»². Апофеозом доказательной базы того времени являлось несколько видоизмененное выражение: «Учение диалектического материализма всесильно, потому что оно верно».

Кратко разберем примеры двойных стандартов классической диалектико-материалистической методологии». Как писал советский философ И.Т. Фролов, «диалектико-материалистическая методология, рассматривающая научно состоятельные гипотезы, не только создает уверенность в достижимости познания сущности вещей, предостерегает от агностицизма и релятивизма, но и дает в руки естествоиспытателя метод, с помощью которого можно свободно двигаться к истине через «лес гипотез», окружающих ее»³. Здесь же Фролов отмечает, что «гипотеза, следствия из которой не могут быть проверены в принципе, не является научной»⁴. К гипотезам такого рода, по его

¹ Менделизм // Краткий философский словарь. — М.: Полит. лит-ра, 1952. — С. 284.

² Диалектический материализм // Краткий философский словарь. — М.: Полит. лит-ра, 1952. — С. 118.

³ Фролов И.Т. Жизнь и познание. — М.: Мысль, 1981. — С. 229.

⁴ Там же. — С. 229.

мнению, относятся концепции неовиталистов о «жизненной силе», «энтелехии» и др. Но, мы уже отмечали, что точно таким же образом «принципиально непроверяемыми» являются и гипотеза Опарина, и гипотеза происхождения видов, и гипотеза происхождения человека, закамуфлированные миллиардами, миллионами и тысячами лет. И хотя в период травли генетики в СССР законы Менделя и Моргана поддавались проверке как нельзя более четко, они были отнесены к метафизическим. В дальнейшем, осознав насколько невыгодно «выглядеть отсталыми» на фоне прогресса западной науки, любая гипотеза, особенно биологического направления, получала марксистско-ленинскую интерпретацию. Как только в науке появлялись какая-либо новая тенденция или направление, несмотря на «необычность» или «нетрадиционность», их истоки сразу же пытались отыскать в трудах классиков марксизма: «Научные истины всегда парадоксальны, если судить на основании повседневного опыта, который улавливает лишь обманчивую видимость вещей»¹. Так, Ф. Энгельс, считался одно время чуть ли не основоположником системного подхода в биологии: «В современных условиях отмеченная Энгельсом особенность классификационных систем находит блестящее подтверждение, в частности, в связи с попытками применения в систематике методов символической логики»². Что касается эволюционной теории, то и здесь приоритет диалектического материализма не подлежит сомнению: «Диалектическому по своей сути процессу исторического развития живых систем полностью соответствует та его интерпретация, которая в более широком плане разработана в марксистско-ленинской философии в качестве одного из основных законов материалистической диалектики»³.

Те самые «идолы», о которых писал еще в XVII в. Ф. Бэкон, актуальны и в наши дни в биологических науках о происхождении и развитии жизни. Не желая расставаться с прежними затверженными стандартами марксистской философии, многие философы, как В.И. Ленин сто лет тому назад, по сей день, считают «Диалектику природы» Ф. Энгельса и труды Э. Геккеля последним словом науки. Они словно не видят перемены взглядов, происходящих в философском и научном мире, и по-прежнему хотят «изменить мир». Разница

¹ Фролов И.Т. Жизнь и познание. – М.: Мысль, 1981. – С. 233.

² Там же. – С. 234.

³ Там же. – С. 175.

лишь в одном: если в советские времена диалектика служила средством обоснования возможностей преобразования существующего социального мира, то в настоящее время она пытается закрепить свои подходы в естествознании, в частности в биологии. Подобно тому, как «диалектический метод» насильственно внедрялся в умы исследователей советской эпохи, с той же настойчивостью он продолжает отстаивать свои позиции в качестве научно-философского метода в биологии до настоящего времени.

В следующем разделе мы остановимся на проблеме междисциплинарного подхода, который как нельзя лучше свидетельствует об упорных попытках закрепить позиции диалектического материализма в современной биологии.

4.2. Междисциплинарный подход в вопросах современной биологии

Научная истина может рассматриваться как соответствие знания окружающей действительности и степени правдоподобности и ложности гипотез и теорий¹. Развитие науки, по представлениям академика В.С. Степина², характеризуется диалектическим взаимодействием двух противоположных процессов – дифференциацией и интеграцией. Каждый из них преобладает на определенных этапах становления научной дисциплины. Утверждаясь в какой-либо отдельно взятой науке, новая картина исследуемой реальности может оказать существенное влияние на смежные области. Такая ситуация индуцирует, как правило, два пути перестройки оснований исследования: 1) за счет внутридисциплинарного развития знаний, 2) за счет междисциплинарных связей. Примерами дифференциации в биологии можно считать выделение наук морфологии, гистологии, цитологии, эмбриологии и др. Эти дисциплины возникли как поиск истины с использованием более детального изучения структур и процессов внутри живого организма. Однако практически одновременно с внутридисциплинарной дифференциацией в биологии возникает и междисциплинарная интеграция. Ее примером могут служить такие интегративные науки, как биофизика, биохимия, молекулярная биология.

¹ Новый энциклопедический словарь. – М.: Рипол Классик, 2006. – С. 449.

² Степин В.С. Философия науки. – М.: Гардарики, 2006. – С. 285.

Научные революции возможны, как правило, только благодаря междисциплинарным взаимодействиям, основанным на «парадигмальных прививках»¹ – переносе представлений специальной научной картины мира, а также идеалов и норм исследования из одной научной дисциплины в другую.

В XVIII в. механическая картина мира оказывала довольно сильное влияние на стратегию биологических исследований. Ж.Б. Ламарк, обратив внимание на нарастание мускулатуры, развитие семян, наличие внутривидовой дифференциации и модификационные различия при выведении пород домашних животных, сделал вывод об историческом развитии живых организмов. Пытаясь найти, как ему казалось, истинное объяснение механизмов развития живых существ он выдвинул представление о градациях как постепенном повышении уровня организации организмов, во многом руководствуясь принципами механики.

Природа, по Ламарку, являлась ареной постоянного движения, перемещения и циркуляции бесчисленного множества флюидов, среди которых электрический флюид и теплород были главными «возбудителями жизни». Идея изменения живых организмов была не нова и высказана до Ламарка многократно. Это и аристотелевское движение жизни «фисис», определяемое химическими, физическими и атомными процессами. Это и постепенные переходы между психофизическими единицами – «монадами» Лейбница. Это и последовательное развертывание преформированных друг в друге живых существ А. Галлера и Ш. Боннэ. Однако, по Ламарку, обмен флюидов организма с флюидами среды вызывал мелкие изменения в каждом органе живого существа. Эти изменения усиливали функционирование одних и ослабляли жизнедеятельность других органов. В свою очередь такие изменения наследовались, что при длительном накоплении изменений приводило к перестройке органов и появлению новых видов. Эта интеграционная физико-биологическая идея о мелких изменениях в строении и функциях организмов, подхватываемых затем наследственностью и естественным отбором, была уловлена Ч. Дарвином и вписана в его представления об «истинной» картине видоизменений биологических существ.

Возникновение новых – «истинных» знаний в науке представляет собой сложный и многоплановый процесс, включающий как внутри-

¹ Степин В.С. Философия науки (общие проблемы). – М.: Гардарики, 2006. – С. 285.

так и междисциплинарные воздействия. Примером этому может служить появление в начале XIX в. палеонтологии (основоположник – Ж. Кювье), явившейся результатом синтеза четырех наук: зоологии, ботаники, сравнительной анатомии и геологии.

Экология как наука особенно активно начала развиваться в первой половине XX в., хотя термин «экология» был предложен зоологом Э. Геккелем в 1866 г. В ходе своего развития экология была основана как синтез ряда биологических дисциплин: зоологии, ботаники, географии, геологии, гидробиологии и др. В настоящее время она определена как наука о взаимоотношениях организмов между собой и с окружающей средой.

Сегодня на роль междисциплинарной науки претендует так называемая «синтетическая теория эволюции», в основе которой лежит гипотеза естественного отбора Ч. Дарвина. В большинстве философских и биологических монографий ее определяют как «самое выдающееся достижение биологической науки, имеющее не только основополагающее биологическое, но и огромное общекультурное, философское и мировоззренческое значение»¹.

Для подтверждения дарвиновской гипотезы принято использовать данные эмбриологии, морфологии, палеонтологии и биогеографии. А точнее, с помощью этой гипотезы ученые-эволюционисты пытаются разъяснить различные крупные и независимые друг от друга группы фактов, таких как: геологическая последовательность органических существ, их распределение в прошлом и настоящем, их взаимное сходство и гомология, определенное сходство в эмбриональном развитии. И, с точки зрения эволюционной методологической позиции, этот пассионарный напор «дарвиновской эволюции» завладел умами и, главное, душами значительной части населения Земли и занял место ведущей биологической парадигмы XX века. Так, данные палеонтологии преобразовались в «большое количество переходных форм», сомнительных в своей переходной мозаичности, но безапелляционных по «истинно научной» убежденности. Данные эмбриологии вылились в еще более сомнительный и спорный «биогенетический закон» Мюллера – Геккеля, а данные морфологии – как подтверждение происхождения всех живых существ от общего предка.

¹ Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / под ред. В.В. Миронова. – М.: Гардарики, 2006. – С. 273.

При этом почему-то представители дарвиновской гипотезы не анализировали тот факт, что «ключевое положение эволюционной теории о существовании общей предковой формы гносеологически очень близко стоит к теории разумного замысла. Переходные формы, которые якобы обитают на ветвях дарвиновского древа жизни, точно так же не поддаются наблюдению, как и прошлые творческие акты Создателя»¹. Единственное, чего всегда так недоставало дарвиновскому учению – это решающего междисциплинарного синтеза с точной наукой, позволявшей вытащить данную сомнительную гипотезу в разряд теорий, подкрепленных вполне проверенными данными. Такой наукой с самого начала могла быть признана генетика, оформившаяся в 1900 г. Однако, по иронии судьбы, первое поколение генетиков заняло скорее антидарвинистические, чем дарвиновские позиции; поскольку большинство из них считали не естественный отбор, а мутации источником новообразований, а роль естественного отбора сводили к отсеиванию вредных мутаций от полезных². Ранняя генетика могла дать лишь монофакторное объяснение эволюционным событиям, а это никак не устраивало эволюционистов. В СССР на протяжении почти четверти века объективная и истинная (в белых одеждах) генетика вызывала жгучую ненависть официального дарвинизма и характеризовалась как «мертворожденный ублюдок биологической науки, насквозь метафизическое и антиисторическое учение»³. К середине 1960-х гг. даже на территории бывшего СССР и в начале 1940-х гг. на западе «дарвиновское эволюционное учение» осознало пользу междисциплинарного синтеза и, чувствуя загнивание своих основных положений, стало опираться на представления о «синтетической теории эволюции» как совокупности целой системы междисциплинарных ограничений и аксиомальных утверждений. Важнейшими факторами эволюции теперь стали объявляться мутации из арсенала прокливаемой ранее генетики и все тот же естественный отбор, пришедший к Ч. Дарвину через «естественный эгоизм» Адама Смита и знаменитый естественный закон природы Томаса Мальтуса, предупреждающий о грядущем перенаселении Земли людьми. Среди десятка «истинно неколебимых» аксиом синтетической теории эво-

¹ Морлэнд Дж. П. Гипотеза творения. – Симферополь: Крым-Фарм-Трейддинг, 2000. – С. 79.

² Современные философские проблемы... / под ред. В.В. Миронова. – С. 273.

³ Презент И.И. Борьба идеологий в буржуазной науке // Ленинградская правда, 6 марта 1947.

люции есть и такая: эволюция носит постепенный и длительный характер. Видообразование происходит как череда нескольких меняющих друг друга популяций»¹. Однако истины эволюционной науки в отличие от истин религии меняют друг друга с поистине калейдоскопической быстротой. Наш современник, заведующий кафедрой теории эволюции МГУ, четвертый представитель знаменитой эволюционной династии А.С. Северцов в учебнике «Теория эволюции»² для студентов вузов – биологов пишет: «Путей видообразования существует столько, сколько существовало и существует видов в биосфере Земли. По темпам различают: постепенное, **сальтационное (скачкообразное)** и **мгновенное (за одно поколение)** видообразование» (с. 196). Ну, наконец-то! Вот где она, истина. Зачем же нужно было целых полтора столетия морочить голову человечеству «истинным эволюционным тихогенезом» Ч. Дарвина и современной «синтетической теорией эволюции», если новые живые существа образуются скачкообразно и за одно поколение?! Может быть, уместно вспомнить и то, что величайший естествоиспытатель, палеонтолог и теолог Ж. Кювье и его ученик А. д'Орбиньи писали о том, что новый набор живых организмов на Земле появляется после геологических катастроф в результате актов Творения, а последней такой катастрофой был Всемирный потоп?! И зачем тогда так упорно отрицать додарвиновское определение, гласящее что «эволюция – это развертывание предсуществующих свойств организма, а не их новообразование»?³. Современная генетика, в частности закон о независимом распределении гамет, совсем не противоречит представлениям раннего преформизма о том, что все микроэволюционные преобразования в поколениях разнообразных организмов являются комбинацией заложенных в них во время акта творения признаков и свойств⁴.

Тем не менее, все фундаментальные биологические монографии с упорством, напоминающим времена проклятия генетики, ныне в один голос провозглашают, что «органическое объединение дарвиновской идеи естественного отбора с менделевской генетикой приве-

¹ Воронцов Н.Н. Теория эволюции: итоги, постулаты и проблемы. – М., 1984; Богданова Т.Л., Солодова Е.А. Биология. – М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2002. – С. 285–286.

² Северцов А.С. Теория эволюции. – М.: Владос, 2005. – С. 196.

³ Дарвинизм. Хрестоматия / сост. В.А. Алексеев. – Т. 1. – М.: Изд-во Московского университета, 1951. – С. 144.

⁴ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Поиск истины в междисциплинарных взаимодействиях в биологии // Человек и христианское мировоззрение: альманах. – Вып. 12. – Симферополь, 2007. – С. 238.

ло к созданию подлинного теоретического фундамента для всех областей классической биологии и высветило четкую перспективу дальнейшей углубленной теоретической и экспериментальной разработки проблем этих классических отраслей на новой основе – на основе идей менделевской генетики с использованием мощного аппарата самых новейших разделов современной математики»¹.

Что же получается? К весьма сомнительной, фактически не работающей, мертвой дарвиновской гипотезе в настоящее время припряжена живая наука – генетика в совокупности с наиточнейшей наукой – математикой, дабы они сообща тащили, покуда возможно, эту гипотезу в рамках методически безупречного междисциплинарного синтеза. Получилась ситуация, подобная остроумно описанной Ч. Диккенсом в «Посмертных записках Пиквикского клуба», где один из героев повествует о том, каким образом он написал трактат о китайской метафизике: из Британской энциклопедии он прочел о метафизике под буквой *M*, а о Китае – под буквой *K* и затем соединил полученные сведения воедино. Разница заключается лишь в том, что с упомянутым трактатом из бессмертного произведения Диккенса вряд ли кому пришлось познакомиться, в то время как «синтетическая теория эволюции» в школьных и вузовских программах, учебниках и монографиях преподносится как неоспоримый факт. Хотя реально уже усиленно модифицирует и начинает разваливаться.

Интеграция наук, равно как и дифференциация, должны возникать естественным путем, без притягивания со стороны представлений, имеющих весьма отдаленное отношение к научной картине исследуемой реальности. Иначе вместо междисциплинарного синтеза, как в случае с «дарвиновско-синтетической» теорией эволюции, мы получаем не истинную картину пространственно-временных особенностей окружающего нас мира, а в лучшем случае (при добросовестном заблуждении ученых) эклектический конгломерат, в худшем же – лицемерное лукавство, выдаваемое за науку.

4.3. Эволюция и систематика: академическая свобода и нравственный выбор

В XX–XXI вв. споры между учеными-биологами разгорелись вокруг представлений о существовании так называемой теоретической

¹ Современные философские проблемы... / под ред. В.В. Миронова. – С. 266.

биологии. По мнению известного философа биологии В.Г. Борзенкова, «хотя в биологии давно уже существует тенденция выделять теоретическую биологию как особое направление (Линней, Дарвин, Мендель, Берталанфи, Бауэр), до сих пор не ясно, существует ли такой раздел биологии, нужен ли он и каково его будущее»¹. Вправе ли биология претендовать на звание фундаментальной науки? Этот вопрос считается спорным и пока нерешенным. Австрийский философ науки Дж. Смарт рассуждает по этому поводу так: «Аксиоматизация биологии предполагает существование универсальных, неизменных законов природы, подобных тем, которые мы имеем в физике»².

Один из «самых яростных противников разумного замысла М. Рьюз (Ruse)»³ не оставляет надежды открыть и сформулировать такие законы и, прежде всего, всеохватывающий эволюционный закон⁴. Этот дарвинист всей душой стремится внушить научному сообществу свои представления об эволюции, провозглашая следующее: «Супертеоретическое построение под названием „синтетическая теория эволюции“ полностью удовлетворяет наработанным в логике и методологии науки критериям теоретичности»⁵. Рьюз, разумеется, понимает нереальность претензий на величие супертеоретической роли эволюционной теории. И честно по этому поводу проговаривается: «Для полных объяснений с помощью охватывающего закона не хватает слишком многих данных, но, даже если бы эти данные и существовали, они просто подавили бы эволюционистов своей многочисленностью»⁶. Но если Рьюз сказал «А», то ему надо говорить и «Б». Эволюцию надо как-то защищать и, по мнению М. Рьюза, «свидетельства в пользу менделевской генетики являются свидетельствами и в пользу эволюционной теории»⁷.

Вопрос о том, как живая наука генетика должна вытягивать из полной несостоятельности мертворожденную и нежизнеспособную теорию макроэволюции, мы уже обсуждали в предыдущей главе.

¹ Борзенков В.Г. Л. фон Берталанфи и развитие идей теоретической биологии в XX в. // Системный подход в современной науке. – М.: Прогресс – Традиция, 2004. – С. 427.

² Там же. – С. 432.

³ С. Мейер. Методологическая равноценность теории разумного замысла и естественного происхождения жизни // Гипотеза творения. – Симферополь, 2000. – С. 71.

⁴ Рьюз М. Философия биологии. – М.: Прогресс, 1977. – С. 138–139.

⁵ Борзенков В.Г. – С. 433.

⁶ Рьюз М. Философия биологии. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 139.

⁷ Там же. – С. 144.

На протяжении всего периода существования эволюционной теории ее сторонники ставили своей главной задачей «исключение элементов гипотетичности этой теории»¹. Однако, как показал анализ, проведенный большим сообществом исследователей, да и нами в предыдущих публикациях², полученные «доказательства эволюции» интерпретируются по-разному не только противниками эволюционного подхода, но и самими эволюционистами. Поэтому проблема «всеохватывающего эволюционного закона» в биологии по-прежнему остается «голубой мечтой» эволюционистов, их нравственным выбором.

Если рассматривать «всеохватывающий эволюционный закон» с позиций постнеклассической рациональности, то становится очевидно, что он подходит под концепцию «приблизительной истины» постпозитивиста Л. Лаудана или «плюралистичной истины» Х. Патнэма³. Только на веру и никак иначе можно принимать такого рода высказывания, как: «Центральный стержень всего здания дарвиновской идеи естественного отбора не только сохранился, но и получил исчерпывающее доказательство»⁴. Или, повторяя Л. Лаудана⁵, как можно приблизиться к истине, если непонятно, что эта истина из себя представляет? Действительно, если понятия «наследственность» и «изменчивость» являются вполне конкретным понятийным аппаратом генетики, то «естественный отбор» с философских позиций есть понятие плюралистичное и размытое. Об этом пишут и сами эволюционисты: «Многочисленные, так называемые формы отбора: движущего, стабилизирующего, дизруптивного, поддерживающего, катастрофического и т.д. по механизму своего действия сводятся к одному и тому же естественному отбору; отличаются же они по апостериорным определениям»⁶.

Как известно, «механизмы действия» всех вышеперечисленных видов отбора весьма гипотетичны либо искусственно надуманы. Это мы уже анализировали ранее (см. п. 2.2). Определения «отборов»

¹ Завадский К.М., Колчинский Э.И. Эволюция эволюций. – Л.: Наука, 1977. – С. 139.

² Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. // Философия науки. – 2003. – № 4. – (19). – С. 36–63; Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Философия теорий эволюции. – СПб.: ЛиСС, 2003. – 64 с.

³ Лаудан Л. Наука и ценности; Патнэм Х. Философия и человеческое понимание // Современная философия науки: знания, рациональность, ценности в традиционной мысли Запада. – М., 1996. – С. 221–246, 295–342.

⁴ Фролов И.Т. Жизнь и познание. – М.: Мысль, 1981. – С. 228.

⁵ Лаудан Л. Наука и ценности. – С. 221–246.

⁶ Завадский К.М., Колчинский Э.И. Эволюция эволюций. – Л.: Наука, 1977. – С. 140.

скорее априорны (*доопытны*), чем апостериорны (*послеопытны*). Сложно эволюционистам пытаться формулировать «всеохватывающий эволюционный закон», если они не в состоянии прийти к единому мнению об обосновании естественного отбора как ее «общего фактора»!

Следующее направление теоретической биологии, с помощью которого эволюционисты пытаются спасти макроэволюцию, – это систематика. Систематика – нормальный эмпирический раздел биологии, в основу которого гений этой науки К. Линней положил известный постулат: «Species tot numeramus, quot diversae formae in sunt creatae» – «Видов столько, сколько различных форм было сотворено». Современные эволюционисты «припрягли» живую науку – систематику (вместе с генетикой) в коляску под названием «синтетическая теория эволюции». И очень показательно то, что самые высокоодаренные представители эволюционистов видят всю нелепость такого паразитирования макроэволюции на систематике. Так, анализируя сущности систематики и филогении (эволюции), советский биолог В.Н. Беклемишев высказывался о том, что под воздействием теории Дарвина в умах биологов произошло смешение систематики с возникшей на почве этой теории филогенетикой (=теорией эволюции)¹. Крупнейший эволюционист академик В.Н. Беклемишев, основоположник сравнительной анатомии беспозвоночных животных, скончался в 1962 г., но его работа «Методология систематики» была опубликована только в 1994 г. Во времена господства атеизма такие «камешки в огород» эволюции Дарвина и «филогенетического древа» были недопустимы.

Ниже нами приводится прямая речь этого ученого, которая так и просится в длинный список цитат знаменитых эволюционистов об эволюции, издаваемых Христианским научно-апологетическим центром в г. Симферополе: «Два большие недоразумения возникли во время Дарвина и трансформистской школы во взаимоотношениях между систематикой и историей. Одно – в ущерб систематике, другое – в ущерб истории. Оба основаны на полном смешении обеих дисциплин и их методов. Первое из этих недоразумений – подмена системы (*систематики – авт.*) филогенией (*эволюцией – авт.*), второе – применение методов систематики к восстановлению прошлых событий»

¹ Эпштейн В.М. Теория систематики в книге В.Н. Беклемишева «Методология систематики» // Системный подход в современной науке. – М.: Прогресс – Традиция, 2004. – С. 459–477.

(с. 80). «Настоящая путаница воцарилась в середине XIX в.: к этому времени в области биологии происходит огрубление мысли: головы человеческие не смогли как следует переварить массы хлынувших фактов, и ввиду этого были приложены все усилия, чтобы затискать их хоть в какие-нибудь грубые, но наглядные схемы. Тогда-то и произошла подмена систематики филогенией: вместо системы достаточно стало иметь родословное дерево организмов»¹.

Разумеется, такая подмена систематики эволюцией – это свободная воля и нравственный выбор материалистически ориентированных ученых. Нам как естественникам очень понятен крик души честного биолога В.Н. Беклемишева: «Положение самое напряженное. Форма систематики как науки не осознана, актуально не существует. А между тем содержание уже готово, материал лежит, затисканный в чуждые ему формы генеалогии... Нельзя дольше терпеть состояние, когда имеется мнимая наука филогении (*выделено нами*), лишенная фактов, не объединенных в систему»².

Такое эклектическое смешение разных наук в биологии в пользу «теории эволюции» началось с легкой руки Э. Геккеля, изобразившего плод своей фантазии – «филогенетическое древо», которое, как известно, повергло в ужас самого Дарвина³.

В.Н. Беклемишев высказывает обоснованное сомнение в том, что «филогенетика вообще является частью систематики»⁴. Этот крупнейший эволюционист пишет: «Систематика, в частности систематика линнеевских организмов, представляет самостоятельную проблему, которая и разрешаться должна независимо от вопроса о генезисе, об исторической преемственности форм»⁵.

Конечно же, систематика – это как раз то теоретическое направление биологии, которое отражает ее истинный научный статус. По словам В.Н. Беклемишева, «в биологии систематика составляет, может быть, главный господствующий элемент» (с. 80). С нашей точки зрения, систематика, как и всякая наука, по образному выражению осно-

¹ Цит. по: В.М. Эпштейн. – С. 473.

² Там же. – С. 460–461.

³ Сидоров Г.Н., Шустова О.Б. Методологический подход к видовому разнообразию в свете двух научно-исследовательских парадигм // Человек и христианское мировоззрение. Свобода и ответственность: альманах. – Вып. 11. – Симферополь, 2006. – С. 276.

⁴ Цит по: Эпштейн В.М. – С. 471–472.

⁵ Там же. – С. 475.

воположника эмбриологии К.М. Бэра, – только расшифровка одной несколько раз повторяемой фразы Творца: «Да будет» (Быт. 1, ст. 3–26).

На уровне дифференциации видов наука систематика почти всегда была объективна, как объективно и представление о виде. По определению Дж. Рея, «вид – это совокупность тождественных друг другу организмов, способных давать подобное себе плодовитое потомство»¹. Более высокие систематические категории: род, семейство, отряд, класс и другие субъективны, то есть придуманы людьми для удобства упорядочивания живых организмов. Но чем ближе человек – «владыка над делами рук Творца» (Пс. 8, ст. 7) подходит к расшифровке творческих актов Создателя, тем в большей и большей степени наука систематика становится объективной. На фоне таких представлений естественно-научной апологетики само собой отпадет необходимость строить «слоновьи», «лошадиные», а заодно и «человеческие» филогенетические ряды, которые так греют души эволюционистов! Может тогда не стоит задаваться вопросом о предках большой панды – кем на самом деле они являются – медведями или енотами?! Вернее всего, панда и была создана изначально такой, какой мы ее привыкли видеть! Академическая свобода в данном случае лишь способствует, но никак не препятствует нравственному выбору современных ученых-биологов.

Таким образом, такие теоретические науки биологии, как генетика и систематика, вполне адекватно расшифровывают творческие акты Создателя. А «эволюционное учение = филогения» цепляется к той и другой науке и пытается перемешать «зерна и плевелы» в одном сосуде. Напрашивается вывод, что современные эволюционисты (=филогенетики), пользуясь таким методологическим подходом, пытаются выжить сами как деятели науки и отстоять эволюционное учение как научное направление.

4.4. Современный подход к проблеме рациональности и его значение в биологии

Наука – сфера человеческой деятельности, в задачу которой входит выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о

¹ Завадский К.М. Учение о виде. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1961. – С. 11.

действительности. Научная объективность знания всегда была тесно связана с представлениями о рациональности, которая прошла три периода развития.

Классическое представление о рациональности охватывает период с XVII по XIX в. Идеалом науки было построение абсолютно истинной картины природы. Классический идеал чистого разума не желал иметь ничего общего с человеком – носителем разума. В рамках классического понимания истина – одна, а заблуждений – много, и эта единственная истина непременно победит заблуждения.

Неклассическая *научная рациональность* оформилась в результате открытия теории относительности Эйнштейна. Этот тип рациональности учитывает динамическое отношение человека к реальности, в которой большое значение приобретает его активность. Возникает понимание того, что субъект познания связан с определенной научной традицией, а знание относительно по отношению к реальности и средствам познания.

Постнеклассический тип рациональности характеризуется соотношением знания не только с активностью субъекта и со средствами познания, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности. Человек входит в картину мира не просто как активный ее участник, а как системообразующий фактор. Мышление человека с его целями и ценностными ориентациями несет в себе характеристики, которые сливаются с предметным содержанием объекта¹.

Рациональности обычно противопоставляется мифология. Мифологию определяют как способ осмысления действительности на ранней стадии человеческой истории. Однако в настоящее время различают классическую мифологию как тип культуры, базирующийся на архаичных формах мировосприятия, и современную мифологию, как феномен, представляющий собой вкрапление мифа в немифологическую культурную традицию в результате сознательного целеполагания². В области биологии, к примеру, это миф о «торжестве мичуринской генетики», которая якобы намного обогнала «буржуазную генетику», а также о «происхождении клеток из живого неклеточного вещества» (см. раздел 1.3). Оба эти мифа, как известно, дорого обошлись биологии в СССР, отбросив ее почти на полвека назад. На этих

¹ Лешкевич Т.Г. Философия науки. – М.: ИНФРА-М; 2006. – С. 164–166.

² Мифология // Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. – Минск, 2003. – С. 634.

конкретных примерах мы видим, что наука, воспринимавшаяся в течение трех столетий в качестве идеала рациональности, далеко не всегда соответствует данному критерию.

А.Ф. Лосев, говоря о взаимоотношении науки и мифологии, пишет: «Наука мифологична, не только первобытная, но и всякая. Если наука сама по себе не мифологична, то это отвлеченная, никуда не применяемая наука. Когда наука разрушает миф, то это значит только, что одна мифология борется с другой мифологией. Чистая наука тут ровно не при чем. Она применима к любой мифологии как более или менее частный принцип»¹.

Плюрализм подходов к анализу рациональности дает положительные результаты, которые одновременно выступают как ориентиры для дальнейшего исследования. Современная философская мысль все более склоняется к убеждению в многообразии рациональностей, их исторической обусловленности. Различные виды рациональностей – это не альтернативы, а грани единого человеческого разума.

Попытки нахождения нового критерия научной рациональности принадлежат, прежде всего, представителям западной философии, которые начинают отступать от категорического отождествления рациональности с рациональностью науки. Эта традиция охватывает многообразные теории, авторы которых отличаются по своим общефилософским установкам.

Большой вклад в развенчание идеи науки как единственного источника рациональности был внесен постпозитивистами. Постпозитивизм возник в результате критического пересмотра методологических принципов неопозитивизма. Постпозитивистов интересуют вопросы возникновения новых теорий и распространения их в научном сообществе, а также признание или непризнание каких-либо теорий. В целом постпозитивизм, сосредоточиваясь на критике общих фундаментальных основ всех форм и этапов позитивистской традиции, решительно отвергает претензии позитивизма на то, чтобы стать единственной научной философией и философией науки. Основные его идеи сформулированы на рубеже 50–60-х гг. М. Полани, К. Поппером и Т. Куном и развиты в работах И. Лакатоса, П. Фейерабенда, С. Тулмина, Л. Лаудана.

М. Полани был первый, кто отметил, что большая роль в структуре научных теорий отводится **личностному знанию**. Личностное,

¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Наука. 1990. – С. 407.

или неявное, знание – познание объекта исходя из наших представлений о нем как о части целого. Неявное знание, согласно Полани, не допускает полной экспликации и транслируется через непосредственное обучение мастерству научного поиска и личные контакты ученых. Научный опыт, по Полани, обусловлен страстным желанием исследователя достичь научной истины, то есть личностно окрашен¹.

К. Поппер – автор метода фальсификации научных теорий, отвергал существование критерия истины, поскольку, даже случайно натолкнувшись на истину в своем научном поиске, мы не можем с уверенностью сказать, что это истина. Любую фантазию можно представить в непротиворечивом виде, а ложные верования часто находят подтверждения. «Нельзя выделять истину в научном знании», – говорит Поппер, – «но постоянно выявляя и отбрасывая ложь, можно приблизиться к истине»².

П. Фейерабенд исходит из концепции свободного общества, где «все традиции имеют равные права». Он отстаивает научный и мировоззренческий плюрализм, согласно которому развитие науки предстает как хаотическое нагромождение произвольных переворотов, не имеющих рационального объяснения. П. Фейерабенд писал: «Наука гораздо ближе к мифу, чем готова допустить философия науки»³.

Американский философ и методолог Л. Лаудан отказывается от попыток связать историю науки с процессом приближения к истине. Понятие «приблизительной истины» приводит, по мнению Лаудана, к замкнутому кругу, поскольку необходимо знать, к чему нужно приближаться, поэтому истинностные оценки неприемлемы. Тем не менее, выбор между парадигмами и теориями является рациональным процессом, поскольку принимаемые учеными нормы могут быть подвергнуты критической оценке с точки зрения более прогрессивной традиции. Эту способность Лаудан называет эмпирической адекватностью. Поэтому развитие науки можно представить как увеличение эмпирической адекватности⁴.

Американский логик и философ Х. Патнэм считает, что единственным критерием истинности высказывания может служить его ра-

¹ Полани М. Личностное знание на пути к посткритической философии. – М.: Мысль, 1985. – С. 68.

² Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Мысль, 1983. – С. 53.

³ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 513.

⁴ Лаудан Л. Наука и ценности // Современная философия науки: знания, рациональность, ценности в традиционной мысли Запада. – М., 1996. – С. 221–246.

циональная приемлемость или гарантированная подтверждаемость. Истина плюралистична, различные реальности не чужды друг другу, поэтому возможно взаимопонимание между людьми¹.

Английский философ В. Ньютон-Смит считает, что теоретические положения истинны или ложны в зависимости от того, каким оказался мир сам по себе. Поэтому можно рационально решить, какая из теорий ближе к истине. Ньютон-Смит полагает, что исторически сложившаяся последовательность теорий такова, что они располагаются по мере большего приближения к истине².

Таким образом, постнеклассическая трактовка истины признает не только наличие субъекта в социальной реальности, но и его практическую роль в конструировании самой реальности. Мышление человека с его целями и ценностными ориентациями несет в себе характеристики, которые сливаются с предметным содержанием объекта. Субъектом познания в таких концепциях чаще всего выступает общество. Объективность знания во всех моделях научной рациональности достигается стремлением субъекта познания к воспроизведению научной реальности.

Рациональному подходу ранее противопоставлялся подход религиозный, который всегда рассматривался как разновидность мифологического. Религиозное знание базируется на вере и с материалистической точки зрения устремляется за пределы рационального в сферу сверхъестественного. Оно базируется на откровении и на авторитете догматов. Однако еще в средневековой Европе выделялся религиозный тип рациональности, подчиненный рациональному обоснованию веры и разумному объяснению религиозных догматов. Культура средневековых диспутиаций подготовила аппарат логической доказательности и обоснования, переход от неформализованных к формализованным формам рациональности³.

Вера – основное понятие религии – является в то же время важнейшим компонентом духовного мира человека и элементом познавательной деятельности. Существует несколько понятий веры.

Вера (в пер. с лат. *истина*) – это глубокое, искреннее, пронизанное эмоциями принятие какого-то положения или представления, иногда предполагающее определенные рациональные основания, но

¹ Патнэм Х. Философия и человеческое понимание // Современная философия науки. – С. 295.

² Ньютон-Смит В. Рациональность науки // Современная философия науки... – С. 246.

³ Лешкевич Т.Г. Философия науки. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 164.

обычно обходящееся без них. Вера позволяет признать некоторые утверждения достоверными и доказанными без критики и обсуждения¹. Религиозная **вера** есть поклонение надчеловеческим духовным силам (С.Н. Трубецкой).

И. Кант различал веру в собственном смысле слова и историческую веру. **Вера** в собственном смысле – это то, что не определено объективными, не зависящими от природы и интереса субъекта основаниями истинности. **Вера** в историческом смысле – это принятие истины по свидетельству других².

Н.А. Бердяев определил веру как обличение вещей невидимых, в противоположность знанию, как обличение вещей видимых³.

Вера, как доинтеллектуальный акт, предшествовала появлению знания. Поэтому соотношение знания и веры не может быть решено в пользу одного или другого. В широком контексте вера обычно противопоставляется рационализму. Однако некоторые философы (В.П. Горан) различают **гносеологический рационализм**, который смыкается с мистико-иррационалистической ориентацией, и **мировоззренческий рационализм**, в основе которого лежит сенсуализм, признающий, что объекты материального мира, воздействующие на органы чувств, есть единственный источник сведений об окружающем мире⁴.

Современные парадигмы познания в различных науках, соединяющие научный и вненаучный подходы, предстают во множестве вариантов. Раньше от науки ожидали объяснений и предсказаний. В настоящее время эти функции не признаются в качестве находящихся исключительно в компетентности науки. Науке также вменяется в обязанность рефлексия и призывание к духовной ответственности. Из всего вышесказанного следует, что позиции демаркационных аргументов, используемых эволюционистами для доказательства своей теории, изрядно пошатнулись. Л. Лаудан называет это «концом демаркационной проблемы». Он пишет: «Если мы хотим придерживаться здравого смысла, нам следует отбросить термины типа «псевдонаука» и «ненаука»; это всего лишь пустые фразы, отражающие

¹ Вера // Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2004. – С. 814.

² Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – С. 230.

³ Бердяев Н.А. Самопознание. – М.: Книга, 1991. – С. 115.

⁴ В.П. Горан. Джон Локк и новоевропейский рационализм // Вестник НГУ. Философия. – 2005. – Т. 3, вып. 1. – С. 121.

наши эмоции; и в этом качестве они пристали скорее риторикам и политикам, нежели исследователям»¹.

Мир, в котором истина одна, а заблуждений много, прекратил свое существование. Все изменения научных теорий получают релятивистскую трактовку. Наряду с истиной и истинами появляется множество правд: как научных, так и вненаучных представлений об истинном и должном. Данный плюралистический философский подход очень хорошо передан в стихотворении А.К. Толстого «Правда», написанном еще в 1858 г.:

Ай ты, гой еси, правда-матушка!
Велика ты, правда, широка стоишь!
Ты горами поднялась до поднебесья,
Ты степями государыня раскинулась,
Ты морями разлилася синими,
Городами изукрасилась людными,
Разрослася лесами дремучими!
Не объехать кругом тебя во сто лет,
Посмотреть на тебя – шапка валится!

* * *

Поскакали добры молодцы,
Все семеро братьев удалых,
И подъехали к правде с семи концов
И увидели правду с семи сторон...
И, вернувшись на свою родину,
Всяк рассказывал правду по-своему;
Кто горой называл ее высокою,
Кто городом людным торговым,
Кто морем, кто лесом, кто степию.
И поспорили братья промеж собой,
И вымали мечи булатные,
И рубили друг друга до смерти,
И рубяся, корились, ругались,
И брат брата звал обманщиком.
Наконец полегли до единого
Все семеро братьев удалых;
Умирая ж, каждый сыну наказывал,

¹ L. Laudan. "The Demise of the Demarcation Problem" (Buffalo? N.Y: Prometheus Books, 1988). – P. 133–143.

Рубитися наказывал до смерти,
Полеги за правду за истину;
То ж и сын сыну наказывал,
И доселе их внуки рубятся,
Все рубятся за правду за истину,
На великое себе разорение.

Все вышесказанное как нельзя лучше характеризует развитие биологии. Гносеологическим идеалом научной рациональности всегда выступает теория, поскольку именно здесь достигаются всеобщность, системность, конкретность и объективность. К необходимости пересмотра концепции рациональности в биологии привело реальное изменение самих естественно-научных теорий. Была предпринята попытка подтверждения преимущества гносеологического статуса научной теории в биологии, а также методов создания научных теорий. Одна из важнейших эпистемологических проблем биологии состоит в осмыслении идеалов и норм построения теории, поскольку считалось, что науку можно отделить от ненауки ссылкой на несомненные факты, которые впоследствии складываются в неоспоримую теорию¹. В методологии естественных наук доминировал индуктивистский подход, согласно которому наиболее общие положения естественных наук непосредственно выводятся из опытных данных путем прямых индуктивных обобщений. Этот упрощенный взгляд отвергнут в современной философии науки. Данное обстоятельство нашло отражение в четко сформулированном высказывании А. Эйнштейна: «Нет логического пути, ведущего от опытных данных к теории». В отличие от математиков ученые-естественники редко обеспечивают строгие логические выводы (дедуктивные доказательства) для обоснования своих теорий². Напротив, в естественно-научных аргументах, в частности в «многочисленных доказательствах» синтетической теории эволюции, прежде всего, задействованы индуктивные выводы, о которых мы упоминали выше. Это биогенетический закон, основанный на данных эмбриологии, вывод о происхождении от общего предка по данным морфологии, построение «древа жизни» и «родословного древа человека», основанные на данных палеонтологии и др. Но увеличение количества опытов само по себе не делает эмпирическую за-

¹ Meyer, Stephen C. Of Clues and Causes: A Methodological Interpretation of Origin of Life Studies. Ph. D. thesis, Cambridge University, 1990. – P. 23.

² Там же.

висимость достоверным фактом, поскольку индукция всегда имеет дело с незаконченным, неполным опытом. Об этом свидетельствуют также многочисленные вышеупомянутые эксперименты по синтезу высокомолекулярных органических соединений с целью доказательства происхождения живого из неживого (гл. 1). По словам Л. Лаудана, попытки разграничить науку и ненауку претерпели изменения. Демаркационные критерии стали не гносеологическими, а методологическими¹. Этот подход также столкнулся с затруднениями, поскольку стало повсеместным расхождение во мнении, что же представляет собой научный метод². То, что называлось в естественных науках «диалектическим методом», себя не оправдало: «Телеологический характер диалектики не согласуется с понятием закона природы, играющим центральную роль в методологии естественных наук»³. Диалектическая рациональность представляет собой особый тип рациональности, несовместимый, в частности, с рациональностью естественно-научного мышления и ведущий к неразрешимым парадоксам⁴.

4.5. Научный и философский статус эволюционизма и креационизма

Итак, современной биологией пока еще не решены в достаточно полном объеме проблемы возникновения жизни на Земле, видообразования и происхождения человека. Варианты, предлагаемые материалистически ориентированными эволюционистами и креационистами, активно обсуждаются в западной философской и биологической литературе, в то время как в отечественной науке они, как правило, либо игнорируются, либо считаются не заслуживающими серьезного внимания. Причина такого отношения к проблеме в том, что в стране почти векового господства диалектического материализма иной подход в науке просто не принимался.

Разумеется, если считать материализм неотъемлемым свойством всякой научной гипотезы, то креационная гипотеза происхождения видов и антропогенеза никогда не будет признана научной. Если исключить альтернативные теории еще до того, как им будет дана

¹ L. Laudan. The Demise of the Demarcation Problem. – P. 133–143.

² Там же.

³ Диалектика // Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2004. – С. 234.

⁴ Там же.

оценка, то оставшиеся теории могут легко и незаслуженно овладеть умами. Теории, завоевывающие признание в искусственно созданных условиях, не могут быть объявлены ни «скорее всего верными», ни «эмпирически более адекватными». Они могут считаться только «наиболее вероятными или адекватными при искусственно созданном ограниченном выборе»¹. С философской точки зрения, не может быть одна теория верна, а другая неверна лишь по той причине, что первая материалистическая, а другая – идеалистическая, если обе они в своей основе метафизичны и их общим свойством является недостаточность доказательной базы. Настаивать на противоположном – значит, утверждать, что материализм находится в метафизически привилегированном положении². «Ситуация, когда научные мужи бросаются на защиту доктрины, которую не могут ни научно определить, ни тем более продемонстрировать, и пытаются при этом поддерживать доверие к ней, затыкая рты критикам и обходя острые углы, – такая ситуация в науке ненормальна и крайне нежелательна»³.

В настоящее время в биологии сложилась следующая ситуация. Креационизм, в прошлом приравнивавшийся к церковному мракобесию, а ныне рассматриваемый как идеалистическое философское направление, наукой пока не признается. Эволюционное учение же, напротив, очень неохотно наделяется философским статусом, но почти во всех источниках (учебных и справочных) неизменно преподносится как чистая наука, «доказанная фактами».

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости глобального пересмотра философских подходов к естественно-научным проблемам, в частности в биологии. Данная необходимость продиктована коренными изменениями в философии науки по вопросам философского статуса научной рациональности, ее взаимоотношения с другими формами рациональности и проблеме синтетического рационального подхода в науке. Так называемая «научная рациональность», подразумевающая материалистически ориентированный подход, является далеко не единственной, «заслуживающей уважения». Понятия «междисциплинарности» и «системности» также являются

¹ Meyer, Stephen C. *Of Clues and Causes: A Methodological Interpretation of Origin of Life Studies*. Ph. D. thesis, Cambridge University, 1990.

² Там же.

³ A.D. Kline, “Theories, Facts and Gods: Philosophical Aspects of the Creation-Evolution Controversy”, in *Did the Devil Make Darwin Do It?* ed D.B. Wilson (Ames: Iowa State University Press, 1983). – P. 37–44.

лишь философскими обоснованиями для получения желаемого результата. И, наконец, данный пересмотр продиктован необходимостью возвращения исконно-философского смысла базовым философским понятиям диалектики и метафизики, поскольку эти понятия в конечном итоге расставляют по своим местам представления об «эволюционизме» и «креационизме».

Дело в том, что с философской точки зрения понятия «диалектика» и «эволюционизм» тождественны по своему значению и означают развитие от более простого к более сложному и совершенному. Следовательно, «эволюция» – это философская категория, применяемая в биологии и, несмотря на попытку синтеза ее с другими науками, философская основа в ней доминирует. А из этого следует, что понятия «эволюционизм» и «креационизм» равноценны не только с научной точки зрения, поскольку опираются на одни и те же эмпирические факты, но также и с философской. Философский смысл симбиоза понятий «диалектика» и «эволюция» в биологии состоит в том, что **биологическая эволюция – это метафизически-обусловленная диалектика**. То есть «диалектическая» эволюция, произрастая корнями из метафизики и в метафизику же уходя вершинами своих ветвей, тем не менее, упорно пытается построить реалистичную картину «происхождения жизни», «происхождения видов» и т.д. Однако, как совершенно верно подметил П. Фейерабенд, «аргументы в пользу реализма становятся эффективными только тогда, когда основное допущение реализма уже принято»¹. Эти же соображения позволили и философу К. Попперу прийти к следующему заключению: «Я пришел к выводу, что дарвинизм – не научная теория, которую можно проверить, а **метафизическая исследовательская программа**, которая может стать основой для проверки научных теорий... Не думаю, что дарвинизм способен объяснить возникновение жизни. Не исключено, что жизнь – вещь до такой степени невероятная, что вообще невозможно «объяснить», почему она возникла»².

Нельзя не отметить, что ученому, да и вообще образованному человеку, десятилетиями испытывавшему прессинг со стороны диалектико-материалистического учения и атеистического наследия советской эпохи в средней школе и вузе, в научной литературе и научных

¹ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – С. 520.

² Karl Popper, *Unended Quest: An Intellectual Autobiography*, rev. ed. (London: Fontana / Collins, 1976). – P. 167–169.

кругах, далеко не просто перестроиться на новые философские позиции. Вдобавок постоянно выходят из печати публикации, в которых преподносятся новые, якобы подтверждающие эволюцию факты. Но никаких «новых» подтверждений теории эволюции до сих пор как не было, так и нет: это все равно, что находить новые подтверждения марксистско-ленинской теории классовой борьбы, опираясь на данные археологических раскопок различных эпох или теоретического существования Атлантиды, исходя из находок на морском дне продырявленных камней. Все «новые доказательства», как правило, ограничиваются сообщениями о палеонтологических находках ранее неизвестных представителей того или иного класса, которые пытаются представить в качестве «недостающего звена» или переходной формы, немедленно включая данную особь в «родословное древо» рептилий, птиц, млекопитающих или человека. Идут в ход также генетические манипуляции. В 2008 г. по ТВ показывали документальный фильм об эволюции, где демонстрировали дрозофилу с ногой, выращенной в области головы насекомого. При этом параллельно постоянно демонстрировали компьютерную версию древнего ископаемого беспозвоночного – **опабинию**, у которой на голове имелось нечто похожее образование. Это ископаемое, обнаруженное в 1909 г. Ч.Д. Уолкоттом, было найдено в бургесских сланцах кембрийского периода¹. Вот, дескать, до чего дошла наука! Тут рукой подать до получения нового, совершенно иного вида! Однако дрозофила как была дрозофилой, так и осталась. Хоть с ногой вместо головы, хоть с двумя или тремя головами: даже при приобретении уродливой формы, содержание ее не меняется.

Как пишет старший научный сотрудник палеонтологического института РАН К.Ю. Еськов в своей новой монографии: «Мы теперь находимся в сфере мифологии, можно ни в чем себе не отказывать»². Далее он поясняет: «Мы можем дальше по собственному усмотрению населять прошлое атлантами и лемурийцами..., а можем, наоборот, отрицать существование всего, что не упомянуто – черным по белому – в Ветхом Завете»³. Однако сам Еськов также предпочитает «ни в чем себе не отказывать», поскольку в его монографии приводятся такие рассуждения: «Существует ряд доводов в пользу того, что амфи-

¹ Бейли Дж., Седдон Т. Доисторический мир. – М.: Росмэн, 1995. – С. 57.

² Еськов К.Ю. Удивительная палеонтология. – М.: НЦ ЭНАС, 2007. – С. 19.

³ Там же. – С. 19.

бии, стоящие в основании соответствующих рептилийных стволов, ведут происхождение от разных групп кистеперых. Если эта гипотеза подтвердится, то окажется, что **тероморфы** (звероподобные) и **завроморфы** (ящероподобные) разошлись даже не на «амфибийном», а еще на «рыбном» уровне!»¹.

Нельзя не отметить, что подобные рассуждения представляют собой чистую демагогию. Действительно, можно до бесконечности под предлогом «научной рациональности» строить «родословные древа» и эволюционные схемы и считаться вполне продвинутым ученым-эволюционистом, заведомо зная, что такие разработки глубоко субъективны и метафизичны, как и все, что было сделано до него в этой области. Поскольку невозможно опровергнуть эмпирическими наблюдениями то, что не поддается проверке в принципе. Также можно демонстративно не обращать внимания на взгляды и разработки ученых-креационистов, считая их несерьезными «религиозно-просветительскими брошюрами»². Можно незаслуженно продолжать замалчивать достижения величайшего ученого-креациониста – зоолога и палеонтолога Ж. Кювье, упоминая о нем вскользь и критикуя лишь «недостатки» его теории катастроф. Можно упорно продолжать причислять к лагерю эволюционистов знаменитого ученого К.М. Бэра. Можно не обращать внимания на конструктивную критику биогенетического закона Мюллера – Геккеля. Можно, наконец, никогда не вспоминать о заключительной фразе, венчающей труд Ч. Дарвина «Происхождение видов», и многое другое.

Однако в таком случае не стоит с удивительным упорством апеллировать в данном вопросе к папской энциклике Второго Ватиканского собора, якобы признавшей, что «теория Дарвина верно трактует вопросы происхождения человеческого тела»³. Взгляды римского папы в этом отношении ничем не отличаются от взглядов прочих дилетантов в этом вопросе: если «наука доказала», то спорить с ней бессмысленно! На месте членов Ватиканского собора следовало бы воздержаться от подобных суждений: кому как не им, хорошо разбирающимся в вопросах философии по всем направлениям, понимать, что понятия «верно» или «неверно» в данном случае звучат, по меньшей мере, некорректно.

¹ Еськов К.Ю. Удивительная палеонтология. – М.: НЦ ЭНАС, 2007. – С. 166.

² Там же. – С. 222.

³ Еськов К.Ю. Применять с осторожностью, беречь от детей! // Человек. – 2000. – № 1. – С. 183; Еськов К.Ю. Удивительная палеонтология. – С. 19.

Выдающийся биолог Х. Мэтьюз – автор предисловия к дарвиновскому «Происхождению видов», писал: «Сколько биологов, воспринимая эволюцию как факт, задумывались при этом, что наука строится на теориях, истинность которых доказана экспериментально, и вспоминали, что теория эволюции животных так и не была доказана? Факт эволюции – основа биологии; следовательно, биология находится в несколько щекотливом положении науки, основанной на недоказанной теории. Что же это в таком случае – наука или вера? Вера в теорию эволюции, таким образом, совершенно равнозначна вере в сотворение мира – сторонники и той и другой концепции полагают, что именно их вера истинна, но ни та, ни другая не доказаны по сей день»¹.

В заключении нашей работы, сошлемся на следующее высказывание: «Поскольку научные данные не способны к автоматической самоорганизации, к ним необходимо применять пояснительные структуры, которые сами по себе превосходят эти данные. Все попытки объяснения или толкования представляют собой до некоторой степени насилие над этими данными. И здесь опять-таки встает вопрос об адекватности сугубо материалистических структур»². И поскольку наука никогда не была изолирована от других областей познания, в особенности философии и теологии, «внешние концептуальные проблемы позволяют интеллектуальным проблемам из других сфер проникать в науку, когда приходит время оценить научную теорию с точки зрения ее эффективности»³.

Напоследок приведем еще одну цитату Р. Джестроу – всемирно известного астронома, директора Института космических исследований Годдарда: «Все попытки ученых исследовать прошлое неизменно упираются в момент сотворения. Похоже, что наука никогда не сумеет сорвать покров с этой тайны. Для ученого, живущего верой в могущество разума, эта история напоминает сказку со страшным концом. Он стремился ввысь, он преодолел пропасть невежества, он уже покорил высочайший пик, последнее усилие – и вдруг на вершине его

¹ L. Harrison Matthews, introduction to C. Darwin, *The Origin of Species by Means of Natural Selection* (London: J.M. Dent & Sons 1976). – P. 10–11.

² Энкенберг Дж., Уэлдон Дж. Рациональное исследование и сила научных данных: новые горизонты? // *Гипотеза творения / под ред. Дж. П. Морлэнда*. – Симферополь, 2000. – С. 239.

³ Морлэнд Дж. П. Теистическая наука и методологический натурализм // *Гипотеза творения*. – С. 47.

радостно приветствует толпа богословов, которые, оказывается, сидят там уже много веков»¹.

¹ Jastrow R. *God and Astronomers* (New York: Norton, 1978). – P. 113–114.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях современной России на фоне смены экономического базиса видоизменяется и курирующая его политико-философская надстройка. Если в области философии и социально-гуманитарных наук непримиримость былого противостояния материализма и идеализма сглаживается относительно быстро, то фундамент естественно-научных исследований, опирающийся на философский постулат о первичности материи и вторичности сознания, подвергается критическому осмыслению сравнительно реже. В философской проблематике биологии выделяются два основных и противостоящих в своей мировоззренческой основе направления – эволюционизм и креационизм. В современной философской литературе появились ранее невозможные утверждения о том, что концепция креационизма может быть наделена научным статусом. Утверждается, что так называемый научный креационизм не только не противоречит науке, но может составлять базу для объективных исследований¹. Поскольку современные креационисты ведут активные исследования на общефилософской и конкретно-научной базе, постольку между двумя исследовательскими программами – материалистически ориентированным эволюционизмом и научным креационизмом ведется дискуссия, в результате которой может накапливаться богатый материал для эпистемологической оценки вопросов о происхождении и развитии жизни. Увеличивается число научных конференций и публикаций, а также телевизионных дискуссий, обсуждающих феномен сосуществования двух парадигм – креационизма и эволюционизма.

Здравый смысл и природа указывают, что Вселенную и сложность форм жизни, а также духовную природу человека невозможно объяснить без участия Высшего Разума. Например, научные данные указывают на то, что Вселенная имела начало. Р. Джестроу, высказывание которого мы цитировали выше, пишет: «Астрономы уже поняли, что загнали себя в угол, потому что доказали своими же собственными методами, что мир начался внезапно в результате акта творения. Более того, они обнаружили, что все это произошло под действием сил, распознать которые мы не смеем и мечтать»².

¹ Бетяев С.К. Размышление о креационизме // Вестник МГУ, 2003. – № 4. – С. 26–39; Шустова О.Б. Дис. ... канд. филос. наук. – Новосибирск: Ин-т философии и права СО РАН, 2006. – 172 с.

² Jastrow R. God and Astronomers (New York: Norton, 1978), pp. 15–16.

В настоящее время все большее количество ученых-философов приходит к выводу, что ни одно отдельно взятое мировоззрение не может стать совершенным философским обоснованием для объяснения всех сложностей существования Вселенной. Поэтому гораздо более продуктивным будет подход, при котором данные рассматриваются непредвзято и с применением богословских выводов. Необходим союз богословия с наукой. Так, философ науки, академик В.С. Степин считает, что для выработки новой системы ценностей необходимо установление согласия науки и религии в ходе конструктивного диалога¹. Теистическое мировоззрение представляет собой не менее адекватную концепцию научных данных, чем мировоззрение материалистическое: «Гипотеза творения не детально разработанная доктрина, ограничивающая свободу научного выбора, а метафизическая стартовая площадка для исследования»². Наука и теология – взаимодополняющие подходы к одной и той же реальности. Наука порождает метафизику, в контексте которой формулируется теология. А теология способна давать рационально обоснованные убеждения, на основе которых может оцениваться конкретная научная теория.

¹ Степин В.С. Наука, религия и современные проблемы диалога культур // Религия, миф, миф: современные философские исследования. – М., 1997. – С. 17.

² Джонсон Ф. Предисловие // Гипотеза творения / под. ред. Дж. П. Морлэнда. – С. 4.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абеляр Пьер*. Логика «для начинающих» / П. Абеляр. – М.: Прогресс: Гнозис, 1995. – 115 с.
2. *Августин А.* О Граде Божьем / А. Августин // Собр. соч.: в 4 т. – Т. I. – М., 1994. – С. 252–253.
3. *Аксенов Г.П.* О научном одиночестве Вернадского / Г.П. Аксенов // Вопросы философии. – 1993. – № 6. – С. 74–87.
4. *Аксенов Г.П.* Понятие живого вещества: от Бюффона до Вернадского / Г.П. Аксенов // Вопросы истории естествознания и техники. – 1988. – № 1. – С. 57–66.
5. *Алферов Т.* (Священник Тимофей). Православное мировоззрение и современное естествознание / Т. Алферов. – М.: Паломник, 2004. – 367 с.
6. *Аристотель*. Соч.: в 4 т. – М., 1976. – Т. 1. – 415 с.
7. *Астауров Б.Л.* Николай Константинович Кольцов / Б.Л. Астаурова, Н.Ф. Рокитский. – М.: Наука, 1975. – 167 с.
8. *Бабков В.В.* Эволюционный и развитый подход в трудах русских биологов / В.В. Бабков // Эволюционная биология: материалы конференции «Проблема вида и видообразование» / Томский гос. ун-т; под ред. В.Н. Стегния. – Томск, 2001. – Т. 1. – С. 5–28.
9. *Баев К.Л.* Происхождение миров / К.Л. Баев. – М.: Наука, 1946. – 235 с.
10. *Барг М.А.* Эпохи и идеи / М.А. Барг. – М.: Мысль, 1987. – 350 с.
11. *Бауден М.* Обезьяноподобный человек – факт или заблуждение? / М. Бауден. – Симферополь: Крымское об-во креационной науки, 1996. – 223 с.
12. *Бейли Дж.* Доисторический мир / Дж. Бейли, Т. Седдон. – М.: Росмэн, 1995. – 160 с.
13. *Берг Л.С.* Воздействие географического ландшафта на культурные растения и животных / Л.С. Берг // Тр. съезда по генетике. – Л., 1930. – Т. 2. – С. 107–112.
14. *Берг Л.С.* Номогенез или эволюция на основе закономерностей / Л.С. Берг // Тр. геогр. ин-та. – Петроград, 1922. – Т. 1. – 306 с.
15. *Берг Л.С.* Труды по теории эволюции / Л.С. Берг, 1930. – Л.; М.: Наука, 1977. – 260 с.
16. *Бергсон А.* Творческая эволюция / А. Бергсон. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – 383 с.
17. *Бердяев Н.А.* Самопознание / Н.А. Бердяев. – М.: Книга, 1991. – 445 с.
18. *Бернал Д.Д.* Возникновение жизни / Д.Д. Бернал. – М.: Наука, 1969. – 391 с.
19. *Бетяев С.К.* Размышление о креационизме / С.К. Бетяев // Вестник МГУ. – 2003. – № 4. – С. 26–39.
20. *Библейская энциклопедия* / Архимандрит Никифор. – М.: Типография Снегиревой, 1891. – 902 с. Репринтное издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990.
21. *Библейская энциклопедия* / под ред.: А. Архипова, С. Твердовского. – М.: Российское библейское общество, 1996. – 352 с.

22. *Библия*. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. – М.: Изд-во Московской патриархии, 1979. – 1372 с.
23. *Блаватская Е.П.* Тайная доктрина / Е.П. Блаватская. – Т. 2. – Ч. 1. – 1008 с.
24. *Блюменштайн Р.Дж.* Гоминиды-падальщики и эволюция человека / Р.Дж. Блюменштайн, Дж. А. Кавалло // В мире науки. – 1992. – № 11–12. – С. 176–183.
25. *Бобринский Н.А.* География животных / Н.А. Бобринский, Н.А. Гладков. – М.: Изд-во Мин-ва просвещения, 1961. – 287 с.
26. *Богданова Т.Л.* Биология / Т.Л. Богданова, Е.А. Солодова. – М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2002. – С. 285–286.
27. *Большая советская энциклопедия*. Статьи: Антропогенез. – Т. 2 – С. 99; Бауэр Эрвин. – Т. 3. – С. 50; Бог. – Т. 3. – С. 440–441; Ванини. – Т. 4. – С. 289; Вечный двигатель. – Т.4. – С. 599; Второе начало термодинамики. – Т. 5. – С. 495–496; Открытые системы. – Т. 18. – С. 619; Пилтдаун. – Т. 19. – С. 534; Пригожин на теорема. – Т. 20. – С. 566; Робине Жан. – Т. 22. – С. 148; Термодинамика. – Т. 25. – С. 481–482; Термодинамика неравновесных процессов. – Т. 25. – С. 482–483; Человек. – Т. 29. – С. 52; Швальбе. – Т. 29. – С. 313; Шейхцер. – Т. 29. – С. 367. – М.: Сов. энциклопедия, 1970–1976.
28. *Борзенков В.Г.* Л. фон Бергаланфи и развитие идей теоретической биологии в XX в. / В.Г. Борзенков // Системный подход в современной науке. – М., 2004. – С. 427.
29. *Борзенков Я.А.* Исторический очерк направлений, существующих в зоологических науках в XIX столетии / Я.А. Борзенков. – М., 1881. – С. 59–61.
30. *Бородай Ю.М.* Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания / Ю.М. Бородай. – М.: Наука, 1993. – 232 с.
31. *Брэдли У.Л.* Информация и возникновение жизни / У.Л. Брэдли, Ч.Б. Тэкстон // Гипотеза творения / под ред. Дж. П. Морлэнда. – Симферополь, 2000. – С. 167–208.
32. *Буко А.* Эволюция и типы вымирания / А. Буко. – М.: Мир, 1979. – 318 с.
33. *Бутовская М.Л.* У истоков человеческого общества. Поведенческие аспекты эволюции человека / М.Л. Бутовская, Л.А. Файнберг; РАН. Ин-т этнологии. – М.: Наука, 1993. – 252 с.
34. *Буфеев К.* Православное вероучение и теория эволюции / К. Буфеев. – СПб.: Изд-во «Об-во Святителя Василия Великого», 2003. – 495 с.
35. *Вавилов Н.И.* Закон гомологичных рядов и наследственной изменчивости / Н.И. Вавилов. – М.: Наука, 1987. – 235 с.
36. *Василий Великий*, свт. Беседы на шестоднев // Творения. – Ч. 1. Свято-Троицко-Сергиева Лавра, 1990. – С. 35.
37. *Вернадский В.И.* Автотрофность человечества / В.И. Вернадский // Биогеохимические очерки. – М., 1940. – 49 с.
38. *Вернадский В.И.* Живое вещество. – М.: Наука, 1987. – 350 с.
39. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – 271 с.

40. *Вернадский В.И.* О биологическом значении некоторых геохимических проявлений жизни / В.И. Вернадский // *Природа*. – 1988. – № 2. – С. 33–38.
41. *Вернадский В.И.* Об условиях появления жизни на Земле / В.И. Вернадский // *Биогеохимические очерки*. – М., 1940. – 199 с.
42. *Вернадский В.И.* Проблемы биогеохимии / В.И. Вернадский // *Тр. биогеохим. лаборатории*. – М., 1980. – Т. XVI. – 104 с.
43. *Виланд К.* Камни и кости / К. Виланд. – М.: Паломник, 1998. – 45 с.
44. *Вильчек В.М.* Прощание с Марксом / В.М. Вильчек. – М.: Наука, 1993. – 222 с.
45. *Витализм* // *Биолог. энциклоп. словарь* / гл. ред. М.С. Гиляров. – М., 1995. – С. 98.
46. *Воронцов Н.Н.* Теория эволюции: итоги, постулаты и проблемы / Н.Н. Воронцов. – М.: Мысль, 1984. – 234 с.
47. *Вторая часть сочинения, называемая Новый Органон, или истинные указания для истолкования природы* / Ф. Бэкон // *Соч.*: в 2 т. – М., 1972. – Т. 2. – С. 272.
48. *Гайслер Н.* Непокколебимые основания / Н. Гайслер, П. Боккино. – Симферополь: Христианский научно-апологетический центр, 2003. – 400 с.
49. *Гендель М.* Космогоническая концепция Розенкрейцеров / М. Гендель // *Серия «Четвертый путь». Основной курс по прошлой эволюции человека, его нынешней конституции и будущему развитию: пер. с англ. изд. 1911.* – М.: Весь. – Т. 2. – 170 с.
50. *Гетеробатлия* // *Биолог. энциклоп. словарь* / гл. ред. М.С. Гиляров. – М., 1995. – С. 129.
51. *Головин С.Л.* Всемирный потоп: миф, легенда или реальность? Популярное введение в библейский катастрофизм / С.Л. Головин. – Симферополь: Христианский научно-апологетический центр, 2003. – 80 с.
52. *Головин С.Л.* Эволюция мифа / С.Л. Головин. – М.: Паломник, 2000. – 143 с.
53. *Гольбах П.А.* Система природы, или о законах мира физического и мира духовного / П.А. Гольбах. – М.: Соцэгиз, 1924. – 320 с.
54. *Горан В.П.* Джон Локк и новоевропейский рационализм / В.П. Горан // *Вестник НГУ*. – Т. 3, Серия Философия. – 2005. – Вып. 1. – С. 120–123.
55. *Горелов А.А.* Концепции современного естествознания / А.А. Горелов. – М.: Владос, 2000. – 511 с.
56. *Горман Дж.* Обзор книги «The Myths of Human Evolution» (Найл Элдридж, Йен Таттерсаль) / Дж. Горман. – Discover, январь, 1983. – С. 3–15.
57. *Горский Ю.М.* Основы гоместатики / Ю.М. Горский. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. эконо. академии, 1998. – 338 с.
58. *Греб К.* Шеренга великих биологов / К. Греб. – Торунь: Наша Ксенгарня, 1971. – 158 с.
59. *Гремяцкий М.А.* Происхождение человека / М.А. Гремяцкий. – М.: Знание, 1955. – 31 с.

60. *Гриненко Г.В.* История философии / Г.В. Гриненко. – М.: Юрайт, 2004. – 685 с.
61. *Грицанов А.А.* Тейяр де Шарден / А.А. Грицанов // Новейший философский словарь. – Минск, 2003. – С. 1021–1022.
62. *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – М.: Логос, 1994. – 546 с.
63. *Давыдовский И.В.* Выступление на совещании по проблеме живого вещества и развития клеток 22–24 мая 1950 г. / И.В. Давыдовский // Совещание по проблеме развития живого вещества и развития клеток: стенографический отчет. – М., 1951. – С. 135–140.
64. *Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора / Ч. Дарвин. – М.: Просвещение, 1987. – 384 с.
65. *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор / Ч. Дарвин. – СПб.: Кн. магазин и контора изданий О.Н. Поповой, 1899. – 425 с.
66. *Дарвин Э.* Храм природы / Э. Дарвин // Журнал Министерства народного просвещения, 1911. – Ч. 32. – С. 18.
67. *Дарвинизм* // Биолог. энциклоп. словарь / гл. ред. М.С. Гиляров. – М.: Большая рос. энциклопедия, 1995. – С. 166.
68. *Дарвинизм* // Советский энциклоп. словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1980. – С. 364.
69. *Дарвинизм: хрестоматия* / сост. В.А. Алексеев. – М.: Изд-во МГУ, 1951. – Т. 1. – 848 с.
70. *Дворянкин Ф.А.* Дарвинизм / Ф.А. Дворянкин: курс лекций по истории эволюционного учения и проблемам дарвинизма. – М.: Изд-во МГУ, 1964. – 447 с.
71. *Декарт Р.* Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – 452 с.
72. *Деревянко А.П.* Ожившие древности / А.П. Деревянко. – М.: Молодая гвардия, 1986. – 240 с.
73. *Деревянченко Ю.И.* Онтологический статус трансцендентного: дис. на соискание ... канд. филос. наук: 09.00.01; 20.04.2001 / Деревянченко Юрий Иванович. – Омск, 2001. – 142 с.
74. *Дзержинский Ф.Я.* Сравнительная анатомия позвоночных живонных / Ф.Я. Дзержинский. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 208 с.
75. *Дидро Д.* Письма о слепых в назидание зрячим / Д. Дидро // Избр. философские произведения. – М., 1941. – С. 58.
76. *Дольник В.Р.* Этологические экскурсии по запретным садам гуманиитариев / В.Р. Дольник // Природа. – 1993. – № 2. – С. 72–85.
77. *Дружинин А.Н.* Жизнь и научная деятельность А.Н. Северцова / А.Н. Дружинин // Дарвинизм: хрестоматия. – М.: Изд-во МГУ, 1951. – Т. 1. – С. 722–727.
78. *Еськов К.Ю.* Применять с осторожностью, беречь от детей! / К.Ю. Еськов // Человек. – 2000. – № 1. – С. 176–183.
79. *Еськов К.Ю.* Удивительная палеонтология / К.Ю. Еськов. – М.: НЦ ЭНАС, 2007. – 312 с.

80. *Жизнь животных*. Млекопитающие или звери / под ред. С.П. Наумова, А.П. Кузьякина. – М., 1971. – Т. 6. – С. 548–549.
81. *Жизнь как она возникла*. Путем эволюции или путем сотворения? Brooklyn; New York, USA: Watchtower Bible, 1992. – 256 с.
82. *Завадский К.М.* Вид и видообразование / К.М. Завадский. – Л.: Наука, 1968. – 404 с.
83. *Завадский К.М.* Развитие эволюционной теории после Дарвина (1849–1920) / К.М. Завадский. – Л.: Наука, 1973. – 348 с.
84. *Завадский К.М.* Учение о виде / К.М. Завадский. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. – 254 с.
85. *Завадский К.М.* Эволюция эволюций / К.М. Завадский, Э.И. Колчинский. – Л.: Наука, 1977. – С. 139.
86. *Зародышевое сходство* // Биолог. энциклоп. словарь / гл. ред. М.С. Гиляров. – М., 1995. – С. 209.
87. *Зеньковский В.В.* Об образе Божиим в человеке / В.В. Зеньковский // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 147–161.
88. *Зубов А.А.* Наследники по прямой / А.А. Зубов // Вокруг Света. – 2003. – № 5. – С. 104–114.
89. *Зубов А.А.* Эволюция Homo sapiens: традиционные механизмы и новые факторы / А.А. Зубов // Человек. – 1998. – № 1. – С. 41–49.
90. *Иорданский Н.Н.* Эволюция жизни / Н.Н. Иорданский. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 432 с.
91. *Канаев И.И.* Жорж Кювье / И.И. Канаев. – Л.: Наука, 1976. – 211 с.
92. *Канке В.А.* Концепции современного естествознания / В.А. Канке. – М.: Логос, 2001. – 366 с.
93. *Кант И.* Трактаты и письма / И. Кант. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
94. *Карпенков С.Х.* Концепции современного естествознания / С.Х. Карпенков. – М.: Высшая школа, 2001. – 335 с.
95. *Козлова М.С.* Эволюционная судьба Homo sapiens / М.С. Козлова // Человек. – 2000. – № 1. – С. 46–56.
96. *Коллинз Р.* Социология философии. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1282 с.
97. *Комаров В.Л.* Жизнь и труды Карла Линнея / В.Л. Комаров: изб. соч. – М., 1945. – Т. 1. – 480 с.
98. *Константинов В.М.* Зоология позвоночных / В.М. Константинов, С.П. Наумов, С.П. Шаталова. – М.: Академия, 2000. – 496 с.
99. *Контримавичус В.Л.* Истоки учения о ноосфере / В.Л. Контримавичус // Человек. – 2002. – № 5. – С. 21–34.
100. *Корочкин Л.И.* Введение в генетику развития / Л.И. Корочкин. – М.: Наука, 1999. – 254 с.
101. *Корочкин Л.И.* Гены, онтогенез и проблемы эволюционного развития. Эволюционная биология: материалы конф. «Проблема вида и видообразование» // Томский гос. ун-т; под ред. В.Н. Стегния. – Томск, 2001. – Т. 1. – С. 49–72.

102. *Костарев С.В.* Самоорганизация и управление природопользованием: дис. ... докт. филос. наук: 09.00.08: защищена 25.05.2000 / Костарев Сергей Владимирович. – М., 2000. – 249 с.
103. *Краткий философский словарь* / под ред. М. Розенталя и П. Юдина. – М.: Полит. лит-ра, 1952. – 614 с.
104. *Крюков В.Г.* Роль нуклеиновых кислот в биологических формообразовательных процессах / В.Г. Крюков // Совецание по проблеме живого вещества и развития клеток: стенографический отчет АН СССР. – М., 1951. – С. 47–65.
105. *Кузнецов В.И.* Естествознание / В.И. Кузнецов, Г.М. Идлис, В.Н. Гутина. – М.: Агар РАН, 1996. – 383 с.
106. *Кун Т.С.* Структура научных революций / Т.С. Кун. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
107. *Кювье Ж.* Рассуждения о переворотах на поверхности земного шара / Ж. Кювье; пер. с франц. Д.Е. Жуковского. – М.; Л., 1937. – С. 71–286.
108. *Лабораторный практикум по зоологии позвоночных* / В.М. Константинов, С.П. Шаталова, В.Г. Бабенко [и др.]. – М.: Академия, 2001. – 272 с.
109. *Лаломов А.В.* Предисловие к первому номеру альманаха «Сотворение» / А.В. Лаломов // Сотворение: альманах общества креационной науки. – М., 2002. – С. 3–11.
110. *Ламарк Ж.Б.* Философия зоологии / Ж.Б. Ламарк. – М.: Биомедгиз, 1935. – Т. 1. – 330 с.
111. *Ламсден Ч.* Геннокультурная коэволюция: человеческий род в становлении / Ч. Ламсден, А. Гушурст // Человек. – 1991. – № 3. – С. 43–56.
112. *Ларичев В.Е.* Сокровища джунглей / В.Е. Ларичев. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1977. – 272 с.
113. *Лаудан Л.* Наука и ценности / Л. Лаудан // Современная философия науки: знания, рациональность, ценности в традиционной мысли Запада. – М., 1996. – С. 221–246.
114. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
115. *Леви-Строс К.* Структурная антропология / К. Леви-Строс. – М.: Прогресс, 2001. – 422 с.
116. *Леллот Ф.* Решение проблемы жизни / Ф. Леллот. – Брюссель, 1959. – 235 с.
117. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм // Соч. – 4-е изд. – Т. 14. – М.: ОГИЗ, 1947. – 290 с.
118. *Леонард У.* Пища для мышления / У. Леонард // Origin. – 2003. – № 4. – С. 56.
119. *Лепешинская О.Б.* Происхождение клеток из живого вещества / О.Б. Лепешинская. – М.: Правда, 1951. – 40 с.
120. *Лепешинская О.Б.* Развитие жизненных процессов в доклеточном периоде / О.Б. Лепешинская // Совецание по проблеме развития живого вещества и развития клеток: стенографический отчет АН СССР. – М., 1951. – С. 9–35 .

121. *Лепешинская О.Б.* Развитие жизненных процессов в доклеточном периоде / О.Б. Лепешинская. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 303 с.
122. *Лешкевич Т.Г.* Философия науки / Т.Г. Лешкевич. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 172 с.
123. *Литвинов Н.И.* Зоогеография / Н.И. Литвинов. – Иркутск: Изд-во ИСХИ, 1992. – 130 с.
124. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. – М.: Наука, 1990. – 440 с.
125. *Лосский В.* Богословие и боговидение / В. Лосский. – М., 2000. – С. 289–302.
126. *Лукин Е.И.* Критика ламаркизма в трудах И.И. Шмальгаузена / Е.И. Лукин // История и теория эволюционного учения. – Вып. 2. – Л., 1974. – С. 75.
127. *Макроэволюция* // Биолог. энциклоп. словарь / гл. ред. М.С. Гиляров. – М., 1995. – С. 337.
128. *Марков А.В.* От Ламарка к Дарвину... и обратно / А.В. Марков // Экология и жизнь. – 2008. – № 1 (74). – С. 48–53.
129. *Материалисты Древней Греции: хрестоматия.* – М.: Наука, 1955. – С. 55.
130. *Медников Б.М.* Биология: формы и уровни жизни / Б.М. Медников. – М.: Просвещение, 1994. – С. 315.
131. *Медников Б.М.* Происхождение человека / Б.М. Медников // Наука и жизнь. – 1974. – № 11. – С. 76–85; № 12. – С. 86–91.
132. *Мень А.* История религии. В поисках пути, истины и жизни / А. Мень. – М.: Путь, 1994. – 88 с.
133. *Мень А.* О Тейяре де Шардене / А. Мень // Вопросы философии. – 1990. – № 12. – С. 89–92.
134. *Мечников И.И.* Очерк вопроса о происхождении видов / И.И. Мечников // Избранные биологические произведения. – М., 1950. – С. 10.
135. *Мифология.* Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. – Минск, 2003. – С. 634.
136. *Михайлов М.И.* От индивида к личности / М.И. Михайлов // Человек. – 2002. – № 4. – С. 188–192.
137. *Млекопитающие Советского Союза. Парнокопытные и непарнокопытные* / под ред.: В.Г. Гептнера, Н.П. Наумова. – М., 1961. – Т. 1. – С. 381–382.
138. *Можейко М.А.* Синергетика. Схоластика // Новейший философский словарь. – Минск, 2003. – С. 902–913; 1009–1012.
139. *Моисеев Н.Н.* Человек и ноосфера / Н.Н. Моисеев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 350 с.
140. *Морган Т.* Экспериментальные основы эволюции / Т. Морган. – М.; Л., 1936. – 242 с.
141. *Морлэнд Дж.П.* Гипотеза творения / Дж.П. Морлэнд. – Симферополь: Крым-Фарм-Трейдинг, 2000. – 335 с.
142. *Моуэт Ф.* Не кричи, волки! / Ф. Моуэт. – М.: Мир, 1968. – 149 с.
143. *Мужчинкин В.Ф.* Что же все-таки написано о нас в геологической летописи / В.Ф. Мужчинкин // Человек. – 2000. – № 3. – С. 36–41.

144. *Мурзаев Э.М.* Лев Семенович Берг (1876–1950) / Э.М. Мурзаев. – М.: Наука, 1983. – 176 с.
145. *Назаров В.И.* Учение о макроэволюции / В.И. Назаров. – М.: Наука, 1991. – 340 с.
146. *Найдыш В.М.* Концепции современного естествознания / В.М. Найдыш. – М.: Гардарики, 2001. – 476 с.
147. *Налимов В.В.* В поисках иных смыслов / В.В. Налимов. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. – 280 с.
148. *Налимов В.В.* Вездесуще ли сознание? / В.В. Налимов // Человек. – 1991. – № 6. – С. 15–22.
149. *Настольная книга атеиста* / под ред. С.Д. Сказкина. – М.: Полит. лит-ра, 1971. – 470 с.
150. *Наумов Н.П.* Зоология позвоночных / Н.П. Наумов, Н.П. Карташев. – М.: Высшая школа, 1979. – Ч. 1. – 333 с.; Ч. 2. – 272 с.
151. *Неймайр М.* История Земли / М. Неймайр. – СПб.: Книгоизд. тов-во «Просвещение», 1902. – Т. 2. – 848 с.
152. *Некрасов А.Д.* Борьба за дарвинизм / А.Д. Некрасов. – М., 1937. – С. 39.
153. *Немилов А.В.* Как появилась на Земле жизнь / А.В. Немилов. – М.: Общедоступная библиотека, 1924. – С. 20–40.
154. *Никаноров С.П.* Социальные формы постижения бытия / С.П. Никаноров // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 64–67.
155. *Ньютон-Смит В.* Рациональность науки / В. Ньютон-Смит // Современная философия науки: знания, рациональность, ценности в традиционной мысли Запада. – М., 1996. – С. 246–295.
156. *Общая биология: учеб. для 10–11 классов общеобраз. учреждений* / под ред. акад. Д.К. Беляева. – 10-е изд. – М.: Просвещение, 2001. – 287 с.
157. *Одум Ю.* Основы экологии / Ю. Одум. – М.: Мир, 1975. – 741 с.
158. *Ольшевский В.С.* Как соотносятся постулаты веры, эволюционизма и сотворения между собой и с естествознанием / В.С. Ольшевский // Сотворение: альманах. – М., 2002. – Вып. 1. – С. 35–67.
159. *Опарин А.И.* Возникновение жизни на Земле / А.И. Опарин. – М.: Биомедгиз, 1936. – 35 с.
160. *Осипов А.Н.* Путь разума в поисках истины / А.Н. Осипов. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2003. – 430 с.
161. *Палмер Д.* Атлас динозавров. Доисторический мир / Д. Палмер. – М.: Премьера, 2001. – 224 с.
162. *Патнэм Х.* Философия и человеческое понимание / Х. Патнэм // Современная философия науки: знания, рациональность, ценности в традиционной мысли Запада. – М., 1996. – С. 295–342.
163. *Перье О.* Основные идеи зоологии в их историческом развитии / О. Перье. – СПб., 1896. – С. 50–55.
164. *Плавильщиков Н.Н.* Гомункулус / Н.Н. Плавильщиков. – М.: Худ. лит-ра, 1971. – 432 с.

165. *Платон* // Соч.: в 4 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – 456 с.
166. *Платон. Тимей* / Платон // Соч.: в 3 т. – М., 1971. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 455–541.
167. *Полани М.* Личностное знание на пути к посткритической философии / М. Полани. – М.: Мысль, 1985. – 268 с.
168. *Поппер К.* Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
169. *Поршнева Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б.Ф. Поршнева. – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
170. *Пригожин И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 420 с.
171. *Проскураков В.М.* Парацельс / В.М. Проскураков. – М.: Просвещение, 1935. – 165 с.
172. *Пузанов И.И.* Зоогеография / И.И. Пузанов. – М.: Биомедгиз, 1938. – 237 с.
173. *Пучковский С.В.* Эволюция и экология / С.В. Пучковский // Проблема биологического разнообразия. – Ижевск, 1998. – С. 110.
174. *Разумов В.И.* Категориально-системная методология в подготовке ученых / В.И. Разумов. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – 277 с.
175. *Разумов В.И.* Категориальный аппарат в современном естествознании / В.И. Разумов, В.П. Сизиков // Философия науки. – 2004. – № 1. – С. 3–29.
176. *Разумов В.И.* Методология подготовки и интеллектуально-технологического сопровождения научных исследований: дис. ... на соиск. уч. степ. д-ра филос. наук: 09.00.01: защищена 04.07.97 / Разумов Владимир Ильич. – Новосибирск, 1997. – 304 с.
177. *Разумов В.И.* Философская пропедевтика построения качественных моделей / В.И. Разумов // Методология и методика естественных наук: сб. науч. тр. / Ом. гос. пед. ун-т. – Омск, 1998. – Вып. 2. – С. 76–100.
178. *Рассел Б.* История западной философии / Б. Рассел. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. – 814 с.
179. *Ромер А.* Анатомия позвоночных / А. Ромер, Т. Парсонс. – М.: Мир, 1992. – Т. 1. – 358 с.; Т. 2. – 406 с.
180. *Роуз Серафим.* Православие и религия будущего / Серафим Роуз. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1996. – 253 с.
181. *Роуз Серафим.* Православный взгляд на эволюцию / Серафим Роуз. – М.: Изд-во Свято-Введенского монастыря Оптиной Пустыни, 1997. – 96 с.
182. *Рыжков В.Л.* Выступление на совещании по проблеме живого вещества и развития клеток 22-24 мая 1950 г. / В.Л. Рыжков // Стенографический отчет АН СССР. – М., 1951. – С. 112–113.
183. *Рьюз М.* Философия биологии / М. Рьюз. – М.: Прогресс, 1977. – 317 с.
184. *Рэфф Р.* Эмбрионы, гены и эволюция / Р. Рэфф, Т. Кауфман. – М.: Мир, 1986. – С. 92–93.
185. *Саровский Серафим.* Беседа с Н.А. Мотовиловым о цели христианской жизни / Серафим Саровский. – Сергиев Посад, 1914. – 35 с.

186. *Сарфати Дж.* Несостоятельность теории эволюции. Руководство для учеников, родителей и преподавателей, опровергающее современные аргументы в пользу эволюции / Дж. Сарфати. – Симферополь. Изд-во Христианский науч. апологетич. центра, 2001. – 136 с.
187. *Северцов А.Н.* Морфологические направления эволюционного процесса / А.Н. Северцов. – М., Наука, 1967. – 256 с.
188. *Северцов А.С.* Причины эволюционного стазиса / А.Н. Северцов // Эволюционная биология: материалы конф. «Проблема вида и видообразование» / Томский гос. ун-т; под ред. В.Н. Стегния. – Томск, 2001. – Т. 1. – С. 73–88.
189. *Северцов А.С.* Теория эволюции / А.Н. Северцов. – М.: Владос, 2005. – С. 196.
190. *Сергеев М.Г.* Видообразование и эволюционная биогеография / М.Г. Сергеев // Эволюционная биология: материалы конф. «Проблема вида и видообразование» / Томский гос. ун-т; под ред. В.Н. Стегния. – Томск, 2001. – Т. 1. – С. 106–121.
191. *Сидоров Г.Н.* Гносеологический анализ вопроса о происхождении жизни / Г.Н. Сидоров, О.Б. Шустова // Естественные науки и экология: ежегодник ОмГПУ. – Вып. 6. – Омск, 2001. – С. 286–296.
192. *Сидоров Г.Н.* К моральному здоровью через истины Библии: о творении и видоизменениях живых существ / Г.Н. Сидоров, О.Б. Шустова // Человек и христианское мировоззрение: альманах. – Симферополь, 2004. – Вып. 9. – С. 216–220.
193. *Сидоров Г.Н.* Концепции о происхождении жизни в свете естественно-научной апологетики как урок XX и надежда XXI века / Г.Н. Сидоров, О.Б. Шустова // Человек и христианское мировоззрение: альманах. – Симферополь, 2004. – Вып. 9. – С. 224–227.
194. *Сидоров Г.Н.* Материалистический и апологетический подход к антропогенезу – свобода ученого перед собой и ответственность перед обществом / Г.Н. Сидоров, О.Б. Шустова // Человек и христианское мировоззрение: альманах. – Симферополь, 2005. – Вып. 10. – С. 232–239.
195. *Сидоров Г.Н.* Методологический подход к видовому разнообразию в свете двух научно-исследовательских парадигм / Г.Н. Сидоров, О.Б. Шустова // Человек и христианское мировоззрение: альманах. – Симферополь, 2006. – Вып. 11. – С. 275–278.
196. *Сидоров Г.Н.* Наука и философия о развитии жизни на Земле / Г.Н. Сидоров, О.Б. Шустова, В.И. Разумов // Философия науки. – Новосибирск, 2003. – № 4. – С. 36–63.
197. *Сидоров Г.Н.* Поиск истины в междисциплинарных взаимодействиях в биологии / Г.Н. Сидоров, О.Б. Шустова // Человек и христианское мировоззрение: альманах. – Симферополь, 2007. – Вып. 12. – С. 236–239.
198. *Сидоров Г.Н.* Растительный и животный мир в Библии / Г.Н. Сидоров, В.Г. Еремеева, О.Б. Шустова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – 110 с.
199. *Сидоров Г.Н.* Синтез моделей «Эволюционного древа» и «Креационного сада» / Г.Н. Сидоров, О.Б. Шустова // Эколого-экономическая эффектив-

ность природопользования на современном этапе развития Западно-Сибирского региона: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Ом. гос. пед. ун-т. – Омск, 2006. – С. 264–267.

200. *Сидоров Г.Н.* Сравнительный анализ теорий эволюции / Г.Н. Сидоров, О.Б. Шустова, В.И. Разумов. Ежегодник: межвуз. сб. науч. тр. / Ом. гос. пед. ун-т. – Омск, 2004. – Кн. 2. – Вып. 8. – С. 184–196.

201. *Сидоров Г.Н.* Философия теорий эволюции / Г.Н. Сидоров, О.Б. Шустова. – СПб.: ЛиСС, 2003. – 63 с.

202. *Слободский Серафим.* Закон Божий / Серафим Слободский. – 4 изд. – М.: Московская патриархия. Ленинградское Епархиальное управление, 1987. – 723 с.

203. *Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук: учеб. для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук* / под ред. В.В. Миронова. – М.: Гардарики, 2006. – 640 с.

204. *Спенсер Г.* Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер. – Киев: Современный литератор, 1998. – С. 1408.

205. *Спиркин А.Г.* Философия / А.Г. Спиркин. – М.: Гардарики, 2000. – 815 с.

206. *Стенли Л. Джеки.* Спаситель науки / Л. Джеки Стенли. – М.: Греколат. кабинет Ю.А. Шичалича, 1992. – 316 с.

207. *Степанов В.А.* В поисках «Адама»: эволюция гаплотипов Y-хромосомы в популяциях человека / В.А. Степанов, В.П. Пузырев // Эволюционная биология: материалы конф. «Проблема вида и видообразования» / Томский гос. ун-т; под ред. В.Н. Стегния. – Томск. – 2001. – Т. 1. – С. 358–370.

208. *Степин В.С.* Наука, религия и современные проблемы диалога культур / В.С. Степин // Религия, магия, миф: современные философские исследования. – М., 1997. – С. 132.

209. *Степин В.С.* Философия науки (общие проблемы) / В.С. Степин. – М.: Гардарики, 2006. – С. 383.

210. *Таранов П.С.* Золотая философия / П.С. Таранов. – М.: Аст, 1999. – 543 с.

211. *Татаринов Л.П.* Палеонтология и эволюционное учение / Л.П. Татаринов. – М.: Знание, 1985. – 64 с.

212. *Тейлор Йен.* В умах людей / Йен Тейлор. – Симферополь: Христианский научно-апологетический центр, 2001. – 550 с.

213. *Тейяр де Шарден.* Феномен человека / Тейяр де Шарден. – М.: Айрис Пресс, 2002. – 352 с.

214. *Теслинов А.С.* Философское литературство и его воздействие на новые направления философии / А.С. Теслинов, В.И. Разумов // Методологические концепции и школы в СССР (1951–1991 гг.) / ИФиПр СО РАН. – Новосибирск, 1994. – Вып. 3. – С. 69–77.

215. *Тимирязев К.А.* Исторический метод в биологии / К.А. Тимирязев // Избр. соч. в 4 т. – М., 1949. – Т. 3. – С. 355–600.

216. *Тихоплав В.Ю.* Жизнь напрокат / В.Ю. Тихоплав, Т.С. Тихоплав. – СПб.: Весь, 2003. – 252 с.

217. *Томпсон М.* Философия науки / М. Томсон. – М.: Торг. дом «Гранд», 2003. – 298 с.
218. *Туровский М.В.* Концепция Вернадского и перспективы эволюционной теории / М.В. Туровский, С.В. Туровская // Вопросы философии. – 1993. – № 6. – С. 88–104.
219. *Уайтхед А.* Избранные работы по философии / А. Уайтхед / сост. И.Т. Касавин; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990. – 718 с.
220. *Урысон М.И.* Истоки семейства гоминид и филогенетическая дифференциация высших приматов / М.И. Урысон // Человек, эволюция и внутривидовая дифференциация: тр. Московского общества испытателей природы. – М., 1972. – С. 9–21.
221. *Федоров Ю.М.* Сумма антропологии / Ю.М. Федоров. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1996. – 832 с.
222. *Фейгинсон Н.И.* Основные вопросы мичуринской генетики / Н.И. Фейгинсон. – М.: Изд-во МГУ, 1955. – 454 с.
223. *Фейерабенд П.* Против методологического принуждения / П. Фейерабенд // Избр. тр. по методологии науки. – М., 1986. – 545 с.
224. *Филарет*, митрополит Минский и Слуцкий. Богословие и антропологические концепции // Человек. – 2002. – № 1. – С. 118–126.
225. *Филипченко Ю.А.* Изменчивость и методы ее изучения / Ю.А. Филипченко. – 5-е изд. – М.: Наука, 1978. – 290 с.
226. *Филипченко Ю.А.* Эволюционная идея в биологии: исторический обзор эволюционных учений XIX века / Ю.А. Филипченко. – 3 изд. – М.: Наука, 1977. – 280 с.
227. *Философия* / под ред. В.П. Кохановского. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 576 с.
228. *Философия* / под ред.: Г.В. Андрейченко, В.Д. Грачева. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – 245 с.
229. *Филэмбриогенез* // Биолог. энциклоп. словарь / гл. ред. М.С. Гиляров. – М., 1995. – С. 673.
230. *Фрагменты* ранних греческих философов / под ред. Т.И. Ойзерман. – М.: Наука, 1989. – Ч. 1. – 475 с.
231. *Фролов И.Т.* Генетика и диалектика / И.Т. Фролов. – М.: Наука, 1968. – 360 с.
232. *Фролов И.Т.* Жизнь и познание / И.Т. Фролов. – М.: Мысль, 1981. – 271 с.
233. *Фромм Э.* Иметь или быть? / Э. Фромм. – М.: Мысль, 1986. – 327 с.
234. *Фромм Э.* Предисловие к антологии «Природа человека» / Э. Фромм, Р. Хирау // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М., 1990. – С. 146–168.
235. *Хакен Г.* Интервью с профессором Г. Хакеном / Г. Хакен // Вопросы философии, 2000. – № 3. – С. 53–61.
236. *Хакен Г.* Информация и самоорганизация / Г. Хакен // Макроскопический подход к сложным системам. – М.: Мир, 1991. – С. 28–29.

237. Хауэлс У. 20 миллионов лет эволюции / У. Хауэлс // Наука и жизнь, 1973. – № 5. – С. 74–85.
238. Хоменков А.С. О смысле человекообразных обезьян / А.С. Хоменков // Материалы международного симпозиума. Человек и христианское мировоззрение. – Симферополь, 2001. – Вып. 6. – С. 289–292.
239. Хомутов А.Е. Антропология / А.Е. Хомутов. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 383 с.
240. Хэм К. Книга ответов / К. Хэм, Дж. Сарфати, К. Виленд. – Симферополь: Христианский научно-апологетический центр, 2000. – 280 с.
241. Хэтчер Уильям С. Научное доказательство существования Бога / Уильям С Хэтчер. – Киев: МП «Феникс», 1992. – 16 с.
242. Чадов Б.Ф. Мутации способные инициировать видообразование / Б.Ф. Чадов // Эволюционная биология: материалы конф. «Проблема вида и видообразование» / Томский гос. ун-т; под ред. В.Н. Стегния. – Томск, 2001. – Т. 1. – С. 138–162.
243. Шадевальд В. Понятие «природа» и «техника» у греков / В. Шадевальд // Философия техники в ФРГ. – М., 1989. – С. 90–102.
244. Шалютин Б.С. Общество произошло от обезьяны / Б.С. Шалютин // Человек. – 2003. – № 3. – С. 11–22.
245. Шелер М. Человек и история / М. Шелер // Thesis. – 1993. – № 3. – С. 132.
246. Шмальгаузен И.И. Основы сравнительной анатомии позвоночных животных / И.И. Шмальгаузен. – М.: Советская наука, 1947. – 540 с.
247. Шмальгаузен И.И. Проблемы дарвинизма / И.И. Шмальгаузен. – Л.: Наука, 1969. – 493 с.
248. Шредингер Э. Что такое жизнь? С точки зрения физика / Э. Шредингер. – М.: Атомиздат, 1972. – 88 с.
249. Штеренберг М.И. Энтропия в теории и в реальности / М.И. Штеренберг // Вопросы философии. – 2003. – № 10. – С. 103–113.
250. Шуленина Н.В. Тейяр де Шарден / Н.В. Шуленина // Философия. Энциклопедический словарь. – М., 2004. – С. 851–853.
251. Шустова О.Б. Сравнительный анализ эволюционного и креационного подходов к происхождению и развитию жизни: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08: защищена 29.05.06 / Шустова Ольга Борисовна. – Новосибирск, 2006. – 172 с.
252. Э. Трельч. Историзм и его проблемы / Э. Трельч. – М.: Мысль, 1994. – С. 180.
253. Эвеллинг Э. Ч. Дарвин и К. Маркс / Э. Эвеллинг // Научное обозрение. – 1897. – № 10. – С. 58–59.
254. Эйген М. Самоорганизация материи и эволюция биологических макромолекул / М. Эйген. – М.: Мир, 1973. – 215 с.
255. Энгельс Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. – М.: Полит. лит-ра, 1950. – 325 с.

256. *Энкенберг Дж.* Рациональное исследование и сила научных данных: новые горизонты? / Дж. Энкенберг, Дж. Уэлдон // *Гипотеза творения* / под ред. Дж. П. Морлэнда. – Симферополь, 2000. – С. 239.
257. *Эпштейн В.М.* Теория систематики в книге В.Н. Беклемишева «Методология систематики» / В.М. Эпштейн // *Системный подход в современной науке*. – М., 2004. – С. 459–477.
258. *Эфроимсон В.П.* Родословная альтруизма / В.П. Эфроимсон // *Новый мир*. – 1971. – № 3. – С. 8.
259. *Яблоков А.В.* Эволюционное учение дарвинизм / А.В. Яблоков, А.Г. Юсуфов. – М.: Высшая школа, 1998. – 336 с.
260. *Якимов В.П.* Как люди представляли свое происхождение / В.П. Якимов // *Наука и жизнь*. – 1973. – № 5. – С. 88–91.
261. *Якимов В.П.* Человек, эволюция и внутривидовая дифференциация / В.П. Якимов. – М.: Наука, 1974. – 487 с.
262. *Яновская М.И.* Пастер / М.И. Яновская. – М.: Молодая гвардия, 1960. – 363 с.
263. *Ярыгин В.Н.* Биология: учебник для медицинских специальностей вузов / В.Н. Ярыгин, В.Н. Васильева, И.Н. Волков. – М.: Высшая школа, 1997. – Т. 2. – 352 с.
264. *(Bill) Mehlert. A. W.* Australopithecines – the extinct southern apes of Africa: a fresh light on their status? *Creation Ex Nihilo Technical Journal*, 2000. 14(3): – P. 91–99.
265. *Ayala F.J.* The Mechanisms of Evolution. *Scientific American* 239(3), September, 1987. – P. 48–61.
266. *Baer K.* Uber Darwins Lehre Reden... SPb, 1876. II T.S. – P. 235–480.
267. *Beer, Gavin de.* Darwin and embryology. In *A century of Darwin*. S.A. Barnett ed. London: Heinemann. 1958. – P. 159.
268. *Behe Michael J.* Darwin's Black Box: The Biochemical Challenge to Evolution (New York: Free, 1996). – P. 6.
269. *Boule, Marcellin and H.V. Vallous (1921), Fossil men* / Reprint. London. Thames and Hudson, 1957. – P. 21.
270. *Brooks R.* The relationship between matter and life. *Nature*, (2001). – P. 409–411.
271. *Cairns-Smith, A.G.* Genetic Takeover and the Mineral Origins of Life. New York: Cambridge University Press, 1982. (II). – P. 72.
272. *Darwin Ch., Wallace A.R.* On the tendency of the species to form varieties and on the perpetuation of the species by natural means of selection, *J. Linn. Soc. (Zoology)*, 3, 1958. – P. 45.
273. *Davies P.* The Cosmic Blueprint: New Discoveries in Nature's Creative Ability to Order the Universe (New York: Simon and Schuster, 1988). – P. 141.
274. *Dawkins R.* The Blind Watchmaker (New York: W.W. Norton & Co., 1987). – P. 17–18.
275. *Denton Michael,* Evolution: A Theory in Crisis. (Bethesda: Adler& Adler, 1986). – P. 328–342.

276. *Dewey, J.* The influence of Darwin on philosophy and other essays in Contemporary thought. New York: H. Holt. Reprint Gloucetster, Mass: Peter Smith, 1951. – P. 65.
277. *Dobzhansky T.* Lysenko's genetics // The Journal of Heredity, 1946. – V. 37. – № 1. – P. 21.
278. *Donald C. Johanson and Maitland A. Edey, Lucy: The Beginning of Humankind* (New York: Simon and Shuster, 1983). – P. 363.
279. *Dorit, R.L.* Hiroshi Akashi, Gilbert W. Absence of polymorphism at the ZFY locus on the human Y- chromosome. *Science* 268(5214): May 26, 1995. – P. 83–85.
280. *Dose K.* “ The Origin of Life: More Questions Than Answers”, *Interdisciplinary Science Review* 13 (1988). – P. 384.
281. *Dupree, Hunter A. Asa Gray.* Cambridge: Harvard Univer. Press., 1959. – P. 359.
282. *Echardt Robert B.* Population genetics and human origins. *Scientific American*, Vol. 226(1), January 1972. – P. 94.
283. *Eisley L., The Immense Jourey* (New York: Time, 1962). – P. 144.
284. *Foster David,* *The Philosophical Scientists* (New York: Dorset, 1985). – P. 41.
285. *Geisler N.L., Anderson K., Origin Science: A Proposal for the Creation-Evolution Controversy* (Grand Rapids, Mich.: Bake, 1987). – P. 159–164.
286. *Gilbert S.F., Opitz J.M., Raff R. A. Resynthesizing Evolutionary and Developmental Biology.* *Developmental Biology* 173 (1996). – P. 357–372.
287. *Gilbert, S.F., Loredó G.A., Brukman A., Burke A.C.* Morphogenesis of the turtle shell: the development of a novel structure in tetrapod evolution. *Evolution & Development* 3, 2001. – P. 47–58.
288. *Gish Duane,* *Evolution: Challenge of the Fossil Record* (Green Forest, Ariz: Master, 1985). – P. 171.
289. *Gould, S.J.* Evolution – Explosion, not Ascent. *The New York Times*, 1978. Jan. 22. 1978. – P. 6.
290. *Gould, S.J.* Piltdown revisited. *Natural History* (New York), 1979, 88 (March). – P. 86.
291. *Gould, S.J.* The Verdict on Creationizm, *New York Times Magazine*, 1987, July 19. – P. 34.
292. *Gould, S.J.* *Wonderful Life. The Burgess Shale and the Nature of History.* New York: Norton, 1989 (II). – P. 86.
293. *Gould, S.J., Eldredge N.* Punctuated Equilibria: The Tempo and Mode of Evolution Reconsidered. *Paleobiology* 3, no 2 (1977): – P. 115–151.
294. *Grigg R.* Ernst Haeckel: evangelist for evolution and apostle of deceit // *Creation* 18 (2). – P. 33–36.
295. *Hoyle, F.* The big bang in astronomy. *New Scientist* (London) 92, 1981, (19 November). – P. 521.
296. *Hoyle, Fred, and C. Wickramasinghe.* *Evolution from Spase. A Theory of Cosmic Creationism.* New-York: Simon and Schuster, 1981. – P. 143.

297. *Hume David*, An Inquiry Concerning Human Understanding, ed Charles W. Hendel (New York: Bobbs-Merrill, 1995; orig. ed. 1784). – P. 123.
298. *Jastrow R.* God and Astronomers (New York: Norton, 1978), pp. 113–114. Johanson Donald C. and Maitland A. Edey, Lucy: The Beginning of Humankind (New York: Simon and Shuster, 1983). – P. 363.
299. *Kline A.D.*, “Theories, Facts and Gods: Philosophical Aspects of the Creation- Evolution Controversy”, in Did the Devil Make Darwin Do It? ed D.B. Wilson (Ames: Iowa State University Press, 1983). – P. 37–44.
300. *Koenigswald, G.H.R. von & Weidenreich, F.* Discovery of an additional Pithecanthropus skull // Nature, 1938, 15 October. – Vol. 142, no 3598. – P. 715.
301. *Laudan L.* The Demise of the Demarcation Problem Buffalo N.Y: Prometheus Books, 1988. – P. 133–143.
302. *Leakey Richard.* The Weekend Australian Magazine. 7–8 May 1983. – P. 3.
303. *Lewis, C.S.* God in the Dock. (Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 1970). – P. 253.
304. *Loewe L., Scherer S.* Mitochondrial Eve; the plot thickens. Trends in Ecology and Evolution. 12(11): 1997. – P. 422–423.
305. *Losos, J.B.* Warheit, K.I. and Schoener, T.W., Adaptive differentiation following experimental islands colonization in anolis lizards. 1997, Nature 387. – P. 70–73.
306. *Lubenow, M.L.*, 1998. Recovery of Neandertal mtDNA: an evaluation. CEN Technical Journal, 1998, 12 (1). – P. 87–89.
307. *Lucas, J.R.* Wilberforce and Huxley: Legendary encounter. The Historical Journal (Cambridge, U.K.), 1979, 22 (June): – P 313.
308. *Marsh, F. L.* Fundamental Biology (Lincoln, NE: Published by the author, 1941). – P.42.
309. *Matthews L.* Harrison, introduction to C. Darwin, The Origin of Species by Means of Natural Selection London: J.M. Dent & Sons 1976. – P. 10–11.
310. *Meyer, Stephen C.* “Of Clues and Causes: A Methodological Interpretation of Origin of Life Studies. Ph. D. thesis, Cambridge University, 1990. – P. 27.
311. *Moreland, J.P.* Christianity and the Nature of Science. Grand Rapids, Mich.: Baker Book House, 1989 (II). – P. 286.
312. *Morris S.K.* Evolution: Bringing Molecules into the Fold // Cell 100 (2000). – P. 1–11.
313. *Orgel L.* Self-organizing biochemical cycles. Proceedings of the National Academy of Sciences 97 (2000). – P. 1203–1207.
314. *Orgel Leslie,* The Origin of Life (New York: Wiley, 1973). – P. 189.
315. *Orgel Leslie.* Darwinism at the very beginning of life. New Scientist, 15 April 1982. – P. 150.
316. *Oxnard C. E.* The Order of Man. Nature. 258: 1984. – P. 389–395.
317. *Paabo S.* et al. Comparison of Neandertal mtDNA. Cell. July 1997; Science News. 1997. – V. 152. – № 3. – P. 37.
318. *Patterson T.* The mind of the gorilla. Conversation and conservation // Primates: The road of selfsustaining population, N.Y., 1986. – P. 933–947.
319. *Popper Karl,* Unended Quest: An Intellectual Autobiography, rev. ed. (London: Fontana /Collins, 1976). – P. 167–169.

320. *Richards G.*. Human behavioural evolution. A physiomorphic model // *Curr. Antropol*, 1989. Vol. 30. – № 2. – P. 244–255.
321. *Richardson M.K.* et.al. The re is no highly conserved embryonic stage in the vertebrates: implications for current theories of evolution and development // *Anatomy and Embryology*, 196 (2), 1997. – P. 91–106.
322. *Sean Henahan*. From Primordial Soup to the Prebiotic Beach. An interview With exobiology pioneer, Dr. Stanley L. Miller, University of California San Diego, Access Excellence, 1996. – P. 9.
323. *Susumo Ohno*. Evolution by Gene Duplication. Springer-Verlag. Berlin – Heidelberg – New York. 1970. – P. 227.
324. *Thompson, K.*, Ontogeny and phylogeny recapitulated. *American Scientist*. 1988, 76. – P. 273.
325. *Weidenreich, F.* Pithecanthropus and Sinanthropus, *Nature*, 1938. 26 February – Vol. 141. – P. 361–378.
326. *Weidenreich, F.* The skull of Sinanthropus pecinesis: A comparative study on a primitive hominid skull. Geological Survey of China. Peking, 1943. – P. 484.
327. *Wilder-Smith, A.E.* The Natural Sciences Know Nothing of Evolution (Costa Mesa, Calif, World for Today, 1981). – P. 4–5.
328. *Winslow, J.H.A.* and Meyer, 1983. The herpetrator at Piltdown. *Science*, 83 (Washington). – P. 4.
329. *Wright, D.G.M.* 1971. Syphilis and Neanderthal man. (London) 229 (5 February). – P. 409.
330. *Zuckerman, S.* Beyond the ivory towers. London: Weidenfeld and Nicholson. 1971. – P. 64.
331. *Zuckerman, S.* Myths and Methods in Anatomy. *Journal of the Royal College of Surgeon of Edinburgh*, Jan., 1966. – P. 90.

План 2008 г.

Научное издание

Шустова Ольга Борисовна
Сидоров Геннадий Николаевич

**ЭВОЛЮЦИОНИЗМ И КРЕАЦИОНИЗМ:
НАУКА ИЛИ ФИЛОСОФИЯ?**

Монография

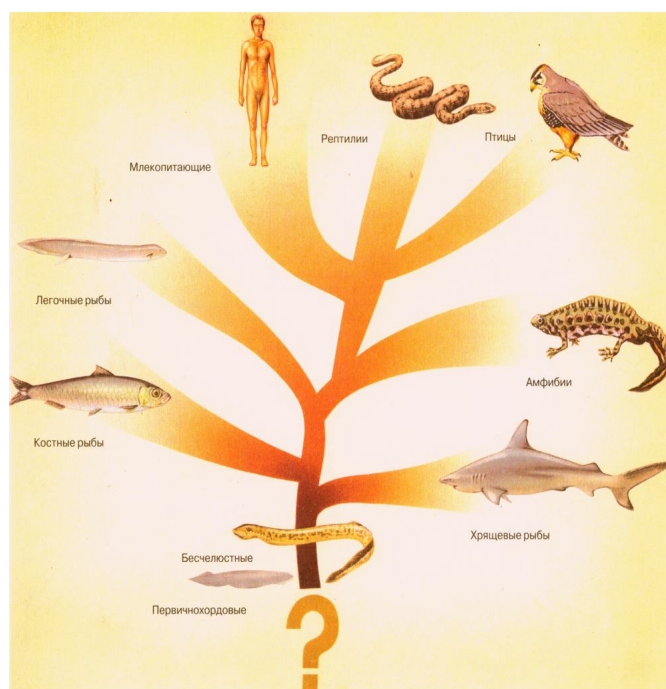
*Редактор О.В. Маер
Технический редактор М.И. Киденко
Корректор Т.И. Марченко
Компьютерная верстка О.С. Шубиной*

Рег. № 64 (от 09.07.08). Подписано в печать 16.12.08.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать на ризографе. Усл. печ. л. 13,02.
Уч.-изд. л. 13,41. Тираж 150 экз. Заказ 242.

Издательство ФГОУ ВПО ОмГАУ.
644008, Омск, ул. Сибакловская, 4, тел. 65-35-18.

Отпечатано в типографии издательства ФГОУ ВПО ОмГАУ.

О.Б. ШУСТОВА, Г.Н. СИДОРОВ

Эволюционизм и креационизм: наука или философия?

**ОМСК
2009**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шустова Ольга Борисовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Омского государственного аграрного университета и Омского государственного педагогического университета. Окончила Омский медицинский институт. Автор более 30 научных публикаций, в том числе по философско-биологическим проблемам.

Сфера интересов: философия науки, биология, естественно-научная апологетика.

Сидоров Геннадий Николаевич, доктор биологических наук, профессор. Окончил Иркутский государственный университет. Профессор Омского государственного педагогического университета, Омского государственного университета, Омского государственного аграрного университета, Российского государственного торгово-экономического университета. Автор более 360 научных публикаций, в том числе 10

коллективных монографий и 16 учебных пособий. Ответственный редактор «Красной книги Омской области». Участник 120 полевых экспедиций от Брянска до Владивостока и от Каспийского моря до устья реки Колымы. Подготовил 10 кандидатов наук по специальностям: «Зоология», «Экология» и «Философия науки и техники».

Сфера научных интересов: экология и охрана млекопитающих, природная очаговость бешенства, естественно-научная апологетика.